

ЛИТЕРАТУРНЫЙ
КОТЛОВАН

ПРОЕКТ
«ПИСАТЕЛЬ ШОЛОХОВ»

Зеев Бар-Селла

Зеев Бар-Селла

Литературный
котлован

Проект
«Писатель Шолохов»

Москва

2005

Так вот, если взять только последние месяцы, мы увидим, что газета решительно поддержала, не говоря о таких вещах, как "Лихая година" Гладкова, "Русский лес" Леонова, боевой роман "Балтийское небо" Чуковского, хорошую пьесу Софронова "Сердце не прощает", смелый, остро-конфликтный роман Гранина "Искатели", повесть Николаевой и другие произведения, которые вошли в актив литературы и о которых газета сказала первое слово.

Если взять вещи слабые, неудачные, вызывающие тот живой протест, о котором говорил Шолохов, то газета не терпела их. Она указывала как на неудачи на "Матросы" Первенцева, критиковала "Дружбу" Коптяевой, критиковала пьесу "Варвара Волкова" Софронова и некоторые другие. Это произведения писателей заслуженных, влиятельных.

И когда тот же Софронов написал после неудачной "Варвары Волковой" хорошую пьесу, принципиально иную – "Сердце не прощает", – газета поддержала ее.

Газета высказывала горькие слова о повести Виктора Некрасова* и старалась это сделать без визга. Об "Оттепели" вряд ли надо напоминать»³⁸.

И Рюриков возмущенно вопрошает:

«Где же тут пристрастность?»

<...> Что касается работы Союза писателей, то каждому делегату съезда известно, сколько серьезных упреков в адрес Секретариата Союза прозвучало на страницах газеты. <...>

Где тут личные и групповые пристрастия?

Чтобы покончить с малопочтенными намеками о продвижении, о карьере и чтоб стало ясным, что все это я говорю не потому, что забочусь о сохранении за собой поста, должен дать еще одну справку.

Вопрос о моей работе в "Литературной газете" вставал дважды: в 1950 году, когда я шел туда заместителем редактора, и в 1953 году, когда встал вопрос о моей работе в качестве редактора. В обоих случаях шел вопрос о моем переходе в газету с работы в партийных организациях, и в обоих случаях я самым решительным образом возражал.

Товарищи! Я работаю не ради личных интересов, и не стоит Шолохову швыряться такими словами. Я работаю там, где мне поручают, и работаю честно. <...>

Михаил Александрович Шолохов говорил о смелости, и я рад, что его речь полностью раскрыла, какой смелости он хочет. И разве хорошо было бы, если бы газета, скажем, смело растоптала Симонова и смело сбросила со счетов Эренбурга, расправилась бы еще кое с кем, не угодным определенным лицам?

Я называю такую смелость ослеплением. <...>

Товарищи! Мы часто говорим: наш Союз – коллективный Горький. Но спросим себя: было ли бы возможно такое выступление, если бы за столом сидел Алексей Максимович Горький? Горький оборвал бы такую речь или написал бы новый раздел "Литературных забав" и сделал

* В.П. Некрасов. «В родном городе» (1954).

бы это ради подлинного уважения к таланту писателя, позволяющего себе то, что ему позволять себе нельзя. (*Аплодисменты*.)

Товарищи! Мы еще мягкосердечны и нерешительны в борьбе с дурными литературными нравами. И с этим надо кончать. Нам нужно сплочение всех наших сил ради великого общего дела, о котором написано в приветствии ЦК нашему съезду. Надо сочетать свободное, широкое товарищеское обсуждение насущных вопросов литературы с умением дать твердый, энергичный отпор всем попыткам нанести ущерб делу литературы.

И я позволю себе закончить словами Маяковского:

...А ругаться захочется –
врагов много
по другую сторону
красных баррикад.

(*Аплодисменты*.)»³⁹

Это то, что Рюриков сказал, но совсем не то, что *намеревался* сказать. И на поэзию его потянуло тоже не случайно, ибо в основу выступления действительно положена риторическая фигура, принадлежащая великому поэту. И доказательством служит выбор эпитета для обозначения намеков Шолохова – «малопочтенные»... А вот и источник:

О, римляне, сограждане, друзья!
Мне Цезарь другом был, и верным другом,
Но Брут его зовет властолюбивым,
А Брут – достопочтенный человек.
Он пленных приводил толпами в Рим,
Их выкупом казну обогащая.
Не это ли считать за властолюбье?
При виде нищеты он слезы лил, –
Так мягко властолюбье не бывает,
Но Брут зовет его властолюбивым,
А Брут – достопочтенный человек.
Вы видели, во время Луперкалий,
Я трижды подносил ему венец –
И трижды от него он отказался.
Ужель и это тоже властолюбье?
Но Брут его зовет властолюбивым,
А Брут – достопочтенный человек...

Естественно – Шекспир, «Юлий Цезарь», акт III, сцена 2-я, в старом (1880), но честном* переводе П.А. Козлова.

* «Friends, Romans, countrymen, lend me your ears <...>

He was my friend, faithful and just to me:

But Brutus says he was ambitious;

And Brutus is an honourable man.

He hath brought many captives home to Rome

Whose ransoms did the general coffers fill:

Марк Антоний, напомним, обвинил Марка Брута не в нанесении оскорблений или менее тяжелых телесных повреждений, но в убийстве! Отбиваться таким оружием от укоров в групповщине немного странно... И потому вполне логично заключить, что призыв Рюрикава: «Товарищи! Мы еще мягкосердечны и нерешительны в борьбе с дурными литературными нравами. И с этим надо кончать» – предполагал куда более беспощадное развитие событий.

Равно как и заключительные тирады в речи Симонова:

«Тот из нас, кого литературные несогласия или споры заставят не объективно оценивать работу товарища, – тот не настоящий деятель советской литературы. (*Аплодисменты.*)

Тот из нас, кто из-за литературных разногласий и споров не пожелает в бою с общим врагом идти плечом к плечу рядом с тем или иным из своих товарищей по борьбе, – тот не настоящий деятель советской литературы. (*Аплодисменты.*)

Тот, кто не поделится патром

то, кто не делит сосед вора на и, ни одному на богу, – тот не настоящий деятель советской литературы!»

И поскольку «голос не победит», еще однажды назови про имени, вывед ясен. Шолохову нет места в советской литературе!

После чего – и как ни в чем не бывало – Симонов призывает Шолохова встать плечом к плечу с французами:

«А нам предстоит еще болевшие бои, в которых нам придется делиться друг с другом патром, в которых нам придется всю силу своей писательской страсти, всю силу своего таланта, всю мощь своего слуха отдавать великому делу служения народу, строящему коммунизм!» (*Аплодисменты.*)

И этого мне не смели, не смеем и никогда не сможем забыть!

Но только помни, что и обаявлю следы зрелому, мы имеем право к гордому слову *патром* добавлять еще более гордое слово *советский!* (*Продолжайте петь маршевые песни!*)

Что случилось с Симоновым? Что случилось с вами со всеми – с Рюриковым, Фадеевым, Фединым, Суровым? Что случилось с Федором Гладковым, все-таки какому товарищам? А ведь он, закрывая глаза, о Шолохове и слова не проронил!

С Гладкова и далее

Did this in Caesar's ear embed
When that the poor have cried, Caesar shall weep?
Ambition should be made of sterner stuff:
Yet Brutus says he was ambitious,
And Brutus is an honourable man.
You all did see that on the Lupercal
I thrice presented him a kingly crown,
Which he did thrice refuse: was this ambition?
Yet Brutus says he was ambitious,
And, sure, he is an honourable man.

Комментируя речь Шолохова на Втором съезде писателей, В.В. Васильев пишет:

«Необходимо заметить, что Гладков на протяжении всей своей жизни весьма ревниво и пристрастно относился к Шолохову и – неприязненно – к его творчеству. “У меня свой взгляд на этого писателя, – сообщал он в частном письме В.[Я.] Кирпотину в 1948 году. – Он отвратителен мне своим ерническим отношением к женщине. Наша женщина достойна вечного уважения. Я преклоняюсь перед ее героизмом, самоотверженностью. Она умеет сочетать в себе мать и государственного человека. А он назойливо унижает ее и паскудно любит ее как самкой... Он пробуждает в читателе самые низменные чувства. Идеализируя старое казачество, он противопоставляет ему большевиков как жалких евреев (том I ‘Тихого Дона’) и как бандитов, идиотов и психопатов. Давыдов – мерзкая фигура. Большевиком он быть не может. ~~Самодовольны~~ только на сцене и в борьбе с Подвизаев и в т.д. Шолохов требует мужественной критики, суровой и осуждающей – он способен мучить господина, а предвзвешен и беззастенчиво убог в своих словах и в отношении к другим (замысел женить воеводу на сироте и рядом в то же время с другим состоянием героев. И я полагаю, что виноватых в Шолохове – от соображений чисто реалистича” (РГА.ИИ. ф. 2096, оп. 2, ер.х. 33, л. 41-42).

Понять замысел В.В. Васильева не составляет труда, приняв поощряющую Ф. Гладкова суровую и осуждающую оценку поведения на Шолохова «субординации» – ревниво и пристрастно и неприязненно.

Есть еще одно основание думать, что критика Шолохова не была столь пристрастной*.

В уже цитированном дневнике В.И. Чугачева мы находим следующую запись:

«29 апреля [1958 г.] Я в Загородной больнице Кремля... По совету Стеллы мной дарят две книги (Федор Гладков. Он не фальшив!) друг хочет навестить меня. Я не могу принять его. Сейчас иду к нему и ужаснулся. Бомбанг по крохотной его доподлинности. Последний раз я видел его на Втором съезде писателей, когда он выступил против Шолохова. Но тогда я был] в свое время и тогда в это боялся. Он по своим словам не способен встать душой и думать выслушать на нем. Но по звонку Гладков... Вы предложили дать Шолохову слово. Он выступил страшно возмущая. На следующее утро мы поехали на Восток выступление вполне удовлетворительное, но опять провело в посредное заседание».

* На это намекает и П.И. Андреев: «...вот эти все выступавшие – Гладков, речь Шолохова – и Ф.В. Гладков и М. Терехин, Занд и В. Лукоцкий и С. Антонов и К.А. Федин и А.А. Фельдман и Б.С. Горбанов и К.М. Савицкий и А.А. Сурков. *Два десятилетия в развитии литературы и искусства, не только в этой литературе* (Стеллер П.И. Андреев, издательство «Восток-Запад», Москва, 1999, с. 27-9).

– И сказать речь?

– Непременно.

Это его и доконало, по его словам. После его выступления против Шолохова он стал получать десятки анонимных писем – ругательных и угрожающих – “Ты против Шол[охова], значит, ты – за жидов, и мы тебя уничтожим!”

Говоря это, Гладков весь дрожит, по щекам текут у него слезы – и кажется, что он в предсмертной прострации.

– После съезда я потерял всякую охоту (и способность) писать. Ну его к черту. Вы посмотрите на народ. Ведь прежде были устои, такие или сакьи, а были, а теперь – пьянство, разгул, воровство. А высшие власти...

Тут он страшно закашлялся. Из дальнейших слов выяснилось, что в поезде, когда он ехал в Саратов к избирателям (его наметили кандидатом в депутаты Верх[овного] Совета), с ним приключился инфаркт – и с тех пор он держится только инъекциями, новокаином – и мыкается по больницам»⁴³.

Сразу внесем ясность: слова Гладкова о том, что он «не готовился к съезду и не думал выступать на нем», следует относить лишь к антишолоховской реплике, поскольку к съезду Гладков готовился и на съезде выступал – на вечернем заседании 19 декабря 1954 года (четвертый день работы съезда).

Но самое существенное – это признание Ф.В. Гладкова в том, что антишолоховская акция на съезде писателей была организована по прямому указанию секретаря ЦК КПСС М.А. Сулова, то есть высшего партийного руководства. И Гладков этому указанию последовал, и последнее заседание съезда провел. Вот только вопрос с Шолоховым как-то повис в воздухе... И причину этого несомненно следует искать вне пределов стычки писательских интересов и самолюбий. Что же происходило тогда в высших сферах?

Второй съезд советских писателей завершился 26 декабря 1954 года, а ровно через полтора месяца, 9 февраля 1955 года, в газете «Правда» появилось краткое сообщение об освобождении т. Маленкова Г.М. от должности Председателя Совета Министров Союза ССР.

Решение об этом было принято раньше – 31 января 1955 года, на январском Пленуме ЦК КПСС, и среди обвинений, предъявленных Маленкову, центральное место занимало данное им еще в августе 1953 года (на 5-й сессии Верховного Совета СССР) обещание увеличить финансирование предприятий легкой промышленности (группы «Б») за счет сокращения темпов роста промышленности тяжелой (группы «А»). В данном тезисе Пленум ЦК усмотрел попытку Маленкова снискать себе дешевую популярность у разутых и раздетых масс.

Пленум ЦК открылся 25 января 1955 года, но еще до принятия какого-либо решения, более того – за день до открытия Пленума в «Правде» была опубликована огромная (на два подвала) статья «Генеральная линия партии и вулгаризаторы марксизма», подписанная главным редактором Д.Т. Шепиловым. И в статье этой идея об увеличении производства ширпотреба за счет тяжелой промышленности была объявлена

глубоко чуждой марксистско-ленинской политической экономии и генеральной линии Коммунистической партии⁴⁴.

Тут все понятно, главный редактор «Правды» знает, что дни Маленкова на посту предсовмина сочтены, и уже не стесняется.

Но это напечатано 24 января 1955 года. А вот другой текст:

«Наши мечты и заботы направлены прежде всего на создание мощной, всесторонне развитой морально-производственной (наверняка опечатка – следует читать: «*материально-производственной*». – Б.-С.) базы коммунизма. Такой базой является могучая, стоящая на уровне новейших достижений науки и техники тяжелая индустрия, которая была и остается основой основ всей социалистической экономики, гранитным фундаментом могущества Советской страны и ее обороноспособности, основой повышения благосостояния нашего народа.

Только на базе непрерывного и преимущественного развития и совершенствования тяжелой индустрии могут развиваться и процветать и все отрасли экономики, производящие предметы народного потребления, могут все полнее удовлетворяться постоянно растущие потребности советских людей».

Кто это? Когда? Все тот же Д.Т. Шепилов, в речи на Втором съезде советских писателей...⁴⁵ И произнес он такую речь 24 декабря 1954 года – за месяц до своей статьи в «Правде» и созыва Пленума ЦК!

А теперь сопоставим две цепи событий:

22 декабря Федор Гладков гневно осуждает антипартийную речь Шолохова, а 24 и 25 декабря яростные нападки на Шолохова сменяются увещеваниями и призывами вернуться в единый писательский строй.

В ночь с 21 на 22 декабря секретарь ЦК КПСС М.А. Суслев поручает Ф. Гладкову осудить антипартийную речь Шолохова, а вечером 24 декабря главный редактор центрального органа ЦК КПСС всего лишь – не называя по имени и мимоходом – журит Шолохова за «нигилизм»...

Как это понимать? А понимать это нужно так: не позднее первой половины дня 24 декабря 1954 года Председатель Совета Министров Союза ССР товарищ Маленков Г.М. был фактически отстранен от власти. И каким-то образом отстранение Маленкова вывело Шолохова из-под удара.

Со времен далекого детства знал я частушку:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Надала ему пинков.

Знал, сам пел и никогда не задумывался: к чему здесь употреблен противительный союз «а»? Ведь нам представлена простая последовательность событий: Берия вышел, вследствие чего Маленков ему надавал... – и здесь как нельзя к месту сочинительный союз «и»!

Грамматическая несуразность объясняется тем, что мы имеем дело с вырождением текста при заимствовании – из одной социальной

среды в другую: из среды сельской в городскую. Потому что на селе был иной и куда более осмысленный вариант:

Берия, Берия
Вышел из доверия,
А товарищ Маленков
Дал нам хлеба и блинков.

Крестьянское сознание следовало принципу, многократно осужденному римским правом: «После этого значит вследствие этого!» А тут последовательность событий была налицо: 10 июля 1953 года «Правда» впервые сообщила о «преступных и антигосударственных действиях Л.П. Берия», а уже 8 августа Маленков объявил о снижении сельскохозяйственного налога и отмене обязательных поставок с личных приусадебных участков!

Но селяне ошибались ничуть не больше интеллигентов-горожан. Так, например, либералы-шестидесятники, оценивая жизнь и личность Н.С. Хрущева, упрекали его за непоследовательность – не сумел, мол, осуществить реформы, о необходимости которых было заявлено на XX съезде КПСС. Однако единственным, что можно назвать «линией XX съезда», была критика деятельности Сталина и прежде всего – санкционированных им «нарушений социалистической законности» (с тех пор и на долгие десятилетия – стыдливый псевдоним террора). Потому единственным содержанием хрущевской «либерализации» был отказ от государственной практики истребления собственного населения. И даже в кругах оппозиционеров за свободу личности принималось в ту пору исключительно нахождение индивидуума на свободе, то есть не в тюрьме и не в лагере. Соответственно даже самые отъявленные либералы не требовали от власти свободы частной инициативы, подконтрольности обществу властных структур, ликвидации монополии компартии на идеологию.

Именно поэтому либералы так и не поняли, что за линию проводил Хрущев на самом деле. В частности сочли лозунг «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» очередным (под стать кукурузе) свидетельством оголтелого волонтаризма, отчаянной выдумкой окончательно запутавшегося лидера. И никто не вспомнил, что впервые слова эти прозвучали из уст первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова: «Великое счастье выпало на нашу долю. Наше поколение будет жить при коммунизме». И сказано это было на XI съезде комсомола – весной 1949 года⁴⁶, за 12 лет до принятия XXII съездом КПСС программы построения коммунизма к 1980 году. Даже конкретный срок построения коммунизма – 20 лет – был назван не Хрущевым, а Л.М. Кагановичем в 1938 году, на XVIII съезде ВКП(б): «Двадцать лет работы нашей партии на стройке социализма уже дали результаты – мы построили социалистическое общество. Еще двадцать лет работы дадут нам высшую фазу – коммунистическое общество»⁴⁷. Вспомним и слоган начала 1950-х годов: «Великие стройки коммунизма»⁴⁸. Короче говоря, линия Хрущева – это сталинизм без Сталина⁴⁹.

Но построение сталинского коммунизма невозможно без укрепления колхозного строя. Завершиться же это укрепление должно было

превращением колхозного крестьянства в сельский пролетариат, лишенный орудий производства и приусадебных участков (т. е. обезземеленный) и согнанный из деревень в подобие городских поселений («агророгорода»). Укрупнением колхозов и борьбой с мелкобуржуазной стихией приусадебного землевладения и личного владения скотом Н.С. Хрущев и занимался (особенно интенсивно с 1956 года, оставшегося в либеральном сознании как «год XX съезда»).

То, что положение с сельским хозяйством катастрофическое, было очевидно всем – достаточно сказать, что летом 1953 года на страну обрушился голод. И в августе Г.М. Маленков провозгласил новый курс – умеренного поощрения частного сектора в сельском хозяйстве. В результате за последующие 5 лет личные хозяйства колхозников дали стране более половины прироста производства мяса и более трети – картофеля, овощей и молока. Кроме того, в 2 раза увеличилось производство яиц и табака (половину этого количества дал частный сектор). А еще – в первый и последний раз за всю историю СССР – произошла миграция населения из городов в сельскую местность (в 1954–1956 гг. сельское население выросло на 2 млн человек)⁵⁰.

Об истинной сущности маленковских реформ (то ли часть более широких социально-экономических преобразований, то ли вынужденное отступление перед решающим броском?) общество могло только догадываться. И, как показало время, не догадалось...

Поэтому воспользуемся информацией из первых уст.

«Первое для страны дело – возрождение крестьянства. Резкое увеличение приусадебных участков, уменьшение налогов, первые шаги к фермерству – только начало. Полное личное владение землей и продуктами своего труда – в последующем».

Это из разговоров Георгия Максимилиановича Маленкова со своим сыном Андреем.

«Как-то я спросил отца: “Так ты что же, разрешил бы частную собственность на землю?” Отец: “Ее давно разрешил один из первых декретов Советской власти: “Землю – крестьянам!” Если бы этот декрет был бы осуществлен, сами крестьяне без насильственного сгона их в колхозы и совхозы непременно бы самоорганизовались в ту или иную кооперацию, прежде всего – сбытовую”»⁵¹.

Совершенно очевидно, что при подобных устремлениях (и делах: сразу же после смерти Сталина – 15 марта 1953 года – был упразднен Совет по делам колхозников при Совете Министров СССР) Маленков не был заинтересован в оправдании сталинской коллективизации, а публикация в «Правде» второй книги «Поднятой целины» никакой иной цели служить не могла. Так что дело не в бессодержательности шолоховского отрывка, а как раз напротив – в содержании!

Решить аграрный вопрос в СССР можно было одним единственным способом – превращением колхозников в крестьян. Это, понятно, требовало времени. А голодом – то есть нехваткой хлеба – грозил и 1954 год. И поскольку с 1913 года посевной клин России (104,6 млн га) не увеличился (105,2 млн га в 1949–1953 гг.), а сбор зерна (86 млн т) даже уменьшился (82,5 млн т в 1953 г.)⁵², то при отсутствии необходимо-

го количества техники и удобрений страну могли спасти лишь иностранные поставки. И тогда Хрущев выдвинул свой план – распахать казахстанскую целину. В результате к 1956 году посевные площади СССР выросли почти на четверть (128,3 млн га), а производство зерна – наполовину (125 млн т)⁵².

Что мог противопоставить этому напору Маленков? Его план претворялся в жизнь постепенно. Едва остыл Сталин, Маленков отказался от должности секретаря Президиума ЦК КПСС и настоял на ликвидации поста Генерального секретаря. Тем самым он не только обезглавил партию, но и поставил государство над партией.

На кого же он опирался? Первое время, пожалуй, лишь на растерянность аппарата. Социальную же базу он намеревался обеспечить себе в дальнейшем.

«Раскрепощение села, полагал отец, невозможно без раскрепощения города. Надо снять все запреты и ограничения на хозяйственную – индивидуальную и кооперативную – деятельность. При этом важно, чтобы государственная власть не обладала разрешительными функциями – приобретение недвижимости и средств производства должно происходить на основе аукционов, бирж и т. д. Государственный банк должен обеспечивать кредитование производственной деятельности частного человека. Только тогда появится слой экономически независимых, а значит, полностью свободных людей»⁵³.

Понятно, что открыто с такой программой Маленков не выступал. Он готовился. Из статьи Шепилова мы узнаем, что существовала целая группа экономистов (Е. Касимовский, Д. Кузнецов, П. Мстиславский, А. Пальцев, И. Векуа), разрабатывающих теоретические обоснования нового курса. Из них только И. Векуа успел высказать свои взгляды печатно (см.: «Вопросы экономики». 1954, № 9).

Одновременно велась работа и с другой стороны. 31 августа 1954 года в «Литературной газете» появляется статья З. Герасимова, вдруг вспомнившего об апрельской публикации шолоховских глав в «Огоньке»:

«Все мы с нетерпением ждем второй части, которая в опубликованных отрывках обещает нам не меньшее литературное событие, чем первая часть»⁵⁴.

Через месяц – еще одна статья: под другим именем, но аналогичного содержания^{55*}.

* Намечался и запасной вариант – публикация глав из второй книги в Казахстане, о чем свидетельствует письмо Шолохова А.Т. Изотову:

«Дорогой т. Изотов! С удовольствием выполняю Вашу просьбу и осенью (сентябрь–октябрь) вышлю главы из “Целины”. Ставлю только одно непременное условие: ни о каком гонораре не может быть и речи, т. к., во-первых, получу за это в другом журнале, а во-вторых, считаю себя “казахстанцем”, потому что с 1945 г. почти ежегодно бываю в Казахстане на охоте, и за гостеприимство дорогих казахов хочу хоть этим выразить свою признательность.

Ваш М. Шолохов

3.8.54.

Вешенская».

Однако, когда 11 ноября на Шолохова обрушился В. Ажаев, ни один из заслуженных литераторов за оскорбленного писателя не вступился. А это значит, что события вошли в решающую фазу.

13 декабря Шолохов вместе с прочими выдающимися советскими писателями является на встречу в ЦК и там разражается антисемитской речью*. Казалось бы, что такого?

Но так может показаться нам, привыкшим не удивляться советскому государственному антисемитизму. Однако речь Шолохова была обращена не к нам и написана не им. Достаточно вспомнить, что Шолохов не просто говорил о симпатиях Эренбурга к евреям, но ломинал ему публикации 1921 года в Риге. Если учесть, что в Риге в 1921 году Эренбург провел всего месяц – прибыл (из Москвы) 23 марта и в конце апреля отбыл (в Париж) – и успел за это время выпустить, притом за свой счет, всего одну книгу: поэтический сборник «Раздумия»⁵⁶, можно с уверенностью сказать, что Шолохову такой мелкий факт Эренбурговой биографии был неведом. А значит, на встрече с членами ЦК Шолохов озвучивал чужую информацию.

Печатный орган, о котором идет речь, – это алма-атинский альманах «Советский Казахстан», адресат же письма, Андрей Трофимович Изотов (1918–1990), вовсе не редактор альманаха, как могло бы показаться, а инструктор идеологического отдела ЦК Компартии Казахстана (см.: *Киктенко В.В.* Шолохов: новый автограф: (К 95-летию русского гения) // *Завтра.* 2000. № 21).

* Сведения о содержании этой речи, сообщенные в дневнике А.Т. Твардовского, дополняются мемуарами И.Г. Эренбурга:

«Накануне открытия съезда в Центральный Комитет пригласили сотню писателей, в том числе и меня. Выступили многие писатели с самыми различными оценками современной литературы. Последним в списке был крупный писатель, неизменно причисляемый к классикам советской литературы. Я не называю его имени, потому что в книге воспоминаний избегаю всего, что могло бы показаться читателю сведением личных счетов. Этот писатель напал на мою “Оттепель”, вынул из кармана листок, он прочел мои стихи, написанные весной 1921 года:

...Но люди шли с котомками, с кулями шли и шли
и дни свои огромные таскали, как кули.
Раздумий и забот своих вертели жернова.
Нет, не задела оттепель твоей души, Москва!

Стихи эти <...> не содержали криминала, а вырванные из книжки строки прозвучали иначе, и оратор легко связал их с повестью “Оттепель”. Однако главный сюрприз был впереди: писатель-классик, припомнив мой давний роман “В Проточном переулке”, сказал, что в нем я изобразил дурными русских людей, а героем показал еврейского музыканта Юзика. <...> Поэт А.И. Безыменский потребовал слова. Н.С. Хрущев ответил, что совещание кончилось. <...> Я позвонил П.Н. Поспелову и сказал, что не хочу идти на съезд. Петр Николаевич ответил, что двум товарищам (классику и Безыменскому) указано на недопустимость их поведения, а мое отсутствие будет плохо истолковано» (*Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь... Т. 3. С. 267).

И информаторам этим было крайне важно продемонстрировать, что ведущие представители общественности возмущены проеврейским курсом Маленкова (закрытие «дела врачей», восстановление дипломатических отношений с Израилем).

Так что 21 декабря на съезде Шолохов мог теперь говорить что угодно – судьба его была решена окончательно.

А оказалось – нет: решилась судьба Маленкова!

Вечером 23 декабря 1954 года информированный Фадеев уже занимает примирительную позицию, 24 декабря Шепилов говорит о примате тяжелой индустрии, 31 декабря Шепилов направляет в ЦК «докладную записку», каковая записка получает одобрение ЦК и 24 января 1955 года публикуется в «Правде» в качестве статьи «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма».

31 января 1955 года Пленум ЦК лишает Г.М. Маленкова поста Председателя Совета Министров, 8 февраля это решение утверждает Верховный Совет СССР, а 28 марта 1955 года «Правда» начинает печатать вторую книгу романа М.А. Шолохова «Поднятая целина»...

Так целина спасла «Поднятую целину». И Шолохова.

Маленкову вменяли еще один грех – капитулянство. 27 июля 1953 года было подписано соглашение о прекращении огня в Корее. 8 августа 1953-го, выступая на сессии Верховного Совета СССР, он впервые произнес слово «разрядка», а 12 марта 1954 года заявил, что третья мировая война «означает гибель мировой цивилизации».

Поэтому две трети речи Шепилова на съезде писателей были посвящены империалистической угрозе. И либерал Симонов тут же радостно подхватил:

«[Н]ам предстоят еще большие бои, в которых нам придется делиться друг с другом патронами...»

Ишь, «парень из нашего города»... Как забил копытами!

Что же все-таки готовили Шолохову?

В речах Ермилова, Фекина, Рюрикова и Симонова постоянно возникает противопоставление автора «Тихого Дона» Шолохову-критику. Достоинства первого бесспорны, второй – ниже всякой критики. Это и есть привычная дилемма «двух Шолоховых», несводимых к одной личности.

Как же выйти из такой ситуации? Выходов – два. Первый: забыть Шолохова, как будто его и не было. Выход второй: разделить этих вешенских близнецов физически. Есть роман «Тихий Дон», и был Шолохов, когда-то объявивший себя его автором. А роман-то – не его!..

Вот как всё могло обернуться, останься Маленков во главе государства.

Но это была бы совсем другая история. И другой XX век...

Что же на самом деле представляет собой вторая книга «Поднятой целины»? В 8-й ее главе – той самой партийно выдержанной – описывается встреча председателя колхоза им. Сталина Семена Давыдова с секретарем райкома Иваном Нестеренко. Может показаться, что это всего лишь подражание 22-й главе первой книги романа. Там к Давыдову приезжает высокопоставленный (и тоже из хохлов) партработник – командир агитколонны Осип Кондратько. Однако в 8-й главе имеется следующий эпизод:

«<...> Ну, о чем задумался, сухопутный моряк?! – вдруг задорно крикнул Нестеренко и увесисто толкнул Давыдова плечом.

Тот качнулся и сначала не понял, что его зовут на борьбу. Но когда смеющийся Нестеренко с силой толкнул его еще раз, Давыдов широко расставил ноги и слегка наклонился вперед.

Они схватились, ища друг у друга пояс.

– На поясах или как? – сдерживая дыхание, спросил Нестеренко.

– Как хочешь, только без дураков, без подножки.

– И через голову не кидать, – уже слегка посапывая от усилий повернуть противника, выдохнул Нестеренко.

Давыдов обхватил тугое, мускулистое тело и тотчас же, по сноровке, понял, что перед ним настоящий, опытный борец. Давыдов был, пожалуй, сильнее, но Нестеренко превосходил его подвижностью и ловкостью. Раза два, когда их лица почти соприкасались, Давыдов видел налитую смуглым румянцем щеку, озорно поблескивающий глаз, слышал приглушенный шепот: «Давай, давай, рабочий класс! Чего ты на одном месте толчешься?»

Минут восемь они возились на пахоте, а потом, уже окончательно измотанный, Давыдов хрипло сказал:

– Выбираемся на траву, а то мы тут богу души отдадим...

– Где начали, там и кончим, – тяжело дыша, прошептал Нестеренко.

Напрягая последние силы, Давыдов кое-как вытеснил противника на твердую землю, и тут наступил конец состязанию: падали они вместе, но уже при падении Давыдов сумел повернуть Нестеренко и оказался сверху. Раскинув ноги, всем весом своего тела прижимая противника к земле, задыхаясь, он еле проговорил:

– Ну, как, секретарь?

– О чем же говорить, признаю... Силен ты, рабочий класс... Меня побороть не так-то просто, с детства этим балуюсь...

Давыдов поднялся, великодушно протянул побежденному руку, но тот вскочил, как распрямившаяся пружина, повернулся спиной.

– Отряхни грязь!

С какой же мужской теплотой и лаской Давыдов своими большими ладонями осторожно счищал со спины Нестеренко приставшие ко-

мочки грязи и былинки прошлогодней травы. Потом они оба встретились глазами, и оба рассеялись»^I.

В первой книге «Поднятой целины» ничего подобного нет. Откуда же это взялось? А вот отсюда:

«На сложенных возле двора дубовых^I слегах в праздничной дреме человек восемь хохлов^{II} лускали семечки^{III}.

Степан подошел и снял косматую папаху.

– Здорово живете, добрые люди.

– Здравствуйте (*sic!*)^{IV} соби^V, – ответил самый старший с проседью в бороде.

– А што^{VI} не найметесь вывезть нам клажу на бугор? Пески тут а вас, снегу не мале, а мы вот на санях забились...

– Ни^{VII}, – коротко кинул хохол^{VIII} усыпая бороду шелухой.

– Мы заплотим. Ради Христа^{IX} вызвольте!

– Кóней не ма́.

– Што-ж^X, люди добрые, аль нам пропадать? – взмолился Степан разводя руками.

– Та мы не мógим знать^{XI}, – равнодушно отмахнулся^{XII} другой, в зачьем треухе.

Помолчали. Подошел Афонька выгинаясь^{XIII} в поклоне.

– Сделайте уваженье!

– Та ни. Це треба худобу морыть.

Молодой рослый хохол^{XIV} в добротном морщеном полушубке подошел к Степану и хлопнул его по плечу^{XV}.

– Вот шо, дядько: давайте з вами борка́ встроим. Колы вы мне придолиете – пидвезу на бугор, а ни – так ни. Ну, як? – Серые круглые глаза его смеялись, плавали в масляном^{XVI} ~~пузырьке щей~~. Степан оглядел улыбающихся хохлов^{XVII} и надел папаху.

^I В публикации 1962 года «дубовых» – устранено.

^{II} В публикации 1962 года: «тавричан».

^{III} В публикации 1962 года: «лускали семечки».

^{IV} В публикации 1962 года: «Здравстуй».

^V В рукописи: [...] (*sic!*).

^{VI} В публикации 1962 года: «что».

^{VII} В рукописи: [...] (*sic!*).

^{VIII} В публикации 1962 года: «тавричанин».

^{IX} В публикации 1962 года: «христа».

^X В публикации 1962 года: «Что ж».

^{XI} В рукописи: [...] (*sic!*).

^{XII} В публикации 1962 года: «откликнулся».

^{XIII} В публикации 1962 года: «выгибаясь».

^{XIV} В публикации 1962 года: «тавричанин».

^{XV} В рукописи: [...] (*sic!*).

^{XVI} В публикации 1962 года: «масленом».

^{XVII} В публикации 1962 года: «тавричан».

– Што-ж^{xviii}, братцы, значит надсмешка... Чужая беда, видно, за сердце не кусает.

– Давай спробуем! – смеялся молодой хохол^{xix} играя из-под^{xx} смушковой шапки бровями. Степан скинул рукавицы и оглядел широкие плечи противника, распиравшие полушубок.

– Берись!

– Оце-дило!..^{xxi}

Взялись на поясах. Просовывая пальцы под красный Степанов кушак, весело и легко дыша хохол^{xxii} попросил:

– Пузо пидбери.

Медленно закружились пытая силы. Степан сузив глаза выворачивал плечо упираясь противнику в грудь. Тот далеко назад заносил ногу, подтягивал на себя Степана, ломал. Обошли круга три. Степан чувствовал, что молодой сытый хохол^{xxiii} его сильнее и вел борьбу тоскливо уверенный в исходе.

Решившись прыгнул колено левой ноги и рухнул навзничь, больно ударившись затылком о мерзлую кочку. Хохол^{xxiv} подкинутый Степановыми ногами перелетел через него, грузно жмякнулся. Степан хотел вскочить по-молодому^{xxv}, как когда-то, но ноги отказались, а на него уж навалился вскочивший хохол^{xxvi}, вдавил ему лопатки в выщербленный лошадиными копытами снег дороги^{xxvii}.

Их обступили. Загоготали. Захлопали рукавицами. Степан выкопачивая измазанную папаху вздохнул.

– Десяток годов^{xxviii} скинуть-ба^{xxix}, я-б тебя повозил...

– Но, дядько, так и быть, пидвезу вас на бугор. Ты заробил соби, – задыхаясь довольно смеялся хохол^{xxx}. – Поняйте ось к тому двору»².

^{Внимательный читатель, ищущий книги, сразу опознает в этом обширном пассаже фрагмент рассказа «Обида», опубликованного лишь в 1962 году по рукописи³.}

В использовании автором своего неопубликованного старого текста нет ничего предосудительного. Если, конечно, текст хоть и старый, но собственный. А, как было показано в главе «Summa Orthographiae», причин считать Шолохова автором «Обиды» у нас нет.

xviii В публикации 1962 года: «Что ж».

xix В публикации 1962 года: «таврчанин».

xx В рукописи: «из под» (sic!).

xxi В публикации 1962 года: «Оце – дило!..».

xxii В публикации 1962 года: «таврчанин».

xxiii В публикации 1962 года: «таврчанин».

xxiv В публикации 1962 года: «таврчанин».

xxv В рукописи: «по молодому».

xxvi В публикации 1962 года: «таврчанин».

xxvii В публикации 1962 года: «на дороге».

xxviii В публикации 1962 года: «годков».

xxix В рукописи: «ск[у]нуть-ба».

xxx В публикации 1962 года: «таврчанин».

Впрочем, следы первой книги в главе тоже прослеживаются. Вот портрет секретаря райкома Ивана Нестеренко:

«Приезжий был невысок ростом и неказист с виду. На нем ловко сидела сильно поношенная бобриковая куртка, туго перетянутая солдатским ремнем; аккуратно заштопанные и залатанные защитного цвета штаны и старенькие сапоги, по самый верх голенищ покрытые серой коркой грязи, тоже, как видно, дослуживали сверхсрочную службу у своего владельца; и совершенно неожиданным контрастом в его убогом убранстве выглядела щегольская, отличного серебристого каракуля кубанка, мрачно надвинутая на самые брови. Но смуглое лицо приезжего было добродушно, протестный курносый нос потешно морщился, когда незнакомец улыбался, а карие глаза смотрели на белый свет со снисходительной и умной усмешкой»⁴.

А это – Осип Кондратько из 1-й книги:

«На сельсоветском крыльце, спиной к подходившему Давыдову, стоял приземистый человек в черной, низко срезанной кубанке с белым перекрестом по верху и в черном дубленом сборчатом полушубке. Плечи человека в кубанке были необъятно широки, редкостно просторная спина заслоняла всю дверь вместе с притолоками. Он стоял, раскорячив куцые, сильные ноги, низкорослый и могучий, как степной вяз. Сапоги с широченными морщенными голенищами и сбитыми на сторону каблукками, казалось, вросли в настил крыльца, вдавили его тяжестью медвежковатого тела»⁵.

Как сделан Нестеренко? – понять нетрудно. Кубанка и сапоги сняты с Осипа Кондратько, зато все прочее вывернуто наизнанку: богатырская статья Кондратько обернулась неказистостью, дубленый полушубок – поношенной бобриковой курткой... И если Кондратько достались сапоги с широченными *голенищами*, то и секретарю райкома ничего не остается, как измазать сапоги грязью по самый верх *голенищ*...

Откуда же взялся сам Осип Кондратько? Загадок нет и тут:

«в черном дубленом сборчатом полушубке»;

- «в добротном морщеном полушубке»;

«Плечи <...> были необъятно широки»

- «широкие плечи <...>, распиравшие полушубок»;

«с

широченными морщенными голенищами»

- «в добротном морщеном полушубке»...

Слева – хохол Кондратько, справа – молодой хохол из «Обиды».

И это не единственный след «Обиды» в первой книге «Поднятой целины»:

«Подали взвар. Разговор прекратился. Слышно было только, как чавкают рты да скребют днище обливной чашки деревянные ложки. Тишина нарушалась лишь тогда, когда ложка какого-нибудь парнишки начинала описывать внутри чашки круги в поисках разваренной груши. В этот-то момент дед Аким облизывал свою ложку и звонко стучал ею провинившегося мальчика по лбу, внушая:

- Не вылавливай!»⁶

Это – глава 25-я. А вот – рассказ (л. 2):

«А за обедом садился в передний угол, высился над столом ребристой громадиной, цепко оглядывал усыпавших лавки внуков. Замечал, что самый младший трехлеток Тимошка кривит душой[:], – мучительно улыбаясь старается поймать в чашке улывающий кусочек картошки, –¹ звонко стучал ложкой.

– Не вы-лав-ли-вай!..»

Отличие одно: в «Обиде» описан голод, а в первой книге «Поднятой целины» – колхозная сытость от обжорства до рыгания, см. в том же отрывке:

«Ванюшка, плотно подзакусивший каши и взвару <...>»;

«<...> дед Аким, отрывивая и крестясь, вслушивался в слова Найденова»...

Со всем, как в старое время («Тихий Дон»):

«Ели, как и всегда по праздникам, сытно и много. Щи с бараниной сменила лапша, потом вареная баранина, курятина, холодец из бараньих ножек, жареная картошка, пшенная с коровьим маслом каша, кулага, блинцы с каймаком, соленый арбуз. Григорий, огрузившийся едой, встал тяжело, пьяно перекрестился, отдуваясь, прилег на кровать. Пантелей Прокофьевич еще управлялся с кашей: плотно притолочив ее ложкой, он сделал посреди углубление (так называемый колодезь), налил в него янтарное масло и аккуратно черпал ложкой пропитанную маслом кашу. <...>

Пантелей Прокофьевич густо отрыгнул кулагой, пригладил бороду» (II, 5, 14).

В ранних изданиях слово «кулага» сопровождалось авторским примечанием: «Кулага – лапша с сушеной вишней», то есть такой же десерт, как и «взвар» – компот из сушеных фруктов.

А теперь последний штрих: по обед к колхозникам в 25-й главе заявляется Ванюшка Найденов – комсомолец-агитатор, доставленный в хутор агитколлонной Осипа Кондратько. Следовательно, тот, кто во второй книге «Поднятой целины» снова соединил визит ответственного партийного хохла с куском из рассказа «Обида»*, твердо помнил, как писалась книга 1-я.

Но целых 20 лет держать в памяти такую мелкую технологическую деталь?!.. Не разумнее ли предположить, что 8-я глава 2-й книги была написана вскоре после выхода книги 1-й, еще в 30-е годы?

Правда, Шолохов уверял, что рукопись и все материалы 2-й книги «Поднятой целины» погибли. Об этом он заявлял, по меньшей мере, дважды – Исааку Араличеву в 1947 году:

«В годы войны погиб весь архив Шолохова, вся библиотека. <...> Погибли материалы “Поднятой целины”⁷, и Константину Прийме в 1955-м:

¹ В публикации 1962 года вставка: «и».

* Вот, кстати, и объяснение, почему рассказ «Обида» был напечатан лишь в 1962 году – нежелание раскрывать источник заимствования до завершения публикации второй книги «Поднятой целины» (1960).

«Рукопись второй книги "Поднятой целины" утрачена со всем архивом. Теперь я пишу вторую книгу романа заново и по-новому, так как то, что было написано до войны, мне не нравилось»⁸.

Но Шолохов много чего говорил. Например неоднократно оплакивал рукописи 1-й и 2-й книг: «Тихая Долина прекрасная земля, что случилось с оней у Матильды Чебаковой, вдовы Василия Кудашева...»⁹

К тому же насчет гибели рукописей 2-й книги «Поднятой целины» Шолохов не особенно упорствовал... Например осенью 1949 года в беседе с Исаем Лежневым он высказался следующими образом:

«Вторую книгу "Поднятой целины" я начал писать еще до войны, написал почти половину. Это будет книга такого же размера, как и первая, то есть около двадцати печатных листов. <...> С 1941 года я к этому роману не возвращался, но дописать-то ведь придется когда-нибудь»¹⁰.

И 14 марта 1951 года, выступая перед студентами МВТУ им. Баумана, Шолохов заявил то же самое:

«<...> буду заканчивать 2-ю, последнюю книгу "Поднятой целины" – у меня уже до войны была написана половина»¹¹.

Понять это можно только так – готовая половина романа лежит у писателя в ящике стола.

Странное поведение Шолохова бросилось в глаза и редактору журнала «Вопросы литературы» Евгении Кацевой:

«<...> мы [редакция журнала. – Б.-С.] <...> обосновались в большой комнате (отдельные каморки были для главного редактора и корреспондентов) в помещении Гослитиздата, как раз напротив бухгалтерии.

Однажды Шолохов, пользовавшийся безграничным доверием Главбуси (главного бухгалтера [Гослитиздата. – Б.-С.] Бориса Гольдштейна) и имевший у него "открытый счет", пришел за деньгами. Будущий навеселе, он ошибся дверью и переступил порог в нашу густонаселенную комнату, понял свою ошибку и хотел тут же повернуться.

– Михаил Александрович, разрешите обратиться?

Он озадаченно остановился.

– Что это за военное обращение?

– А я старшина второй статьи.

– Ну обращайтесь.

Я как раз сидела над статьей ташкентского шолоховеда М. Соифера о второй книге "Поднятой целины", получившей Сталинскую <на самом деле, Ленинскую. – Б.-С.> премию. Где-то на периферии статьи было вскользь сказано, что роман был написан давно и рукопись потерялась во время войны! Да что же сенсация, это нужно выгнать и печатно, расписать, может быть, даже в заголовок вставить! Вот я и спросила, правда ли, что...

А вы что, у меня под столом сидели?

Нет, скажите, правда ли? Это ведь так важно! Мы по-другому все подадим.

Вы редактор, вы и решайте.

– Но мне же надо знать, правда ли?

Вы редактор, вы и решайте.

Я попыталась еще раз, переиначив, задать свой вопрос – все, затаив дыхание, следили за “переговорами”, – результат был тот же: продолжая повторять все ту же фразу – “Вы редактор, вы и решайте”, он ушел, то ли не желая участвовать в создании мифа, то ли, наоборот, не желая ~~ничего ему, утвердиться..~~ ~~Мгразу~~ я все-таки вычеркнула, и сюжет ее, насколько мне известно, нигде не возникал»¹³.

Прояснить обстоятельства того разговора помогает фотограф Н.Г. Кочнев:

«Впервые Кочнев сфотографировал Шолохова 27 января 1960 года. Но чтобы заполучить четыре минуты на съемку, он три года упорно добивался их.

– Все эти три года я звонил Михаилу Александровичу, бывало, и не один раз на день, – вспоминает эту эпопею Николай Георгиевич. – Сделал более тысячи телефонных звонков! Шолохов ни разу не отказался и ни разу не согласился. Пришлось применить хитрость. Узнал, что Шолохов будет в “Роман-газете”. Мне об этом сообщили в редакции. Я пришел пораньше и попросил редакторов-женщин, как только улучится свободный момент, взять его с двух сторон под руки, как конвой, и повести в комнату для съемки. Они так и сделали – прихватили классика и с разговорами ввели его в комнату. Мгновенно были включены лампы. Шолохов как-то оторопел:

– Что происходит?

– Михаил Александрович, съемка. Мы с вами три года ведем разговоры.

Ему уже деваться некуда было. <...> Комната набилась людьми. Всем хотелось увидеть живого классика. Один сотрудник называет фамилию критика (не помню какого). Знаете, говорит, Михаил Александрович, вот такой-то готовит статью о том, как вы работали над “Поднятой целиной”.

– Что он, под столом у меня сидел? Откуда он знает, как я работал?»¹⁴.

В редакцию Шолохова и Кочнева привело одно дело – «Поднятая целина». Через две недели, 11 февраля 1960 года, будет подписан к печати пятый выпуск «Роман-газеты», содержащий первые пятнадцать глав второй книги «Поднятой целины». По сложившейся традиции на обложке следовало поместить фотопортрет автора, изготовление которого на этот раз поручили Н.Г. Кочневу. Что тот и сделал¹⁵. А редакция «Роман-газеты» – подразделения Гослитгиздата – помещалась в том же здании, что и редакция «Вопросов литературы».

Так что Евгений Кочнев заблуждается. Шолохов наведаясь в «Воп.Ли» не по ошибке. Сильно, видно, обеспокоила его статья Соффера, вот он (с уже заготовленной скандальной фразой – «Что он, под столом у меня сидел?») и прибегает разузнать, что и как? А его растерянность и стремление уйти объясняются еще проще – классик собирался кружно поговорить с главным редактором, но увидел перед собой скопище рыдлонок сотрудников.

Таким образом, самое вероятное предположение следующее: публикация 1954 года (по крайней мере, восьмая глава) и изготовлена из довоенного материала.

Этому как будто противоречит время поступления рукописи рассказа «Обида» в Российский (бывший Центральный) государственный архив литературы и искусства – 21 апреля 1952 года, но это лишь дата регистрации единицы хранения, а сам шолоховский фонд (включая рассказ «Обида») был передан в РГАЛИ из Государственного литературного музея за десять лет до того – в мае-июне 1941 года (во исполнение постановления Совнаркома СССР «Об утверждении Положения о Государственном архивном фонде СССР» от 29 марта 1941 г.). Так что, скорее всего, в послевоенный период Шолохов и его сотрудники доступа к рассказу не имели и работать с ним не могли.

Но если рукопись довоенных глав не погибла, отчего же за 20 лет Шолохов ни одного куска из продолжения «Поднятой целины» не напечатал?

Ясно, что не политика помешала – никаких политических вольностей во второй книге не сыскать...

Но во второй книге нет и кое-чего другого – художественных достоинств. И причину этого угадать нетрудно: когда в дело идет вторсырье (остатки от «Донских рассказов»), значит – первоисточник («Тихий Дон») выбран до конца.

Вот и топчется вторая книга «Поднятой целины» на одном месте. И ни малейшей попытки выбраться за предела однажды и навсегда назначенного круга – «Тихий Дон», «Донские рассказы», первая книга «Поднятой целины»... Даже в советской литературе редко встретишь такую отчаянную неспособность хоть что-то сочинить...

В 1956 году М.А. Шолохов получил замечательный подарок – собрание сочинений. Причем сразу два – по отдельному собранию преподнесли писателю издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» и Государственное издательство художественной литературы. А в 1959 году, в 8-м (дополнительном) томе почитателям творчества классика была представлена – среди прочих произведений – и заметка 1935 года «Героическая Подкущевка» («Молодая гвардия», с. 102; ГИХЛ завершило выпуск своего восьмитомника в 1960 году, и там заметка уместилась на с. 116–117). Не могу лишить себя удовольствия еще раз перечитать этот текст.

«Героическая Подкущевка»

Два дня я провел в хуторе Подкущевка, где в дружеской беседе с красными партизанами мы намечали пути создания будущей книги о прошлом и настоящем героической Подкущевки. Зимой этого года я получил из хутора письмо от краснознаменцев, командиров партизанских отрядов, товарищей Попова и Тютюшникова. В этом письме они рассказали мне замечательную историю своего хутора. С начала гражданской войны из 320 дворов, насчитываю-

щихся на хуторе, около трехсот человек ушло в красные партизанские отряды биться с отрядами южной контрреволюции (Жорнилов, Каледин), а преобладающая часть подкушевцев влилась в известный на Северном Кавказе отряд товарища Жлобы. Часть подкушевцев целиком составила команду бронепоезда "Истребитель № 1", взорванного ими при отступлении в Кизлярском тупике, и затем снова, на новом бронепоезде, билась до конца гражданской войны.

Из ушедших бойцов после окончания гражданской войны на хутор вернулось несколько десятков человек. Остальные погибли, защищая дело революции. Из оставшихся в живых нескольких десятков человек награждены за боевые отличия орденами Красного Знамени и 12 – Почетными грамотами ЦИК СССР. Большинство из них инвалиды.

В последующие годы мирного строительства эта немногочисленная группа оставшихся в живых партизан вела ожесточенную борьбу с остатками засевших в Подкушевке белогвардейцев и кулачества и сейчас составляет основное ядро подкушевского колхоза.

Конец!

Какие особенности приведенного текста способны привлечь наше заинтересованное внимание?

Ну, конечно, – литературные достоинства!

Вчитаемся:

«С начала гражданской войны из 320 дворов, насчитывающихся на хуторе, около трехсот человек ушло в красные партизанские отряды...»

«...из 320 дворов» – «около трехсот человек»... Это как же понимать? Были дворы – стали люди?

Эх, кабы написал автор: «из хутора, насчитывающего 320 дворов, около трехсот человек ушло...» – и т. д.

Но нет – есть то, что есть: «из 320 дворов – около трехсот человек»...

Дальше – больше:

«...около трехсот человек ушло в красные партизанские отряды <...>, а преобладающая часть <...> влилась в <...> отряд товарища Жлобы».

А тут, что прикажете думать? – влилась преобладающая часть от трехсот человек? Или три сотни душ ушли в одну сторону, а прочие – причем, большинство! – ринулись в совсем другой отряд Жлобы?

И еще подробность:

«Часть подкушевцев целиком составила команду бронепоезда <...>»

Часть – целиком!

И не просто часть, а *часть* от преобладающей *части*!!

Читаем дальше про бронепоезд:

«...взорванного ими при отступлении в Кизлярском тупике...»

«Взорванного *ими*»... Кем – ими? Подкушевцами? Той их частью, которая целиком? Но если частью, то должно стоять «взорванной *ею*!» – ведь написано дальше: «...снова *блать*»!..

Единственное число, женский род... Значит, все-таки – часть?!

Ну, ладно, кончилась война:

«Из оставшихся в живых нескольких десятков 6 человек награждены за боевые отличия орденами Красного Знамени и 12 – Почетными грамотами ЦИК СССР. Большинство из них инвалиды».

Большинство *из кого* – только из орденосцев и обладателей почетных грамот или из нескольких десятков выживших вообще?

Можно было, конечно, простить разные мелкие прегрешения автору монументальной эпопеи. Но ведь здесь-то не эпопея! Все произведение – 28 строк!

И эти 28 строк – яркий образец мучительной неспособности выразить свою мысль.

Такую бестолковую заметку мог написать начинающий корреспондент районной газеты. А здесь – великий писатель не умеет выбрать-ся из причастного оборота, никак не может внятно сказать, сколько же всего бойцов ушло из хутора и куда они в конце концов подевались...

Напомним: «Героическая Подкущевка» датирована 1935 годом – и трех лет не прошло, как вышла из печати третья книга «Тихого Дона» и первая – «Поднятой целины», еще только пишется четвертая книга великого романа... А знаменитый писатель уже сейчас не в силах трех слов связать!.. Мало того – двадцать лет спустя не постесняется включить это позорище в собрание своих сочинений!

Можно, впрочем, допустить и такое: перечисленные неурядицы вызваны тем, что в тексте заметки были произведены какие-то купюры, а затем – с помощью редактуры (не слишком ловкой) – положение пытались исправить. Ведь история советской литературы учит нас, что отличия первопечатного текста от последующих переизданий бывают весьма значительны, а нередко носят и принципиальный характер.

Ввиду того, что сторонники шолоховского авторства выставляют презумпцию невиновности в качестве главного аргумента, припадем к источнику – к «Комсомольской правде» за 1935 год (21 июля, с. 4).

Но ожидания наши будут обмануты: разночтения вовсе не велики и ни одной из предъявленных тексту претензий не снимают. Мало того, первопечатный текст еще более уязвим стилистически, поскольку на месте: «Из оставшихся в живых нескольких десятков 6 человек награждены...» – стояло:

«Из оставшихся в живых нескольких десятков человек 6 награждены...»

Правка, проделанная в «Собрании сочинений», понятна и похвальна – осталась фраза без изменений, можно было прочесть ее и так: «Из оставшихся в живых нескольких десятков – человек 6 награждены...»

«Человек шесть» – т. е. *около шести* человек!

Конечно, никакой проблемы не возникло бы, напиши автор или редактор не «6» («шесть»), а «шестеро», но опять же, – что есть, то есть...

И все-таки имеется одно разночтение – да такое, что все перечисленные претензии если и не снимает, то обесценивает. Текст, как выясняется, не больно-то и шолоховский...

Дело в том, что под заголовком – «Героическая Подкущевка» – в «Комсомолке» стоит подзаголовок: «Беседа с Михаилом Шолоховым».

И подтверждение тому в первом же абзаце:

«Ростов-Дон, 19. Приехавший в Ростов писатель Михаил Шолохов рассказал о своей последней поездке на Кубань.

– Два дня, – сказал Шолохов, – я провел в хуторе Подкушевка...»
и т. д.

Но и это не предел – публикации в «Комсомольской правде» предшествовало то, что авторы примечаний к «Собраниям сочинений» именуют «вариантом». И вот этот вариант – в том виде, как днем раньше (20 июля 1935 года) был он напечатан в ростовской газете «Молот» (№ 4338, с. 4):

*«Героическая эпопея хутора Подкушевского
(Беседа с писателем Михаилом Шолоховым)*

Приехавший в Ростов известный советский писатель Михаил Шолохов, в беседе с корреспондентом АЧТАСС рассказал о своей последней поездке на Кубань.

– Я сейчас возвращаюсь с Кубани, из хутора Подкушевского, Кушевского района, где я пробыл несколько дней.

В течение десятилетий подкушевцы испытывали двойной гнет казачьей верхушки Дона и Кубани. С начала гражданской войны из 320 дворов, насчитывающихся в хуторе, около 300 человек ушло в красные партизанские отряды биться с отрядами южной контрреволюции (Корнилов, Каледин), а преобладающая часть подкушевцев влилась в известный на Северном Кавказе отряд тов. Жлобы.

Другая часть подкушевцев целиком составила команду бронепоезда «Истребитель № 1», взорванного ими при отступлении в Кизлярском тупике и затем снова на новом бронепоезде билась до конца гражданской войны.

Из ушедших 280 бойцов после окончания гражданской войны вернулось в хутор только несколько десятков человек. Остальные погибли, защищая дело революции в астраханских песках, в боях под Царицыным (sic!), на подавлении Верхне-Донского восстания, под Перекопом, на польском фронте и в боях с многочисленными белыми бандами, свирепствовавшими на Кубани в 1920–1922 годах.

Из оставшихся в живых нескольких десятков человек шесть награждены за боевые отличия орденами Красного Знамени и двенадцать почетными грамотами ЦИК СССР. Большинство из них – инвалиды.

В последующие годы мирного строительства – эта немногочисленная группа оставшихся в живых партизан вела ожесточенную борьбу с остатками засевших в Кушевке белогвардейцев и кулачества и сейчас составляет основное ядро подкушевского колхоза.

Два дня я провел в хуторе Подкушевка, где в дружеской беседе с красными партизанами мы намечали пути создания будущей книги о прошлом и настоящем героической Подкушевки. (АЧТАСС)»

Главное отличие «комсомольской» версии от «молотовской» в том, что редактор «Комсомолки» перенес последний абзац в начало. А что же представляет собой сам текст? Тут, слава Богу, секретов нет – пе-

ред нами обыкновенная «т а с с о в к а». В ростовской публикации это обозначено дважды: в первом абзаце («...в беседе с корреспондентом АЧТАСС...») и в заключении – «(АЧТАСС)», т. е. Азово-Черноморское отделение ТАСС.

И вот теперь – последний вопрос: зачем? Зачем было включать эту безнадежную писанину в шолоховское «Собрание», да еще проделывать пусть и несложную, но предосудительную работу по фальсификации текста и авторства? Зачем?

Затем, наверное, что без «Подкущевки» в творческой биографии Шолохова зияет дыра размером в пять лет – с 1933-го по конец 1937 года (начало публикации 7-й части «Тихого Дона» в журнале «Новый мир»). А так получается, что писатель и в этот период оставлял какие-то литературные следы – вот книжку хотел писать вместе с подкущевскими героями...

Что же до всяких там грамматических несуразностей... Так Шолохов, может, о них и не знал! Правда, на титульном листе стоит: «Тексты исправлены автором»... Но тем же самым предупреждением снабжены и тома с романом «Тихий Дон». А про «Тихий Дон» точно известно, что правил его летом 1955 года сотрудник Отдела культуры ЦК КПСС И.С. Черноуцан, и Шолохов М.А. подписывал результаты этой работы, не читая!

Так что давайте согласимся: в случае Шолохова незнание автора с собственным текстом является смягчающим обстоятельством.

Глава 1

ФРОНТОВИК

Шолохов хорошо смотрелся в военной форме...

1941-й, июль: «Выглядел он молодцевато. На нем была летняя, защитная гимнастерка, бриджи, сапоги, пояс с командирской бляхой и пистолет. <...> не писатель – боевой командир»¹.

1941-й, сентябрь: «<...> гимнастерк[а], галифе, сапоги <...> Шолохов был по-военному подтянут, весь подобран, и приятно было видеть знакомую фигуру, сегодня по-особенному ладную»².

1943-й, март: «Ловкая шинель, смушковая шапка (папаха. – Б.-С.), золотые погоны <...>»³.

1958-й, июнь: «На нем ловко сидел костюм цвета хаки. В руках офицерская плащ-накидка»⁴.

Так выглядел Шолохов в тылу: в 41-м и 43-м – в Москве, а после войны – на учениях Северо-Кавказского военного округа.

С фронтовыми впечатлениями – хуже: «До сих пор мы располагаем очень скудными материалами о фронтовой жизни писателя. – сокрушался в 1966 году В.В. Гура. – Сам он очень скуп на рассказы о себе»⁵.

Несмотря на это, имеются, по меньшей мере, две версии боевой биографии Шолохова. Одна – скромная (уже упомянутого В.В. Гуры):

Западный фронт – бои под Смоленском;

Юг – бои под Ростовом;

Сталинград;

Западный фронт;

Восточная Пруссия.

Вторая – максималистская (автор – И.Г. Лежнев):

1941, август-октябрь – Западный фронт;

октябрь-декабрь – Южный фронт;

декабрь –

1942 – январь – Юго-Западный фронт;

январь-сентябрь – Южный фронт;

сентябрь –

1943 – май – Сталинградский фронт;

с мая 1943-го по март 1945-го – Западный фронт.

и, наконец, с марта по май 1945-го – 3-й Белорусский⁶.

Можно подумать, что речь не о писателе идет, а о полководце – никакого тылового досуга...

А досуги точно бывали – вот Корней Чуковский 2 июня 1943 года записал в дневнике: «Шолохов <...> [с]идит в “Национали”, трезвый, печальный. “Удивляюсь легкомыслию Москвы. Жители ведут себя так, как будто войны и нету. Людям фронтовым это странно”»⁷.

Итак, в тылу Шолохов чувствовал себя странно... А как ему было на фронте? Для этого надо прежде всего уточнить, на каких фронтах он побывал...

Казалось бы, чего проще – взять и перелистать фронтовые очерки писателя... Но тут нас ждет разочарование: в очерках описан всего один уверенно опознаваемый фронтовой эпизод (конец августа 1941 года, Западный фронт, под Смоленском)...

Да и сам Шолохов, как совершенно справедливо отметил В.В. Гура, о своей военной жизни не распространялся. Поэтому обратимся к свидетельствам очевидцев.

Вот показания журналиста Ильи Михайловича Котенко о пребывании Шолохова в расположении 19-й армии под Смоленском. Конец августа 1941 года⁸.

А рядовой Николай Александрович Лебедев вспомнил, что видел Шолохова под Смоленском. Конец августа 1941 года⁹.

Фотокорреспондент «Красной звезды» Зигмунд Абрамович Хирен тоже повстречал Шолохова на фронте – под Смоленском. Конец августа 1941 года¹⁰.

Запомнилась встреча с Шолоховым и бывшему артиллеристу Федору Черкашину. Он со своей батареей «Трудовые резервы» стоял под Смоленском. В конце августа 41-го¹¹.

А вот мемуары главного редактора «Красной звезды» Давида Ортенберга:

«Немало поездил Шолохов в качестве корреспондента “Красной звезды” по дорогам войны. <...> Александр Карпов, сам человек довольно храбрый, сопровождавший писателя в его поездке, рассказывал мне, что и говорить с ним о разумной осторожности просто невозможно было и тут приходилось действовать всякими, так сказать, “дипломатическими” средствами»¹².

Александр Карпов – это, вне всякого сомнения, ответственный секретарь «Красной звезды», старший батальонный комиссар (в дальнейшем – полковник) Карпов Александр Яковлевич (1903–1945). Точно так же не вызывает сомнений, когда и какой фронт он вместе с Шолоховым посетил – Западный, под Смоленском, в конце августа 41-го¹³.

И не только солдаты и журналисты – сам Конев, будущий маршал, а тогда командарм-19, не забыл фронтовой визит Шолохова. Под Смоленском было дело, в конце августа 1941 года¹⁴.

А вот Аркадий Первенцев отметил в дневнике возвращение Шолохова с фронта: «4 сентября 1941 года. <...> Вернулись Шолохов и Фадеев. Они были всего три дня на фронте. Сейчас Шолохов в “Национале”. Так, конечно, можно воевать. Интересно, какие выводы он сделал из своей поездки на фронт?»¹⁵.

Первенцев как в воду глядел – 2 сентября Шолохов пишет письмо:

«Дорогой т. Сталин!

Сегодня я вернулся с фронта и хотел бы лично Вам сообщить о ряде фактов, имеющих немаловажное значение для дела обороны нашей страны.

Прошу принять меня.

М. Шолохов

2 сентября 1941 г.»¹⁶.

Сталин, судя по журналу записи посетителей¹⁷, на шолоховский порыв не откликнулся и писателя не принял. Наверное, решил самонадеянно, что мнение человека, сроду не воевавшего, стратегической ценности не представляет...

Но война только началась. Фронтов много... Куда еще заносили Шолохова военные ветры?

Вспоминает бывший пилот «кукурузника» Петр Лебеденко...¹⁸ Без указания даты. Где-то на Дону. Правда, дан ориентир: село Гроховцы. По заданию полковника Арзамасцева, начальника политотдела дивизии, летчик Лебеденко отправляется в село, чтобы срочно увести Шолохова с передовой, и обнаруживает писателя в окопчике, открытом в двадцати метрах впереди основной траншеи. Потом атака, Шолохов склоняется над телом павшего солдата. А вокруг рвутся снаряды, дымится земля...

Гроховцы – место известное и прославленное: 15 мая 1648 года под селом Гроховцы Богдан Хмельницкий разбил польское войско под водительством гетманов Потоцкого и Калиновского.

Даже жаль, что исторические те Гроховцы помещались в Киевской губернии и исчезли с лица земли в позапрошлом веке*...

Еще один свидетель – Валентин Катаев. В 1942 году по заданию Совинформбюро написал он статью для зарубежных читателей:

«Недавно я встретился с Шолоховым на фронте. Я не сразу узнал его. Пилотка, шинель, пистолет. Ничего похожего на знаменитого писателя. Скорее всего это пехотный капитан. С небольшой группой товарищей он пробирался по лесу к командному пункту. Над лесом с шумом проносились немецкие пикирующие бомбардировщики. Изредка свистела бомба, и лес был потрясен разрывом крупной фугаски. Падали ветки, сбитые осколками. Впереди заливались пулеметы. Шел бой.

Мы встретились, как будто вокруг не происходило ничего особенного, как будто это не лес, не передний край обороны, а кафе “Националь” в Москве <...>¹⁹.

Понимать это следует так: Шолохов, конечно, храбрец, но и я не подкачал! Ну, да Бог с ними обоими... Печально лишь, что отсутствуют всякие приметы места действия. Да и время указано не точнее: «недавно». Ясно, впрочем, что не зима – пилотка!..

А вот рассказ о Михаиле Васильевиче Ливинцове. В октябре 1942 года газета «Красная Армия» опубликовала очерк о его подвигах – «По тылам врага». И вскоре после этого вызвали лейтенанта Ливинцова в штаб дивизии. А в штабе ему сказали: «С вами желает поговорить писатель». Писателем оказался Шолохов²⁰.

Тут, по крайней мере, понятно, о каком фронте речь: газета Киевского Особого военного округа «Красная Армия» с началом войны стала фронтовой: сначала органом штаба Юго-Западного фронта, затем – Сталинградского, Донского, Центрального и, наконец, 1-го Белорусского²¹.

Октябрь 1942 года – это Донской фронт (образован 28 сентября 1942 года, упразднен 15 февраля 1943 года). Хотя, конечно, штаб дивизии – еще не передовая. С другой стороны, в штабе не в пример удобней – всегда можно вызвать с передовой нужного героя** и с ним потолковать.

А в 2003 году группа энтузиастов опубликовала в Интернете «Хронику Сталинградской битвы», и в хронике той отмечено: «21 июля 1942 года <...> в Сталинград приехал писатель М. Шолохов»²². Выходит, что Шолохов – очевидец обороны Сталинграда? Нет, не выходит – передовые части 6-й армии Паулюса вышли к Сталинграду (к северной его окраине) лишь месяц спустя – 23 августа. Так что на момент пребы-

* Примечательно, что в новейшем жизнеописании П.В. Лебеденко (1915–2003) знакомство с Шолоховым отнесено к *послевоенному* времени, когда Петр Васильевич, будучи начальником аэропорта г. Миллерово, лично возил Шолохова в самолете из Миллерово в Вёшенскую, а также на охоту и рыбалку (см.: *Поволяев В.* Небесный тихоход // Слово [М.]. 2003. 31 окт. С. 21).

** М.В. Ливинцов в то время был помощником начальника разведотдела штаба 960-го стрелкового полка, входившего в состав 299-й стрелковой дивизии 66-й армии (см.: *Корсунов Н.Ф.* В сердцах и душах – навсегда // Южный Урал [Оренбург]. 2002. 9 окт. С. 7).

вания Шолохова бои шли далеко-далеко от города. Иных визитов знаменитого писателя в сражающийся Сталинград исторические хроники не зафиксировали.

Значит, пришла пора познакомиться с главным мемуаристом – Василием Грязновым.

«Под Сталинградом это было. Тяжелые бои шли с фашистами. Пришел он к нам в окопы. Идет по ходу сообщения и нет-нет выглянет, посмотрит в бинокль в сторону фашистов. А кто-то из солдат и говорит: «С биноклем, товарищ полковник, поосторожнее. У немцев снайперы начеку». Шолохов улыбнулся в ответ: «Благодарю за предупреждение, но я снайперов не боюсь. Заговоренный я, брат, от пули». Ну, солдаты нашего окопа окружили его. Все сразу узнали в полковнике Шолохова. Я говорю ему: «Может, вы, Михаил Александрович, и молитву какую от пули знаете?» – «Знаю, – отвечает Шолохов. – И те молитвы, что имеются в 'Тихом Доне' [1] и новые. Много знаю молитв. Но сейчас у меня на уме и в сердце одна. Начинается она, други мои, так: 'Во имя отца и сына и матери моей – ни шагу назад!'» Помолчал с минуту, оглядел всех нас и спрашивает: «Слыхали такую молитву?» [–] «А как же! – отвечаем хором. – Это из приказа Сталина (приказ Народного комиссара обороны № 227 от 28 июля 1942 г. – Б.-С.)».

[–] «Да, – говорит Шолохов, – эта молитва народа попала в приказ Сталина. Очень верная, крепкая, нужная всем нам молитва-заповедь – ни шагу назад». Присел Михаил Александрович в окопе среди солдат, угостил нас чудесной махоркой. Покурил. Побеседовал. Не могу я вам, знать, передать всей картины этой, а разговор о молитве мне запомнился на всю жизнь. Я и спросил Михаила Александровича, над чем работает, что он пишет. «Разве можно сидеть и писать, – ответил Шолохов, – когда земля наша, дом твой, мало этого [–] пол-России в огне пылают? Тут, брат, не за перо, а за штык надо браться, да крепко орудовать им». Опять помолчал, затаился дымком махорки и говорит: «А хочется хорошее написать, и думаю, что напишу». [–] «Что же? – спрашиваю я. – Что?» [–] «А то, говорит, как вы сражаетесь за Родину. Вот, хожу по окопам, присматриваюсь, учусь у вас, изучаю солдатскую жизнь, бывальщину. А потом напишу, обязательно напишу и про вас и про молитву 'Ни шагу назад'». Я попросил Шолохова: «Подарите нашему взводу томик 'Тихого Дона' для памяти и вдохновения». Шолохов посмотрел на меня, оглянул всех нас быстрым взглядом светлых глаз своих и говорит: «Рад бы подарить, да нет у меня его сейчас под рукой. А солдаты вы хорошие, и хочется мне оставить вам что-нибудь на добрую память». И тут вдруг достает он из своей сумки книгу. Раскрывает – а это третий том «Войны и мира» Льва Толстого. <...> Раскрыл Шолохов «Войну и мир» и пишет красным карандашом: «Друзья мои! Ни шагу назад! Пусть слава Бородино вдох-

* Упомянутые молитвы («Молитва от ружья», «...от боя», «...при набеге» <1, 3, 6>), несмотря на название, представляют собой типичные заговоры, заимствованные из известного собрания Л.Н. Майкова «Великорусские заклинания» (см.: Записки Императорского русского географического общества [СПб.]. 1869. Т. 2).

новит вас на ратные подвиги. Верю, реять Красному знамени над рейхстагом! До встречи в Берлине. Ваш Шолохов". Вручил командиру взвода, зная (*sic!*), подарок этот, поцеловал его, пожал всем нам, солдатам, руки и пошел по окопам дальше. Как правофланговый[,] всякий раз новому пополнению, по приказу комбата, я зачитывал эти слова Шолохова и заучил их наизусть. Почерк у него чуть с наклоном, твердый, волевой и стремительный. Читали мы в перерывах между боями <...> этот томик "Войны и мира" Льва Толстого. <...> И берегли эту книгу...

– Где же она теперь?

– И не знаю <...> За Днепром я был ранен, вышел из строя. А полк пошел дальше на Запад. Не знаю где, но не сомневаюсь, что донесли ее солдаты до Берлина»²³.

Что такого «хорошего» намеревался сочинить писатель, явствует из фразы: «<...> напишу <...> как вы сражаетесь за Родину». Значит, вынашивал замысел романа «Они сражались за Родину»...

В. Перцов («военнослужащий», как он себя аттестует) начинает повествовать с того места, где остановился Василий Грязнов. Ту же историю о шолоховском подарке рассказывает теперь старшина Колодийцев, отвечая на вопрос старшего лейтенанта Ракитина, за несколько месяцев до окончания войны заночевавшего на пути в Берлин в одной землянке с солдатами того самого взвода. Лично себя В. Перцов очевидцем не объявляет, но и источник своей осведомленности не раскрывает²⁴. Хотя вносит в шолоховский инскрипт ценное дополнение: «1943 год. Донской фронт».

Можно было бы, конечно, и придрататься к показаниям военнослужащего. Например, к метеорологии – ни слова не сказано о снеге или морозе... А ведь в 1943 году Донскому фронту было отпущено всего полтора месяца – и только зимой: с 1 января по 15 февраля...

Впрочем, так ли уж это важно? Ведь еще в 1975 году никто иной, как сам М.А. Шолохов прямо назвал самую впечатляющую часть этого рассказа – о вынудом из полевой сумки третьем томе «Войны и мира» – «досужим вымыслом кого-то из журналистов»²⁵. Что ничуть не мешает журналу «Наш современник»²⁶ и шолоховеду В.В. Васильеву²⁷ четверть века спустя безмятежно тиражировать грязновскую байку.

Иных мемуаров на тему «Фронтной Шолохов» не имеется. Остаются еще слова самого Михаила Александровича. Так, в мае 1966 года, он разговорился с советским послом в Токио В.М. Виноградовым:

«Брежнев (Шолохов. – Б.-С.) называл просто "полковником". Когда я спросил – почему, он ответил, что встретил его, когда он (Брежнев. – Б.-С.) был в звании полковника, вместе они даже раз почевали где-то на фронте, и выше "полковника" он не вырос»²⁸.

И Николаю Корсунову сказал то же самое – в марте 1969 года:

«Был я у Брежнева... Мы с ним еще с войны знакомы. Зашел, говорю: "Здравия желаю, товарищ полковник!" Он на меня так косо: "Между прочим, уже генерал-лейтенант!"»²⁹.

Для Л.И. Брежнева воинская страда началась в июле 1941 года на Южном фронте. И с Шолоховым он тогда действительно находился в одном звании. Где они могли встретиться?

Л.И. Брежнев начал свою военную карьеру с должности заместителя начальника политуправления фронта³⁰. Где проходит служба такого вояки? В штабе фронта. Поэтому особого внимания заслуживает шолоховский очерк «На Юге», напечатанный в «Правде» 28 февраля 1942 года и повествующий о трудящихся Донбасса, занятых восстановлением разрушенных шахт, о пленных итальянцах и об одном плененном немце³¹. О фронтовой жизни сказано в высшей степени общо:

«Раскатисто погромыхивают итальянские тяжелые орудия. Им отвечает наша артиллерия».

Выстрелы тяжелых орудий можно слышать за многие километры от передовой. Так что, скорее всего, Шолохов к передовой не приближался, а значит – находился не на фронте вовсе, а в прифронтовой полосе!

И тут удивительно к месту оказываются воспоминания Петра Кузьмича Лугового, в ту пору первого секретаря Вешенского райкома ВКП(б):

«На другой день (12 октября 1941 г. – Б.-С.) на грузовых машинах мы проводили дорогую нам всем семью. Шолохов, устроив семью в Камышине, вернулся домой в Вешенскую, в доме осталась на хозяйстве его мать. В это время Южный фронт нанес серьезный удар по фашистам и выбил их из Ростова, но развить успех не сумел <...>.

Находясь в прифронтовой полосе, Шолохов поехал в штаб Южного фронта, находившийся в Каменске (-Шахтинском. – Б.-С.). В дорогу он взял с собой меня и Николая Николаевича Лудищева (начальник Вешенского райотдела НКВД. – Б.-С.). Мне нужно было ехать в Ростов на пленум обкома партии, а Лудищев ехал сопровождающим. К Каменску мы подъехали поздно вечером. <...>

Город был погружен во тьму. Днем его бомбили. Шолохов беседовал с пленными немцами, ездил на передовую. В этих поездках Шолохов простыл, заболел и был помещен в госпиталь, откуда скоро вернулся на квартиру, заявив, что не может лежать в госпитале, когда идет война и ему нужно работать.

Шолохов написал статью «На Юге» <...> Затем Шолохов надолго выехал из Вешенской»³².

Относительно того, что Шолохов «ездил на передовую», мемуар Лугового доказательством не является – из Каменска-Шахтинского секретарь райкома направился в Ростов-на-Дону и, пока Шолохов не вернулся в Вешенскую, писателя не видел. А вот очерк «На Юге», судя по всему, был написан, когда Шолохов оправлялся от простуды у себя дома в Вешенской.

Уточнить время пребывания Шолохова на Южном фронте трудно: достаточно вспомнить, что Ростов-на-Дону был освобожден 29 ноября 1941 года, а пленум Ростовского обкома ВКП(б) состоялся три недели спустя, 21–22 декабря^{33*}.

* Режиссер-кинодокументалист Леон Мазрухо (1908–2003) тоже вспомнил, что виделся с Шолоховым «в Каменске, где стоял тогда штаб фронта» (см.: Михаил Александрович Шолохов. М.: Правда. 1966. С. 193; первая

Следует также обратить внимание на один примечательный документ:

«Опрос политрука Юго-Западного фронта 26-й армии 27-й отдельной роты медицинского усиления Фердмана Зиновия Яковлевича <...>»³⁴.

Документ этот – несколько страниц из шолоховского блокнота, хранящегося в вешенском Государственном музее-заповеднике М.А. Шолохова (фонд КП-233). Повествование ведется от первого лица: Фердман З.Я. рассказывает о том, как 21 сентября 1941 года возле села Денисовка Полтавской области попал в плен, оказался в лагере военнопленных (село Боканка), 26 сентября из лагеря бежал и 21 ноября 1941 года вышел в расположение советских войск.

Стилистика документа и его заголовок исключают возможность того, что это запись живой беседы писателя с участником некоего события. Перед нами – показания, данные сотруднику особого отдела. А то, что бывшего пленного звали Зиновий Яковлевич Фердман, объясняет, почему документ не назван «Допросом» – к тому времени даже особыты знали, что евреев немцы живыми не выпускают.

Так вот, чтобы присутствовать при «опросе» или переписать от руки протокол, дальше штаба ходить не надо^{35*}...

Шолохов, наверное, и сам почувствовал, что в своем интересе к человеку писатель и «смершевец» должны чем-то разниться. В результате – следующее воспоминание:

«Помнится мне один фронтовой эпизод, под Харьковом в 1942 году громили итальянскую дивизию "Виктория". В бою я был с полком. Захватили пленного командира батареи, в прошлом архитектор, римлянин. У него аккуратно подстриженная лопаточкой борода. Этот командир был ранен в шею. Начальник разведки ведет с ним военный разгово-

публ.: [Мазрухо Л.] Шолоховские страницы: (Отрывки из неопубликованного) // Советская Россия. 1965. 3 сент. С. 3). Встречу он датирует 1942 годом (если режиссеру не изменила память, то речь может идти о начале января 1942 г.).

* А Ф.Г. Бирюков цитирует показания неназванного лица из неопубликованного сборника «Михаил Шолохов в воспоминаниях современников»: «Со Сталиным, – рассказывал он (Шолохов. – Б.-С.) – я пил коньяк. С Хрущевым – водку. А с Брежневым в войну мы пили спирт и спали на одном столе в почтовом отделении в Ворошиловграде[,] и укрывались одной шинелью...» (Шолохов на изломе времени: Статьи и исследования. Материалы к биографии писателя. Исторические источники «Тихого Дона». Письма и телеграммы. М.: Наследие, 1995. С. 217).

Условия ночлега, конечно, незавидные, но почтовое отделение – это не блиндаж и не землянка. Да и Ворошиловград – не передовая. В почтовом отделении Шолохову и Брежневу пришлось ютиться по причине острейшей нехватки жилых помещений – в тыловой город переселились учреждения с оккупированной Украины, в частности Управление Донецкой железной дороги (см.: Худяев В. Телеграмма от наркома // Гудок. 2000. 29 июня. С. 5). А немцы прорвались к Ворошиловграду лишь в июле 1942 года.

вор. Кто сосед справа, кто слева? А меня, как писателя, интересует и другое. Что куришь, какие сигареты? Ага! Болгарские... Как едят твои солдаты? Смотрю на него, почему он только в ботинках? Итальянские офицеры носили краги. Он говорит:

“Вот странный народ вы, русские”. “Чем?” – спрашиваю. “Как же, раненый, я упал, бежит* ваш автоматчик-солдат. Я в него стрелял из пистолета три раза, стрелял и не попал. Этот парень подбежал ко мне, ударил прикладом автомата, снял краги, встряхнул, посадил на завалинку. У меня дрожали руки. Он свернул свой крепкий табак-махорку, поклонявил, сунул мне в зубы, потом закурил сам, побежал сражаться опять”.

Это здорово: ударить, снять краги, дать покурить пленному и опять в бой. Вот он, русский солдат»³⁶.

Таковыми воспоминаниями Шолохов делился в 1958 году с таганрогскими избирателями. Разве можно усомниться в его искренности?!

1942 год под Харьковом – это Юго-Западный фронт. А Шолохов еще в 1943 году, в беседе с представителем Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), сказал:

«Я был на Южном, Западном и Юго-Западном фронте»³⁷.

Представитель ВОКСа уговаривал писателя обратиться с письмом к американским друзьям Советского Союза. Уговорил – и в письме мы читаем:

«В качестве военного корреспондента я был на Южном, Юго-Западном и Западном фронтах»³⁸.

Одну только ошибку допустил Шолохов (а ведь сколько учили: избегай деталей!) – расслабился: 1942-й, под Харьковом, дивизия «Виктория»... Всего-то ведь не предусмотришь!

Например Итальянский экспедиционный корпус и вправду действовал в России. Целых 20 месяцев – с августа 41-го по апрель 1943 года. И имелись в том корпусе разнообразные дивизии – числом десять. Пехотные и горно-стрелковые, моторизованные и перевозимые на грузовиках... И у каждой дивизии – номер, а кроме номера – имя. Скажем: 2-я пехотная дивизия – «Сфорцеска», 3-я пехотная – «Равенна», 52-я автотранспортная – «Торино», 3-я горно-стрелковая – «Юлия», 15-я пехотная – «Винченца», даже 3-я мобильная – «Имени принца Амедео, герцога д'Аосты»... Вот только дивизии «Виктория» среди них не было, хоть плачь! И дивизии «Vittoria» – тож. И еще одна – не совсем пустая деталь: итальянцы не воевали под Харьковом! Зимой 1941–1942 годов они исполняли свой воинский долг на Южном фронте, осуществляя пехотное прикрытие 1-й танковой армии генерала Клейста, той самой, что 29 ноября 1941 года была выбита из Ростова.

* В «Таганрогской правде» – опечатка: «лежит»! Несмотря на то что с 1962 года выступление входит в «Собрания сочинений», где текст подвергся существенной редакции (в частности, был дополнен: «Понимаете, надо выйти, курнуть, взглянуть на Дом, подумать о чем-то»; вставки даны курсивом), указанная опечатка так и не была исправлена.

А летом 42-го Итальянский экспедиционный корпус, переименованный в 8-ю итальянскую армию, уже шел на Сталинград³⁹.

Рассказывать таганрогским обывателям байки о Южном фронте, который через их город прокатился не один раз, было бы верхом глупости... Откуда – Харьков. Но получилось еще глупее: единственное свидетельство пребывания Шолохова на Юго-Западном фронте свидетельствует о том, что на Юго-Западном фронте он не был.

А было так: в последнюю декаду декабря 1941 года прибыл Шолохов в штаб Южного фронта (г. Каменск-Шахтинский), посетил политуправление фронта, особый отдел, поглазнул на пленных итальянцев, побеседовал с гражданским населением Ворошиловграда (нынешний Луганск), после чего подхватил простуду и отправился в госпиталь... Полежал в госпитале и понял, что дома лучше...⁴⁰

Чем дальше в прошлое уходила война, тем смелее становились фронтовые рассказы Шолохова. В первой половине шестидесятых он, как бы между прочим, открыл своим вешенским приближенным и такое:

«– Не клентся у меня с романом "Они сражались за Родину", – как-то серьезно признался нам Шолохов. – Тот материал, который у меня есть, не ложится в роман. А насиловать себя я не умею. Какой же материал, вы спрашиваете? Понравился мне один капитан, командир роты армейских разведчиков. Герой Советского Союза. Две недели я у них прожил. Перезнакомился с ребятами.

Орлы! Они меня даже за линию фронта сводили. Садись и пиши! Только капитан-то – бывший вор-рецидивист. Вот откуда у него мастерство разведчика!»⁴¹

В советской литературе рассказы о «перековке» – одни из самых любимых (от М. Зощенко до Л. Шейнина). И героев с уголовным прошлым на войне тоже хватало – Александр Матросов, например... И никто из писателей – включая самых знаменитых – от своих персонажей из-за этого не отступался. Так что в заявленной Шолоховым сверхбдительности (ведь не о власовце речь!) правды не больше, чем в его же рассказе о походе за линию фронта! (Хотелось бы, кстати, услышать – *какого* фронта?..)

А еще имеются два шолоховских письма. Не с передовой, нет...

Первое датировано 16 ноября 1945 года и адресовано А.А. Плоткину:

«В марте, вернувшись с 3-го Белорусского фронта, забрал семью (она зимовала в Москве) и переехал в Вешенскую»⁴².

Второе – от 29 июля 1947 года – И.В. Сталину: «Последний раз, с Вашего разрешения, я был за границей в 1935 г. (если не считать пребывания в Восточной Пруссии на фронте в марте 1945 г.)»⁴³.

Значит, в марте прибыл и в марте же убыл (перевозить семью из Москвы в Вешенскую)...

Впрочем о своем пребывании в Восточной Пруссии Шолохов заявлял и публично – 13 мая 1945 года в «Правде», в статье «Победа, какой не знала история»:

«В Восточной Пруссии после взятия нашими войсками города Эйдткунена на стене вокзала рядом с немецкой надписью "До Берлина 741,7 километра" появилась надпись на русском языке.

Размашистым почерком один из бойцов написал: "Все равно дойдем. Черноусов".

Какая великолепная уверенность в этих простых словах русских солдат!»⁴⁴.

От таких восторгов у некоторых читателей сложилось впечатление, что Шолохов лично присутствовал при штурме означенного восточно-прусского городка: «Шолохов <...> видел могучий прорыв советских войск в Восточную Пруссию, у Эйдкунена»⁴⁵.

Однако приказ с выражением благодарности частям, отличившимся при взятии Эйдкунена, был отдан Верховным Главнокомандующим еще 23 октября 1944 года. А в марте 1945 года (с 13 по 29 марта) войска 3-го Белорусского фронта занимались совсем другим делом – ликвидацией Хейльсбергской группировки. И Эйдкунен (он же Эйдткунен, нем. Eydtkuhnen, а на самом деле – с 1938 года: Eydtkau; ныне – поселок Чернышевское) находился тогда уже глубоко в тылу.

Примечательно, что 8 сентября 1967 года, ругательски ругая Солженицына и его пьесу «Пир победителей» (о вступлении советских войск в Восточную Пруссию), Шолохов напишет: «О содержании и говорить нечего. Все командиры русские и украинец либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными усилиями автора?»⁴⁶

Насколько весомей прозвучало бы заявление: «Я сам видел, как всё там было! А было всё не так!» Но даже в этом секретном письме в секретариат Союза писателей СССР Шолохов не стал рисковать. Ведь он сам в том же письме квалифицировал А.И. Солженицына как «злобно-го сумасшедшего, потерявшего контроль над разумом», «открытого и злобного антисоветского человека». От такого всего можно ожидать – возьмет да и ляпнет: «А я в Восточной Пруссии воевал и Шолохова не видел!»...

Тем не менее в Восточной Пруссии Шолохов, несомненно, побывал...

Вспоминает личный повар командующего войсками 3-го Белорусского фронта Модест Вульфович Сиротин (р. 1927 г.):

«Черняховский погиб в Восточной Пруссии (18 февраля 1945 г. – Б.-С.). Хороший человек был. Очень уважал его и сам Сталин. Вскоре Сталин даже прислал на фронт Михаила Шолохова, чтобы тот написал книгу о Черняховском. Модест Вульфович, вспоминая, усмехается. Грех рассказывать, но очень по приезде Шолохову приглянулась одна официанточка – полька Юзя. Правду сказать, красавица была. Рядом с ней Шолохов, как сейчас помнится, два ящика коньяка выпил... да и вся книга. А все заглядывал к Сиротину на кухню: то одно ему понадобится, то другое...»⁴⁷

Так что, судя по всему, дальше штаба 3-го Белорусского фронта Шолохов в Восточной Пруссии не добрался. А пунктом постоянной дислокации избрал штабную столовую – за один вечер два ящика коньяку (20 литров!) в одиночку (или на пару с официанткой) не усидишь... Чем же он занялся, проспавшись? Рассказ о том, что Сталин поручил

ему написание книги о дважды Герое Советского Союза И.Д. Черняховском, оставим на совести Шолохова. Потому что ключевое слово в письме Сталину: «заграница». Можно видеть здесь иронию, а можно понимать буквально – трофейное изобилие. Полковнику же Шолохову, как корреспонденту «Красной звезды», полагался автомобиль с шофером...⁴⁸

Но вот что поистине поражает, так это непредставимо малое число припомнивших Шолохова фронтовиков. Ведь встреча и разговор с живым классиком польстят самолюбию любого военачальника. А сфотографироваться рядом со знаменитым писателем!.. Какой генерал упустит такой случай?!

И этакая незадача – после войны вышли в свет сотни генеральских мемуаров, а встречу с Шолоховым на фронте (в конце августа 41-го) упомянул один только маршал Конев*...

Да и простой солдат наверняка гордился бы таким знакомством... И не стал бы чиниться и хранить молчание, особенно перед лицом введенного в 1965 году культа Дня Победы с выступлениями ветеранов перед самыми разными аудиториями и неисчислимыми ветеранскими интервью в прессе... Повторю, ситуация странная, более чем странная.

А так имеется всего 14 мемуаров: шестеро очевидцев рассказывают о пребывании Шолохова на Западном фронте в конце августа 1941 года; оставшиеся восьмеро – об иных эпизодах.

Сопоставим доказательную силу показаний.

Из восьми мемуарных свидетельств второй категории – два (В. Грязнов, В. Перцов) лживы абсолютно, два (П.В. Лебедеко, В.П. Катаев) предельно неконкретны, оставшиеся четыре повествуют о пребывании Шолохова в штабах – дивизии (М.В. Ливинцов) или фронта (П.К. Луговой; Л.Б. Мазрухо; М.В. Сиротин)**.

* Приятель шолоховского сына Михаила И.А. Ермаков (р. 1930) уверяет, что прототипом деда Щукаря в «Поднятой целине» являлся житель хутора Солдатский (очевидно, Солдатов) Вёшенского района Тимофей Тимофеевич Воробьев (скончался в 1958 г. в возрасте 84 лет). И у этого Воробьева было генеральское пальто с каракулевым воротником. «Оказывается, этот бекеш подарен деду Щукарю генерал-полковником Пуховым. Во время войны Шолохов, будучи военкором газеты «Красная звезда», встречался с генералом. Узнав, что дед Щукарь – персонаж невымышленный, Пухов попросил передать Щукарю этот бекеш» (*Галушко И.* Шолохов, дед Щукарь и другие... // Ленинская смена [Алматы]. 2002. № 142).

Генерал-полковник Пухов – это, вне всякого сомнения, Герой Советского Союза Пухов Николай Павлович (1895–1958), бессменный (с 3 января 1942 года и до конца войны) командующий 13-й армией. Вполне реальный и заслуженный человек... Вот только в мемуарах своих (*Пухов Н.П.* Годы испытаний. М.: Воениздат, 1959) о подарке деду Щукарю и даже о встрече с самим Шолоховым генерал и словом не обмолвился!

** И еще – новинка. 7 июня 2003 года в ереванской русскоязычной газете «Новое время» появилась статья Мариэтты Малумян «Особый колорит донских армян», где, в частности, имеется следующий сюжет:

А вот что касается пребывания Шолохова в расположении 19-й армии в конце августа 1941 года – тут картина совершенно иная. Здесь на один фронтный эпизод пришлось шестеро не связанных между собой очевидцев. И это при том, что данный эпизод относится к самому началу войны, а число уцелевших в тех боях (в октябре 41-го под Вязмой 19-я армия была окружена и наголову разгромлена) – ничтожно. Следовательно, число выживших свидетелей более поздних визитов Шолохова на фронт должно быть на порядок (на порядки!) выше... А оно ниже!

«<...> Ростовчанин Геннадий Багдасарян, боцман, проробороздивший (*sic!*) почти все моря и океаны, одержим одной идеей – написать книгу о своем отце, Анушаване. Русские звали его Ануш Иванович. "Не станет меня – канет вся его жизнь в небытие". После резни в турецком Ардыше 7-летнему Анушавану чудом удалось спастись: мать спрятала его между сложенными в стопку матрасами. Всю жизнь судьба хранила его – и когда пошел добровольцем в Красную армию, и в Отечественную. Квартиру в Ростове получил по личному распоряжению Сталина. До сих пор в одном из музеев города хранится черкеска Анушавана Багдасаряна и другие личные вещи. Когда Ростов отбивали от немцев кубанские казаки, к одному из их корпусов прикомандировали Михаила Шолохова. По просьбе командира Багдасарян был отпущен для беседы с писателем. Шолохов записывал рассказы армянина несколько дней, а на прощание сказал: "Анушаван, ты не должен погибнуть. После войны я напишу твою эпопею, и это будет похлеще "Поднятой целины"!". Но встрече не суждено было сбыться».

В освобождении Ростова в 1943 году и в самом деле принимали участие кубанские казаки – 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко: ночью 8 февраля части корпуса по льду перешли Дон и нанесли удар в тыл оборонявших Ростов немецких войск; в результате – 14 февраля 1943 года город был освобожден.

Что же тогда мешает нам с полным доверием отнестись к вышеизложенному рассказу?

Во-первых, сведения не исходят из первых уст; во-вторых, трудно представить, что в Ростове – цитадели почитания Шолохова – был бы оставлен без внимания такой эффектный биографический эпизод, как нахождение Шолохова при казачьих войсках, этот самый Ростов освобождавших. К тому же рассказчик подчеркивает, что и сам Анушаван Багдасарян – личность в городе не-безызвестная: в одном из ростовских музеев выставлены даже его личные вещи... И чтобы такой человек, польщенный лаской великих современников (квартиру сам Сталин дал!), ни с кем, кроме родного сына, не поделился волнующей историей про то, как Шолохов сулился написать о Багдасаряне роман?!

Крайне сомнительно... Зато в действиях сына ясно просматривается личный интерес: привлечь внимание к собственной книге об отце – человеке столь необыкновенном, что сам Шолохов хотел о нем эпопею писать!

И наконец – личное свидетельство Шолохова (осень 1949 г.): «За время войны мне почти не приходилось бывать в казачьих частях. Кавалерию на войне видел всякую, но не казачью» (*Лежнев И.Г. Путь Шолохова... С. 390*).

Мало того, показания шести очевидцев «подсмоленского» эпизода подкрепляются сразу восемью документами: командировочным предписанием «Красной звезды»; пропуском, выписанным 23 августа 1941 года⁴⁹; фотографиями^{50*}; кадрами кинохроники; корреспонденцией, напечатанной 29 августа в «Красной звезде»; статьей «Пленные», напечатанной 31 августа в газете 19-й армии «К победе» (см. главу «Болдинское лето»); письмом Сталину, посланным в день возвращения в Москву – 2 сентября, – и записью в дневнике А. Первенцева от 4 сентября 1941 года.

При такой мемуарной скудости кажется тем более необъяснимым отказ от самого выигрышного фронтового рассказа – «грязновского». Ведь в нем все, что так необходимо: и окопы Сталинграда, и замысел романа, и поистине царский жест дарения «Войны и мира» – утверждение преемственности Льву Толстому!..

И еще непонятно, почему Шолохов дезавуировал Грязнова лишь в 1975 году? Ведь версии этой истории гуляли не только по страницам малочитаемых «Советского Казахстана» и «Рабоче-крестьянского корреспондента»... В 1959 году весь этот рассказ был повторен – и лично Шолоховым завизирован! – в официальном сборнике «Советские писатели. Автобиографии»⁵¹, а в 1966-м – Михаил Андриасов поведал о том же самом в дважды юбилейном (к получению Нобелевской премии и 60-летию Шолохова) сборнике, выпущенном издательством «Правда»⁵²!

Впрочем в 1973 году, когда готовилось переиздание сборника, Шолохов требовал от Софронова очерк Андриасова убрать, но – по совсем иным мотивам:

«Слушай, статья Андриасова – это слюни и патока. Прочитаешь и хочется помыть руки... Нельзя же писать так бездарно и неумело. <...> Боюсь – и не без оснований, – что очерк Андриасова доставит много радости нашим общим "друзьям"»⁵³.

Честно сказать, сочинение Андриасова ничуть не хуже прочих писаний сборника. И дело, видимо, не в Андриасове, а в общих с Софроновым недругах. Под ними Шолохов несомненно имел в виду «либералов-шестидесятников». А в очерке Андриасова подробно описано, как вешенский затворник обласкивает Кочетова, Софронова, Закруткина... И показано, что названные рептильные писатели составляют единственное литературное окружение классика. Конечно, либерала Шолохов из себя не корчил, но и публично признаваться в дружбе с Кочетовым тоже, наверное, не желал... Софронов шолоховского чистоплюйства не поддержал, и очерк Андриасова в сборнике остался.

* Опубликованы еще две фотографии, сделанные военкором Совинформбюро и газеты «Известия» Г.Г. Петрусовым (1903–1971): «М.А. Шолохов среди бойцов артиллерийской части» и «М.А. Шолохов среди танкистов» (см.: Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. С. 48–49). Место не указано, а издатели датируют их 1943 годом. Нетрудно заметить, однако, что форма на окруживших Шолохова офицерах не полевая, а повседневная (звездочки на погонах и фуражках не покрыты защитной краской). Из чего следует: камера Петрусова запечатлела визит Шолохова в одну из тыловых частей, проводящих боевую учебу.

Что же произошло в 1975 году? А то, что годом раньше в Париже вышла книга *Д (И.Н. Медведевой-Томашевской) «Стремя "Тихого Дона"» и обвинения в плагиате, поддержанные авторитетом А.И. Солженицына, зазвучали с новой силой. В такой ситуации понятно стремление Шолохова отмежеваться хотя бы от той лжи, которую легко разоблачить. Ведь, по словам К. Приймы, Грязнов был чуть ли не соседом Шолохова... И вот, дабы пресечь попытки журналистов этого Грязнова разыскать и разговорить, Шолохов объявляет его рассказ выдумкой.

А тогда – последний вопрос: откуда взялся рассказ?

Похоже, сам Шолохов его и сочинил. К такому заключению приводит специфическое употребление слова «крепко» в приписанной Шолохову реплике:

«<...> Тут, брат, не за перо, а за штык надо браться, да крепко орудовать им».

Ср. в письмах и речи Шолохова:

1924, 24 мая – М.Б. Колосову:

«Я на тебя крепко надеюсь»⁵⁴;

1924, 5 июня – М.Б. Колосову:

«На тебя, Марк, я крепко надеюсь <...>»⁵⁵;

1927, 22 июля – издательству «Московский рабочий»:

«<...> я крепко верю, что это не пишущая машинка, а ее прадед – печ[атный] станок времен Иоанна <...>»⁵⁶;

1929, 23 марта – М.П. Шолоховой:

«Я крепко и с грустью разочаровываюсь в людях...»⁵⁷;

1930, 1 апреля – А.С. Серафимовичу:

«Мне крепко надоело быть "вором"»⁵⁸;

1931, 6 июня – А.М. Горькому:

«<...> крепко желаю вам здоровья!»⁵⁹;

1933, 24 декабря – А.М. Горькому:

«<...> крепко хочу, что-бы ветры не дули, <...> что-бы все было у Вас там хорошо»⁶⁰;

1937, 5 января – Г.Е. Борисову (Б. Озимому):

«<...> тебе надо очень и очень крепко над ней работать»⁶¹;

1942, начало июня – Н.Г. Ведяпину, первому секретарю Камышинского райкома ВКП(б):

«Сейчас крепко к обороне готовиться надо»⁶²;

1948, 12 ноября – М.В. Ливинцову (тому самому, встреченному в 1942 году на Донском фронте):

«Над "Высотой [87,4]" следует Вам еще крепко поработать <...>»⁶³;

1960, 26 января – И.С. Рахилло:

«<...> тебе крепенько достанется от читателей!»⁶⁴;

1962, май – М.Н. Алексееву:

«Крепенько написал ты "Вишневый омут"»⁶⁵;

или, в передаче самого Михаила Алексеева:

«Крепенький роман[чик]»⁶⁶... *

* Обнаружение данного слова в печатном тексте – «Нужно крепко драться за перестройку колхозного строя» (Шолохов М. За перестройку //

И этот рассказ, приписанный Василию Грязнову, К. Прийма в 1955 году запустил в оборот. Точно так же, как три десятка лет спустя – сказку о чоновской юности Шолохова (см. ч. II «Продолжение легенды»).

В свете всего сказанного фронтовая биография Шолохова выглядит так:

1941: последняя неделя августа – Западный фронт (под Смоленском);

конец декабря – штаб Южного фронта (г. Каменск);

1942: первая неделя ноября* – штаб 229-й стрелковой дивизии на Донском фронте;

1945: середина марта – штаб 3-го Белорусского фронта (Восточная Пруссия).

Итого – при самом снисходительном подсчете, – не более месяца из 47 месяцев войны.

Где ж он провел оставшиеся 46?

Когда идет война, ответить на такой вопрос чрезвычайно просто: если не за границей и не на фронте, значит, там, где женщины и дети, – в тылу.

P.S. Нам могут возразить, что расширение фактологической базы биографии Шолохова (обнаружение неизвестных ранее документов, неопубликованных мемуаров и т. д.) способно внести существенные коррективы в представленную картину. Ну, что ж, вот новые факты.

А. В одном из новейших собраний шолоховского эпистолярного наследия (см.: Шолохов М.А. Письма / [Под общ. ред. А.А. Козловского, Ф.Ф. Кузнецова, А.М. Ушакова, А.М. Шолохова]. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 232) опубликована телеграмма (с пометкой «Срочная»), отправленная 9 октября 1942 из поселка Дарьинское (Западно-Казахстанская обл. Казахской ССР) главному редактору «Красной звезды» Д.И. Ортенбергу:

«Здоров. Прошу санкционировать совместную поездку [с] Карповым [на] Сталинградский фронт. Ответ телеграфьте. Крепко обнимаю. Шолохов».

В примечаниях к публикации издатели телеграммы сообщают: «О встречах с Шолоховым под Сталинградом см. воспоминания В. Грознова (Советский Казахстан [Алма-Ата]. 1955. № 5. С. 69–70)».

Большевистский Дон [ст. Вёшенская]. 1931. 20 окт. С. 1) – может служить дополнительным аргументом в пользу того, что указанная статья представляет собой стенограмму выступления Шолохова на одном из собраний (см. выше главу «Мусорное ведро» части 3-й).

* 7 ноября 1942 года Шолохов уже находился в г. Уральске (Казахстан), где присутствовал на торжественном заседании по случаю 25-й годовщины Октябрьской революции (Корсунов Н.Ф. С Шолоховым... С. 152). О дальнейшем времяпрепровождении можно судить по письму Шолохова П.К. Луговому (31 января 1943 года, Уральск): «С ноября под (sic!) конец декабря я был в Москве. ЦК вызывал лечиться» (Шолохов М.А. Письма. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 233).

Устранив вкравшуюся (несмотря на обилие «общих редакторов») опечатку: «Грознов» вместо правильного «Грязнов», с прискорбием отмечаем, как опора на фальшивку (упомянутые «мемуары» Василия Грязнова) препятствует осмыслению документальных свидетельств о событии, действительно имевшем место. Ведь речь несомненно идет о поездке Шолохова на Донской фронт, отраженной в воспоминаниях М.В. Ливинцова (ноябрь 1942 года, встреча в штабе 299-й стрелковой дивизии).

Можно ответить и на вопрос: почему Шолохов, намереваясь посетить Сталинградский фронт, попал на Донской? Ответ: куда намеревался, туда и попал – 28 сентября (а фактически – 1 октября⁶⁷) 1942 года Сталинградский фронт был переименован в Донской.

Что же касается полковника А.Я. Карпова, то в данной командировке он, видимо, Шолохова не сопровождал, поскольку Д.И. Ортенберг в своих мемуарах говорит лишь об одной совместной поездке Шолохова и Карпова на фронт – под Смоленск, в конце августа 1941 года⁶⁸.

Б. В письме в редакцию балтиморского журнала «Вестник» Петр Ефимов (Нью-Йорк) сообщил:

«Ветеран минувшей войны, участник Сталинградской битвы офицер-связист М. Хайкин вспоминает, что к ним в часть приехал Шолохов. На одной из встреч ему задали вопрос: как он относится к книге М. Алигер «Пулковский меридиан»? На что тот без обиняков ответил: «Каждая собака лает по-своему». Интеллект писателя, как говорят, налицо»⁶⁹.

Исправив очевидную ошибку (поэма «Пулковский меридиан» принадлежит перу Веры Инбер), зададим главный вопрос: неужели участник Сталинградской битвы встретил Шолохова на передовой?

Благодаря любезности Семена Ицковича (Чикаго) удалось связаться с самим очевидцем – Михаилом Ароновичем Хайкиным, 1925 г. рождения, ныне проживающим в г. Спрингфилд (Массачусетс, США).

24 февраля 2004 года в телефонном разговоре он сообщил, что встреча имела место в 1942 году на аэродроме Воропонино под Сталинградом. Михаил Хайкин, не достигший еще 18 лет и пошедший в армию добровольцем, был приписан тогда к БАО (батальону аэродромного обслуживания), но, на самом деле, служил «бодистом» в штабе Сталинградского фронта. И вот однажды на аэродроме приземлился самолет ТБ-3, из которого вышли Шолохов и еще кто-то знаменитый (62 года спустя М.А. Хайкин не смог вспомнить, кто именно). Самолет направлялся в Ростов, но по непонятной причине (погода была летная) продолжить путь ему не разрешили. Шолохову на аэродроме заняться было решительно нечем, и тогда, чтобы «убить время», писатель согласился выступить перед бойцами. «Литературный вечер» проходил в помещении столовой. Михаилу Хайкину запомнилось, что Шолохов тепло отзывался о ленинградских поэтах, которые «несмотря на тяжелые условия в городе, пишут хорошие стихи». Тогда один из присутствующих задал вопрос: как оценивает писатель поэму Веры Инбер «Пулковский меридиан»⁷⁰?

На это Шолохов ответил: «Каждая собака лает по-своему (или «на своем языке»)».

Более ничего заслуживающего внимания в памяти М.А. Хайкина не отложилось. Не смог он назвать и точную дату события, припомнив, однако, что произошло это почти сразу после образования Сталинградского фронта.

Сталинградский фронт был образован 19 июля 1942 года. Можно догадаться и о причине, по которой самолет не выпустили с аэродрома, – 23 июля Ростов-на-Дону был занят немецкими войсками. Следовательно, время прибытия самолета в Воропонино располагается между двумя этими датами – 19 и 23 июля 1942 года. А теперь вспомним процитированную выше «Хронику Сталинградской битвы»: «21 июля 1942 г. <...> В Сталинград прибыл писатель Шолохов»⁷¹.

Несомненно речь идет именно об этом эпизоде – пребывании Шолохова на тыловом аэродроме Воропонино пролетом в Ростов. Однако на следующее утро оказалось, что лететь больше некуда, и Шолохов вернулся восвояси.

Что же касается неожиданной вспышки интереса к творчеству ленинградских поэтов, то она, видимо, объясняется тем, что весной 1942 года в Москве Шолохов общался с Ольгой Берггольц⁷². Познакомились они в Радиокomitee, а вечером того же дня молодая поэтесса пришла к Шолохову в гостиницу. Из Москвы Ольга Берггольц увезла с собой шолоховское письмо жителям блокадного Ленинграда, которое и зачитала 2 мая по ленинградскому радио⁷³. Шолохов тоже не остался в долгу и, употребив свое влияние, добился опубликования ее поэмы «Февральский дневник» в «Комсомольской правде» (5 июля 1942 г.)⁷⁴.

В. 13 марта 2004 года в интервью «Волгоградской правде» 88-летний ветеран Великой Отечественной войны, бывший летчик В.М. Селиванов сказал, в частности, следующее:

«В 44-м в нашу авиачасть приезжала бригада писателей: М. Шолохов, К. Симонов, В. Луговской, – вспоминает Виссарион Михайлович. – Как я рад был снова увидеть великого писателя*, который в те годы публиковал первые главы из романа «Они сражались за Родину».

С гордостью выполнял Селиванов поручение командования доставить в целостности и сохранности бригаду писателей в Ленинград.

– Летели ночью, – вспоминает собеседник, – по бокам самолета и дело вспыхивали огоньки разрывов немецких снарядов, и за весь путь я буквально взмок от напряжения: как бы не зацепили, груз-то был бесценным»⁷⁵.

Селиванов рассказывает далее, что служил он в то время в «элитной 3-й отдельной гвардейской авиадивизии, которой командовал полковник С.Н. Шарькин».

Тут, конечно, впору изумиться, поскольку не было в Красной армии такой воинской части... Но, предвидя наше недоумение, интервьюер спешит внести ясность в этот вопрос:

* Предыдущие встречи относились к годам ранней юности Селиванова в станице Базковской, куда Шолохов являлся в приезд в гостиницу.

«Мало кто знает, что в годы войны была создана 3-я отдельная гвардейская авиадивизия, которая выполняла задания правительства и подчинялась непосредственно Сталину и наркому связи Пересыпкину. Об этом я узнал от бывшего летчика этой засекреченной тогда авиадивизии В.М. Селиванова».

Теперь вопросов нет – никто про эту дивизию не слышал оттого, что засекреченная. Одна только странность – в подчинении. «Подчинялась непосредственно Сталину» – это ясно... Но при чем здесь нарком связи Пересыпкин Иван Терентьевич? А при том, что с 1941-го по 1946 год, оставаясь наркомом связи, выполнял он также обязанности заместителя наркома обороны и начальника Главного управления войск связи Красной армии. А дивизия, которой командовал С.Н. Шарыкин, называлась: 3-я отдельная авиадивизия связи Гражданского Воздушно-го флота⁷⁶.

Такое наименование вполне отвечает очерченному Селивановым кругу занятий дивизионных летчиков: «обеспечивали связь Ставки с командующими фронтами, летали в Иран, перегоняли новые "Яки" с Дальнего Востока, а в 44-м летали в Югославию, к Тито».

И еще одно уточнение – звания «гвардейской» 3-я отдельная авиадивизия связи так и не заслужила.

А теперь попытаемся разобраться с Шолоховым. Где могла дислоцироваться авиационная часть, обеспечивающая связь Ставки с командующими фронтами? Ответ очевиден – под Москвой, то есть в тылу. Но писательская бригада прибыла в 3-ю авиадивизию связи не из праздного любопытства, а с определенной целью – лететь в Ленинград. Однако никаких визитов Шолохова в блокадный город не отмечено... Ничего удивительного: Селиванов указывает, что полет состоялся в 1944 году... А в самом начале 1944 года, 27 января, блокада с Ленинграда была полностью снята, даже артобстрелы прекратились. И лететь из Москвы в Ленинград под огнем зениток тоже теперь нужды не было... Так что ни место вылета, ни пункт назначения, ни маршрут обогатить фронтную биографию Шолохова не могут.

Странно, конечно, что Симонов, расписавший свою жизнь в годы войны буквально по дням, нигде о том совместном полете не упомянул*. И Луговского в живых нет, да и Шолохова не спросишь. Остается единственный 88-летний свидетель, нетвердо помнящий даже название собственной части... И – не беспристрастный:

«Травля Шолохова по поводу авторства "Тихого Дона" подвигла его засесть за кандидатскую диссертацию. <...>

Диссертация Селиванова "Эпичность художественной прозы Шолохова 40–50-х годов о Великой Отечественной войне", которую Виссарион Михайлович защищал два года назад в родном МОПИ (Москов-

* Мало того: К.М. Симонов особо отмечает, что в Ленинград он – впервые с начала войны – попал в июне 1944 года, причем прибыл туда из Москвы не по воздуху, а на «виллисе», и единственным его спутником был шофер (см.: Симонов К.М. Разные дни войны: Дневник писателя. Т. 2: 1942–1945. М.: Известия, 1981. С. 378–379).

ском [государственном] областном педагогическом институте, г. Орехово-Зуево. – Б.-С.), тянула на степень доктора наук, так решила аттестационная комиссия, но тут вмешался Солженицын, привел свои доводы...»⁷⁷

Не знаю, как насчет докторской степени, но автореферат селивановской диссертации датирован 1999 годом⁷⁸. А защита состоялась в 2002-м. Не иначе, три года комиссия лелеяла надежду, что вопрос рассосется естественным путем...

ЛИТЕРАТУРНОЕ
НАСЛЕДСТВО

В сентябре 1948 года, выступая на третьем своем юбилейном чествовании* – по поводу 25-летия литературной деятельности, Михаил Шолохов заявил:

«В Великую Отечественную войну мы все очень быстро откликнулись на волнующие темы. Этого требовала жизнь. Я тоже писал тогда быстро»¹.

А шестью годами раньше – в марте 42-го – он разоткровенничался перед курсантами ленинградского училища ПВО Военно-морского флота (г. Энгельс):

«– Работы много. <...> Пишу в основном для зарубежной прессы. Трачу сотни килограммов бумаги и столько же чернил, чтобы показать, что Красная Армия существует и бьет немцев. А что отступаем, так это временно. Приходится, – продолжал он, – опровергать всякие слухи и убеждать, что советский народ никому не поставит на колени...»².

Из сказанного вытекает, что в суровую годину Шолохов писал не только быстро, но и много. Очень много!

Чего же он нашустрил за 4 года войны?

Итак: «Пишу в основном для зарубежной прессы. Трачу сотни килограммов бумаги и столько же чернил...»

Связями советских писателей с заграничной прессой ведало Совинформбюро. И точно: в архиве этой организации отыскались материалы Шолохова – три корреспонденции, не позднее 22 сентября 1941 года сданные начальнику литературной редакции Александру Афиногенову³. Общий объем – 12 книжных страниц, или 0,753 печатного листа.

Кроме того, в 1943 году, уже по линии Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), Шолохов направил «Письмо американским друзьям» – еще полторы страницы, или 0,095 печатного листа.

Но Шолохов творил и для советского читателя.

4 июля 1941 года «Правда» публикует очерк «На Дону», а на следующий день – заметку «В станице Вешенской».

30 июля Шолохов явился в редакцию «Красной звезды» с готовым очерком «В казачьих колхозах».

29 августа в «Красной звезде» появляется первая фронтовая корреспонденция Шолохова – «На Смоленском направлении», а 6 сентября – заметка «Гнусность».

2 ноября в «Правде» – очерк «Военнопленные».

Итого за 6 месяцев первого года войны в советской печати – шесть наименований общим объемом в 13 страниц, или 0,82 печатного листа.

* Первый юбилей – 35-летие самого Шолохова – был отпразднован в 1940 году, второй (40-летие) – в 1945-м.

1942 год... 28 февраля в «Правде» – очерк «На Юге», 22 июня (в «Правде») – рассказ «Наука ненависти», а еще 2 мая в программе «Радиохроника» Ольга Берггольц зачитала письмо Шолохова жителям блокадного Ленинграда⁴.

Итого за 1942 год – 17 с половиной страниц, или 1,12 печатного листа⁵.

Год 1943-й. Темп нарастает: в «Правде» и в «Красной звезде» печатается роман «Они сражались за Родину». Четыре публикации в мае, четыре – в ноябре. Общий объем – 59 страниц, или 3,7 печатного листа.

1944 год – только «главы из романа». С 12 по 14 февраля и 3 июля. 31 страница, почти 2 печатных листа. А еще в мае Шолохов направил письмо читателям-солдатам – 260 знаков (0,0065 печатного листа)⁶.

1945 год – от Нового года до Победы всего 128 дней. Времени едва хватило откликнуться на смерть другого художника – А.Н. Толстого: статья «Могучий художник» в «Правде» от 25 февраля. Чуть меньше полутора страниц, чуть больше 0,08 печатного листа.

Итого:

1941 (22 июня – 31 декабря) – 25 страниц;

1942 (1 января – 31 декабря) – 17 страниц;

1943 (1 января – 31 декабря) – 60,5 страниц;

1944 (1 января – 31 декабря) – 32 страницы;

1945 (1 января – 8 мая) – 1,5 страницы.

В общей сложности за всю Великую Отечественную войну – 135 страниц. И девяти печатных листов не наберется. Меньше трех страниц в месяц⁷. Вот такой писатель – нерв великого народа!..⁸

Не удивительно, что коллеги по ремеслу пребывали в недоумении и искали объяснений. Илья Сельвинский, например, целых пять дней (с 19 по 24 сентября 1949 года) бился в поисках разгадки, да так ничего и не придумал. В чем и признался своему читателю Б.Г. Губареву:

«На ваши вопросы просто затрудняюсь ответить. Почему Шолохов не публикует своего романа? Вероятно, потому, что он еще не готов. Шолохов – взыскательный художник, к тому же к нему и требования предъявляются повышенные, поскольку он молчал даже в годы войны»⁹.

Значит, на все, опубликованное Шолоховым в годы войны, – те самые 135 страниц, Сельвинский смотрел, как на пустой лист...

Что же такое выходило из-под пера взыскательного художника?

Великая Отечественная война пробудила в русском народе великие надежды, и он обратил свой взор на знаменитого писателя нашей эпохи. Все помнили, с какой мощью описал Шолохов войну, на которой не был. Теперь сама судьба дарит художнику небывалую возможность всю развернуть свое гениальное дарование!

Времени собраться с творческими силами Шолохову понадобилось не больше, чем Сталину: уже 4 июля 1941 года «Правда» предъявила читателям первый писательский отклик – очерк «На Дону».

Очерк не чрезмерно велик, правду сказать – совсем мал: 190 строк, 4 книжные страницы.

В чем же его сила? Без внимательного чтения этого не понять. Итак, война объявлена, казаки собираются на фронт...

«На станичную площадь спешат провожающие и призванные в Красную Армию. <...> Он – дюжий парень, по виду тракторист, в аккуратно заштопанном синем комбинезоне, в чисто выстиранной рубашке. Она – молодая смуглая женщина. Губы ее строго поджаты, глаза заплаканы. Равняясь со мной, она тихо, только мужу, говорит:

– Вот и опять эти немецкие б...* лезут на нас. Не дали они нам с тобой мирно пожить... Ты же, Федя, гляди там, не давай им спуска!

Медвежковатый Федя на ходу вытирает черным промасленным платком потеющие ладони, снисходительно, покровительственно улыбается, басит:

– Всю ночь ты меня учила, и все тебе мало. Хватит! Без тебя ученый и свое дело знаю. Ты вот лучше, как приедешь домой, скажи бригадире вашему, что если они будут такие копы класть, какие мы видали дорогой, возле Гнилого лога, так мы с него шкуру спустим. Так ему и скажи! Понятно?

Женщина пытается еще что-то сказать, но муж досадливо отмахивается от нее, совсем низким, рокошущим баском говорит:

– Да хватит же тебе, уймись, ради бога! Вот придем на площадь, там все одно лучше тебя скажут!*

А теперь возьмем описание аналогичной ситуации в романе «Тихий Дон» (I, 3, 4):

«На площади серая густела толпа. <...> Около ограды, здоровенный черный атаманец, застегивая необъятные синие шаровары, щерит рот в белозубой улыбке, возле него серенькой перепелкой чечокает низкорослая казачка, – жена ли, любушка ли.

– Я тебе за эту курву чертей выплюю! – обещает казачка.

Она пьяна, в расплаченных космах подсолнуховая лузга, развязаны концы расписного полушалка. Атаманец, затягивая пояс, приседа-

* Позднее слова «эти немецкие б...» были устранены.

ет, улыбается; под морщенным морем шаровар годовалый телок пройдет – не зацепится.

- Не насакаивай, Машка.
- Кобель проклятый! Бабник!
- Ну, дык што ж?
- Гляделки твои бесстыжие!

<...>

Томилин, вытирая о шаровары потные ладони, грудью пер на нахмуренного Сергея Платоновича.

– Прижал с векселем, гад, а теперь робеешь? То-то! И морду побью, ищи с меня! Загребил наши казацкие права. Эх ты, сучье вымя! Гад!»²

О чем свидетельствует это сопоставление? Прежде всего об изумляющем сходстве двух разделенных тринадцатью годами (1928–1941) повествований.

Станичная площадь, проводы уходящих на фронт, те же два персонажа – богатырского вида мужчина и его спутница. Они ведут разговор, и мужчина женщину урезонивает. Завершается фрагмент недвусмысленными угрозами.

Это общая канва. А вот детали:

«Около ограды, здоровенный черный атаманец, застегивая необъятные синие шаровары <...>»

– «Он – дюжий парень <...> в аккуратно заштопанном синем комбинезоне <...>»;

«– Я тебе за эту курву чертей всыплю! – обещает казачка»

– «<...> она тихо, только мужу, говорит:

– Вот и опять эти немецкие б... лезут на нас»;

«<...> здоровенный черный атаманец <...>»

«Томилин, вытирает шаровары потные ладони <...>»

– «Медвежковатый Федя на ходу вытирает черным промасленным платком потеющие ладони <...>»;

«Атаманец, затягивает пояс, приседает, улыбается <...>»

– «Медвежковатый Федя <...> снисходительно, покровительственно улыбается <...>»;

«– Не насакаивай, Машка!

– Кобель проклятый! Бабник!

– Ну, дык што ж?»

– Гляделки твои бесстыжие!»

– «– Вот и опять эти немецкие б... лезут на нас. <...>Ты же, Федя, не давай им спуску! <...>»

– Всю ночь ты меня учила, и все тебе мало.

Хватит! Без тебя ученый и свое дело знаю.

<...>

Женщина пытается еще что-то сказать, но муж досадливо отмахивается от нее <...>:

– Да хватит же тебе, уймись, ради бога!»;

«– И морду побью, ищи с меня!»

– «<...> мы с него шкуру спустим».

И нас снова уверяют, что оба эти произведения написал один человек!..

Но вот перед нами текст 41-го года: жалкое подражание, практически – списывание, обнаруживающее полную неспособность Шолохова симитировать литературную преемственность великому роману.

А это продолжение очерка:

«На станичной площади возле трибуны – строгие ряды мобилизованных. Кругом – огромная толпа провожающих»³.

Продолжение отбрасывает нас к началу – началу все той же четвертой главы из «Тихого Дона»:

«На площади серая густела толпа. В рядах лошади, казачья справа, мундиры с разными номерами погон. <...> Одно слово в разноликой толпе: "мобилизация"»⁴.

А вот еще:

«– Как у вас в хуторе? Что поговаривают пожилые казаки насчет войны? – спрашиваем мы.

– Есть одна мысль: управиться с сенокосом и по хорошему убрать хлеба. Но ежели понадобится Красной Армии скорее – готовы хоть за раз»⁵.

Сравним:

«Рядом в кураготе бессвязный скачущий разговор.

Немолодой красивый казак горячится.

– Нам до них дела нету. Они пушай воюют, а у нас хлеба не убра-
тые!»⁶

И еще:

«Старый рабочий Правденко говорит:

– У меня два сына в Красной Армии. <...> А если понадобится им подпорье, то и я, старик, возьму винтовку в руки и трягну стариной»⁷.

А это – «Тихий Дон»:

«– А ты, дед, зачем? Аль не отломал службу?

– Как зачнуть народ крошить, и до дедов доберутся»⁸.

Очерк:

«Вечером на крыльце Моховского сельсовета собралась группа колхозников»⁹.

«Тихий Дон»:

«На прилавке моховского магазина – давка, толкотня»¹⁰.

И снова очерк:

«Сторонясь от встречной машины, всадник сворачивает в рожь и тотчас исчезает: не видно лошади, не видно белой рубашки всадника, только околыш казачьей фуражки краснеет над зеленым разливом, словно головка цветущего татарника. <...>

– Прослышал я в воскресенье про войну и все во мне повернулось.

<...>

Через минуту всадник скрывается, и только легкие, плывущие по ветру комочки пыли, сорванные лошадиными копытами с суглинистого склона балки, отмечают его путь»¹¹.

Откуда это? – в главе четвертой ничего похожего нет! Совершенно верно, раскройте главу третью:

«<...> Далеко по серой спине шляха, от хутора, быстро двигался меняющий очертания пыльный комок. <...>

Комочек упал в лощину и выбрался оттуда, увеличенный до размеров муравья.

Сквозь пыль просвечивала фигура верхового. Минут через пять стало видно отчетливей. <...>

Теперь уже ясно виден был верховой. Он шел броским наметом, левой рукой придерживал фуражку, в правой вяло вилял запыленный красный флажок.

Он проскакал мимо съехавшего со шляха Петра <...>, крикнул, оскалив квадратный серо-каменный рот:

– Сполох!

На след, оставленный в пыли подковой его коня, упал кусок желтоватого пенного мыла. Петро проводил глазами конного. Одно осталось у него в памяти: тяжкий храп полузагнанного коня и, когда глянул вслед ему, круп, мокрый, неумолимо сверкающий стальным лезвием.

Не осознав еще окончательно подступившего несчастья, Петро тупо оглядел трепещущий в пыли кусок мыла, степь, сползавшую к хутору волнистым скатом. Со всех концов, по желтым, скошенным кулигам, скакали к хутору казаки. По степи, до самого желтеющего в дымчатой непрогляди бугра, вздували комочки пыли всадники <...>¹².

Всадник в фуражке, красный цвет (флажок – околыш), комочки пыли... Только в «Тихом Доне» всадник несет страшную весть, и конь его – сам по себе символ гибели («круп <...>, неумолимо сверкающий стальным лезвием»)... Короче – Апокалипсис. А в очерке и всадник, и скак его коня – обесмысленны.

Можно, конечно, допустить, что автор очерка пытался (и не преуспел) выстроить некую конструкцию типа «Раньше и теперь» – проводы на фронт в июле 1914 года и в июне 1941-го... Но, никакого указания... на данное противопоставление в тексте нет. Так что очерк – не более чем имитация. И когда рядом положен литой и выверенный до последнего штриха фрагмент «Тихого Дона», все убожество имитации бьет по глазам.

Тем более что изготовлена она так:

«– Вот и опять эти немецкие б... лезут на нас. <...> Ты же, Федя, не давай им спуска! <...>

– Всю ночь ты меня учила, и все тебе мало. Хватит! Без тебя ученый и свое дело знаю».

Тут уж не понять, чему мы обязаны возникшим комическим эффектом (жена целую ночь обучает мужа, как не давать спуска немецким б...!), – непроходимой глупости титульного автора или проискам литературного негра, подло подставившего заказчика?!

БОЛДИНСКОЕ ЛЕТО

К недлинному списку шолоховских сочинений военной поры следовало бы прибавить еще одно произведение – утраченное. Опубликовано оно было 31 августа 1941 года в сотом номере газеты «К победе» (орган штаба 19-й армии). Впервые сведения о нем огласил Илья Котенко в 1962 году¹. Он же сообщил заглавие произведения – «Пленные» – и привел пространные цитаты. К сожалению, даже в крупнейших книгохранилищах упомянутый номер разыскать не удалось, так что два отрывка, приведенные в статье И.М. Котенко (единственного, судя по всему, обладателя данного сокровища), – это все, чем мы располагаем. Приведем их полностью:

«Вернер Гольдкамп попал в плен сегодня утром. Он участвовал в захвате Польши, Франции и с начала военных действий находился на Восточном фронте. Последние трое суток он не ел и не умывался, лицо и одежда его в грязи, серо-зеленый мундир изрядно потрепан, сапоги залатаны, даже голенища нестрят латками. Трое суток наша артиллерия громила батальон, в котором служил ефрейтор Гольдкамп».

А это – второй отрывок, побольше:

«Сложная и хитро продуманная фашистами система, направленная к тому, чтобы любыми средствами удержать немецкого солдата под ружьем, пока еще в действии. В групповом окопе немецкой роты ни один солдат не может пройти к ходу сообщения, миновав офицера, но если он и проскользнет, – в тылу его задержит полевая жандармерия. Ложь, запугивание, жестокая дисциплина – все это пока держит уставшего от войны немецкого солдата в окопах, но уже отчетливо проступают первые признаки начинающегося разложения части немецкой армии: недовольство офицерским составом, отсиживающимся в тылу, сознание полной бесперспективности войны с Советским Союзом, недоверие к авантюристической политике гитлеровской клики. И чем сильнее будет отпор Красной Армии врагу, тем быстрее пойдет неизбежный процесс распада и гибели немецко-фашистской армии».

Нужно ли сожалеть о пропаже этого шедевра? Нет, не нужно! И не потому, что не шедевр, а потому, что никуда не пропал.

Все процитированное – до занятой! – идентично тексту корреспонденции «На Смоленском направлении»², 28 августа переданной «по военному проводу» в редакцию «Красной звезды»³ и 29 августа 1941 года в «Красной звезде» опубликованной.

Допустить, что в статью для армейской газеты от 31 августа было просто включен какой-то кусок из корреспонденции, едва ли возможно – «кусок» этот составляет треть (28,7%) текста корреспонденции. Следует ли из этого, что Шолохов просто-напросто всучил доверчивой армейской редакции уже опубликованную статью, выдав ее за «эксклюзив»? Видимо, нет. Обратимся к истории текста.

Заголовок – «На Смоленском направлении» – дан редакцией³. Вот что пишет по этому поводу тогдашний главный редактор «Красной звезды» Давид Ортенберг:

«В один из августовских дней сорок первого года <...> я выехал в 19-ю армию И.С. Конева. В то время армия Конева вместе с другими армиями, развернувшись на фронте от истоков Западной Двины до Ярцева, получила задание перейти в наступление против 9-й немецкой армии, рвавшейся на восток, к Москве. Армия Конева действовала в районе Ярцева, и действовала наиболее успешно.

В спутники я взял с собой спецкора «Красной звезды», известного ныне очеркиста Зигмунда Хирена. <...>

Наступательная операция 19-й армии развивалась успешно. И это радостно было видеть.

Я оставил в армии Хирена, тут же вызвал ему на помощь другого спецкора Якова Милецкого, а когда вернулся в редакцию, попросил поехать к Коневу еще и Михаила Шолохова.

20 августа в «Красной звезде» была напечатана первая информация об успехах «частей командира Конева». А затем каждый день вплоть до 28 августа шли обширные корреспонденции под заголовками: «Новые боевые успехи частей командира Конева», «Части командира Конева продолжают громить врага» и т. д. <...> Но 28 августа мне позвонил Сталин и сказал: «Довольно печатать о Коневе». Я стал выяснять, в чем дело, и оказалось, что иностранные корреспонденты, ссылаясь на «Красную звезду», всюду раздули эту частную операцию. Красная армия, писали они, перешла в контрнаступление. Немецкая армия отступает и т. д. А в это время наши войска оставили Новгород, Таллин, Гомель...

В тот же день готовился в номер первый очерк Шолохова, находившегося в 19-й армии. Мы дали его <...> под заголовком «На Смоленском направлении». Все, что касалось «частей командира Конева», пришлось опустить.

На этом очерке и оборвалась вся наша ярцевская «эпопея»⁴.

Д.И. Ортенберг рассказал и о реакции Шолохова на редакционный произвол:

«Когда Шолохов вернулся в Москву, он зашел ко мне огорченный с газетой в руке:

– А я пообещал Коневу, что напишу о его армии...

Я объяснил создавшуюся ситуацию.

Кстати, об этом обещании Шолохова Конев долго помнил. Спустя много лет после войны он рассказал о нем в своих мемуарах и высказал сожаление, что намерение писателя осталось неосуществленным. Во время одной из моих встреч с маршалом я объяснил ему, что Шолохов в том не повинен⁵.

О нанесенной Шолоховым обиде И.С. Конев вспоминал в 1964 году⁶. Обидчивому генералу мы, скорее всего, и обязаны появлением очерка «Пленные» – разувив о вивисекции, которой подвергся шолоховский материал в «Красной звезде», Конев, надо полагать, приказал редактору собственной штабной газеты «К победе» напечатать очерк в первоизданном – со всеми славословиями в свой адрес – виде.

А вот Шолохову было куда обидней – оказалось, что привезенные из поездки очерки газете не лужны. И пришлось пристраивать их в другое место. 17 сентября он сдал в литературную редакцию Совинформбюро один очерк и не позднее 22 сентября – еще два⁷.

Помешкай он чуть-чуть, и Совинформбюро от них тоже отказалось бы – 2 октября 1941 года немцы вновь атаковали войска Западного фронта, и 7 октября «части командира Конева» (теперь уже – командира М.Ф. Лукина) были полностью окружены («Вяземский котел»). Западный фронт перестал существовать.

Но мы остановим внимание не на трагических событиях осени 41-го, а на никогда более не повторенной творческой продуктивности Шолохова – 4 материала меньше чем за месяц!

Начнем с очерка «На пути к фронту». В Совинформбюро он поступил 17 сентября, через две недели после возвращения Шолохова в Москву.

Первый абзац так и прыскает молодецкой удалью:

«Вооруженные карапашами, записными книжками и ручными пулеметами, мы едем на автомобиле к линии фронта, обгоняя множество грузовых автомашин, везущих к передовым позициям боеприпасы, продовольствие, красноармейцев».

В «Тихом Доне» мы ничего похожего не найдем. Да и на другие произведения, подписанные именем Шолохова, это не больно похоже...

А вот второй абзац:

«Все машины искусно замаскированы ветвями берез и елей, и когда смотришь с холма вниз на дорогу, создается впечатление, будто в скалочный поход с востока на запад движутся, переселяясь куда-то, кусты и деревья. В движении – целый лес!»⁸.

Здесь автору, несомненно, припомнился «Макбет»⁹!

* Обращение к Шекспиру не должно обескураживать – см., например, монолог Макара Нагульнова в 32-й главе первой книги «Поднятой целины»:

«В царское время я молодых казаков обучал и наглядился: как парень <...> от молодой жены в полк пришел, так он в момент от тоски одеревянсеет и становится пенек-пеньком. <...> Ты ему про устав службы, а у него глаза, как пуговицы. Он, сволочуга, кубыть, и на тебя глядит, а на самом деле зрачок у него повернутый самому себе в утро, и он, гад, женушку свою видит».

Ср. в IV сцене 3-го акта пьесы «Гамлет»:

*O Hamlet, speak no more;
Thou turn'st mine eyes into my very soul;
And there I see such black and grain'd spots
As will not leave their tinct.*

(«Ты повернул глаза зрачками в душу, // А там повсюду пятна черноты, // И их ничем не смыть!» [пер. Б.Л. Пастернака]).

Сразу вслед за этим Макар Нагульнов рассказывает о своих занятиях *английским языком*!

См. и прямую отсылку – в реплике подпоручика и дворянина Вацлава Августовича Лятевского, обращенной к колхозному завхозу Якову Лукичу Островнову (кн. 1, гл. 23): «<...> знаешь ли, *хамлет*, шансов на победу при-

Но дальше все сворачивает на проторенную дорожку:

«Изредка на поляне, поросшей молодыми березками и осинником, ослепительно вспыхнет под солнцем и промелькнет куст красной рябины, и снова с двух сторон обступают нас леса. А потом в просвете вдруг покажется холмистое поле, вытоптанные войсками рожь или овес <...>

Мы сворачиваем на проселочную дорогу, едем по местности, где всего несколько дней назад были немцы. <...> Вот неподалеку от дороги лежит вздувшаяся гнедая кобылица, и рядом с мертвой матерью – мертвый крохотный жеребенок, успокоенно откинувший пушистую метелку хвоста»⁹.

Что это? А это едет на фронт сотник Евгений Листницкий. На календаре тоже август, только год другой – 1914... «Тихий Дон», книга первая, часть третья, глава 14-я:

«Желтую щетину жнивья быстрил ветер. На западе корячились, громоздясь, тучи – вверху фиолетово чернели, чуть ниже утрачивали чудовищную свою окраску и, меняя тона, лили на тусклую ряднину неба нежно-сиреневый дымчатый отсвет; в середине вся эта бесформенная громада, набитая[,] как крыги в ледоход на заторе, рассчитывалась, и в пролом неослабно струился апельсинного цвета поток закатных лучей. Он расходился брызжущим веером, переломляясь и пылясь вонзался отвесно, а ниже пролома сплетался в вакханальный спектр красок.

У придорожной канавы лежала пристреленная рыжая лошадь. Задняя нога ее, дико задранная кверху, блестела полустертой подковой. Листницкий, подпрыгивая на двуколке, разглядывал лошадиный труп. Ехавший с ним санитар пояснил, сплевывая на вздувшийся бугор живота:

– Зерна обожралась... объелась, – поправился он, взглянув на сотника, хотел еще раз сплюнуть, но слюну проглотил из вежливости, вытер губы рукавом гимнастерки, – издохла, а убрать – не надо, вот ведь русский народ какой! У германцев – у тех не по нашему. <...>

Двуколка, подпрыгивая по кочковатому проселку, отъезжала дальше. Меркли краски на западной концевине неба, рассасывал ветер тучи. Нога мертвой лошади чернела сзади безголовой часовой. Листницкий все смотрел на нее, и вдруг на лошадь круговиной упал снопок лучей, и нога, с плотно прилегшей рыжей шерстью, неотразимо зацвела, как некая чудесная, безлистная ветвь, окрашенная апельсинно-оранжевым цветом»¹⁰.

Не будем разбираться сейчас ни с символикой (евангельской) фрагмента из «Тихого Дона», ни с его генезисом⁹, отметим лишь фа-

скорбно мало... <...> я не верю, чтобы такие, как ты, *хамлеты* могли построить социализм <...>» (Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 5. С. 148).

Не поняв каламбура, шолоховед В.В. Васильев решил, что «хамлет» – это «устаревшее хам» (Там же. С. 345).

⁹ В частности вторая фраза фрагмента – «На западе корячились, громоздясь, тучи – вверху фиолетово чернели, чуть ниже утрачивали чудовищную свою окраску и, меняя тона, лили на тусклую ряднину неба нежно-сиреневый дымчатый отсвет; в середине вся эта бесформенная громада, набитая как кры-

бульно-образные совпадения: путь на фронт, проселочная дорога, нечто вспыхивает в луче солнечного света (рябина – в очерке, чудесная безлистная ветвь – в романе), поле, лежащий у дороги лошадиный труп...

Правда, в очерке рядом с трупом лошади лежит и мертвый жеребенок... А он откуда взялся? Тоже из третьей части, но из седьмой главы:

«На полпути, неподалеку от какой-то деревушки, к пятой сотне приبلудился жеребенок-стригун. Он вылетел из-за околицы, увидел плотную массу лошадей и, игокнув, поскакал наперерез. Хвост его, еще не утративший ребяческой пушистости, относил на сторону, изпод точеных раковин копыт вспрядывала серыми пузырями пыль и оседала на притолченной зеленке. Он подкакал к головному взводу, дурашливо ткнулся в пах вахмистрову коню. Конь вскинул задок, но ударить не решился, – пожалел, видно»¹¹.

А Шолохов не пожалел... Только и осталось от жеребенка, что пушистый хвост.

Едем дальше:

«Внизу через небольшую речушку красноармейцы-саперы возводят мост. Пахнет свежей сосновой стружкой, речным илом.

Саперы работают без рубашек. Загорелые спины их лоснятся от пота и блестят на солнце, так же, как и свежий тес мостового настила.

Осторожно переезжаем речку по уложенным в ряд бревнам. Грязь по сторонам взмешена гусеницами танков и тракторов»¹².

А это уже – пятая глава третьей части «Тихого Дона»:

«За деревней, в ложине, поросшей желтыми кувшинками и осокой, саперы доканчивали просторный мостик. Неподалеку стоял, гудя и сотрясаясь, автомобиль. <...> В сиденьи откинувшись полулежал толстый седой генерал, с бородой-эспаньолкой и вислыми сумками пек. <...> Генерал, турсуча рукой ремень полевой сумки, гневно выкрикивал, адресуясь к саперному офицеру:

ги в ледоход на заторе, рассачивалась <...>» – содержит реминисценции из поэмы Маяковского «Облако в штанах» (сткк. 21–26 и 45–50):

«Хотите – // буду от мяса бешеный! // – и, как небо: являть – // Хотите – // буду безукоризненно нежный, не мужчина, а – облако в штанах!
<...>

Меня сейчас узнать не могли бы: // жилистая громалина // стонет, // корчится. // Что может хотеться этакой глыбе? // А глыбе многое хочется!»...

Слова «Хотите – буду от мяса бешеный...» и продолжение фразы инспирировали появление в романе противопоставления небесного ландшафта лошадиному трупу (см. в поэме [сткк. 256–257]: «а во рту // умерших слов разлагаются трупики <...>»).

Следует обратить внимание и на евангельский сюжет поэмы, напрямую заявленный в доцензурном ее названии: «Тринадцатый апостол».

Наличие указанных реминисценций позволяет определить *terminus post quem* создания 14-й главы третьей части «Тихого Дона» – сентябрь 1915 года, дата выхода первого отдельного издания поэмы (среди отрывков, опубликованных полугодом ранее в петроградском альманахе «Стрелец», строки 45–50 отсутствовали).

– Вам приказано еще вчера закончить работу. Молчать! О подвозе строительного материала вы должны были озаботиться раньше. Молчать! – гремел генерал, несмотря на то, что офицер, замкнув рот, только дрожал губами.

– А теперь как мне проехать на ту сторону?.. Я вас спрашиваю, капитан, ка-а-ак мне проехать?.. <...>

Сотня прошла мимо, спустилась над мостом в лошину. Буро-черная грязь выше колен забирала ноги лошадей, сверху с моста сыпались на казаков белые перья сосновых щепок»¹³.

При таком обилии «параллельных мест» возникает законный вопрос: «А ездил ли вообще Шолохов на фронт?»

Ответ – утвердительный: да, ездил! И тому есть свидетель – текст!

Дело в том, что в поездку на Западный фронт Шолохов отправился в компании еще двух писателей – Александра Фадеева и Евгения Петрова. Маршал Конев с горечью вспоминал потом, что обещание «написать о своих встречах с воинами 19[-й] армии» выполнил только Евгений Петров¹⁴.

Свои фронтовые очерки Евгений Петров писал для Северо-Американского газетного объединения, но печатались они и в «Огоньке».

Вот его очерк «На Западном фронте в сентябре»:

«На берегу реки почти совершенно разрушенная немцами деревня. <...> Сохранились только ограждающие жильё заборы. Самого жилья уже нет. На его месте торчат кирпичные трубы и в квадратах золы можно рассмотреть глиняные почерневшие горшки да искривленные огнем железные кровати. <...> Совершенно непонятен здесь крохотный беленький цыпленок, который деловито роется в золе. Собак нет совершенно, они ушли с людьми, но зато попадают кошки»¹⁵.

Смотрим в очерке Шолохова:

«Въезжаем в то, что недавно называлось селом. По сторонам обгорелые развалины домов. Торчат одни печные задымленные трубы. Горды кирпича на месте, где недавно были жилища; обгорелая домашняя утварь, осколки разбитой посуды, детские кровати, столы, обжарившиеся от огня металлическими прутьями. <...> оставив машину, мы тихо идем по улице и вдруг видим на черной обгорелой стене желтую кошку. Она мирно умывается лапкой. <...>

Две одичавших курицы <...> мирно добывали себе корм, роясь на вытопанном огороде, но как только увидели людей в одежде цвета хаки, – без крика метнулись в сторону и тотчас исчезли»¹⁶.

Странно, конечно, что сельский – и, значит, более глазастый – житель Шолохов принял цыпленка за двух куриц...

И снова Евгений Петров:

«Дальше идет несжатое поле ржи. Она полегла и спуталась... Местами поле изрыто немецкими окопами и воронками снарядов, Оттуда несет сильнейший трупный запах. Валяются простреленные немецкие каски, вдавленная в рыжую землю проволока, труны лошадей. Люди уже похоронены»¹⁷.

У Шолохова:

«Мы сворачиваем на проселочную дорогу, едем по местности, где еще несколько дней назад были немцы. <...> Земля обезображена воронками от снарядов, мин, авиабомб. Воронок этих множество. Все чаще попадаются пока еще не прибранные трупы людей и лошадей. Сладковато-приторный трупный запах все чаще заставляет нас задерживать дыхание»¹⁸.

И снова Шолохов демонстрирует невнимательность – не заметил, что трупы людей уже похоронены.

А теперь главное – про мост.

«Наш автомобиль медленно переваливает на пахнувший свежей стружкой бревенчатый мост, возведенный саперами позавчера. Под ним маленькая мутная речка, которая лениво течет среди невысоких поросших травой берегов»¹⁹.

Шолохов, как мы помним, объявил себя очевидцем строительства. Может быть, Шолохов проехал через эту местность раньше? Да нет, ездили они всюду вместе. Так откуда же такие разногласия? Причина проста: Евгению Петрову не было нужды подделываться под «Тихий Дон»!

А видели и слышали они одно и то же. Например во втором очерке Е. Петрова – «В лесу» – обнаруживается источник удивительных познаний Шолохова о порядках в немецкой армии:

«<...> генерал (И.С. Конев. – Б.-С.) показывает чертежи германских окопов, захваченных накануне нашими частями. Современный немецкий окоп строится в виде ломаной линии с длинным ходом сообщения посередине. Командир роты сидит у этого хода сообщения, и ни один солдат не может уйти, не пройдя мимо своего командира.

– Это хитро придумано, – смеется генерал, – в последнее время дух немецких солдат значительно поколеблен»²⁰.

См. в первой шолоховской корреспонденции с фронта:

«Сложная и хитро продуманная фашистами система, направленная к тому, чтобы любыми средствами удержать немецкого солдата под ружьем, пока еще в действии. В групповом окопе немецкой роты ни один солдат не может пройти к ходу сообщения, миновав офицера, но если он и проскользнет, – в тылу его задержит полевая жандармерия. Ложь, запугивание, жесткая дисциплина – все это пока держит уставшего от войны немецкого солдата в окопах, но уже отчетливо проступают первые признаки начинающегося разложения части немецкой армии: недовольство офицерским составом, отсиживающимся в тылу, сознание полной бесперспективности войны с Советским Союзом, недоверие к авантюристической политике гитлеровской клики»²¹.

Шолохов об этом сообщил в редакцию «Красной звезды» уже 28 августа. А к генеральским байкам добавил собственные:

«Вернер Гольдкамп попал в плен сегодня утром. <...> с начала военных действий находится на Ростовском фронте. Последние три суток он не ел и не умывался, лицо и одежда его в грязи, серо-зеленый мундир изрядно потрепан, сапоги залатаны, даже голенища пестрят латками»²².

Это каким же местом нужно ходить, чтобы стоптать до дыр голенища? И всего за два месяца войны?!

Кстати, благодаря Евгению Петрову мы можем датировать время действия еще одного шолоховского очерка – «Военнопленные»:

«Шесть военнопленных немецких солдат под охраной красноармейца, вышли из палатки, присели на покрытую хвоей землю. Их только что привели сюда, забрав в плен. Мундиры их залатаны и грязны, у одного подошва прихвачена проволокой. Они не умывались шесть дней. Этой возможности лишила их наша артиллерия. Лица их мрачны и покрыты коркой засохшей грязи. Они обовшивели, сидя в окопах, и теперь, не стесняясь, почесываются, скребут головы черными пальцами. Лишь один из них, черноволосый красивый парень, довольно улыбается и, обращаясь ко мне, говорит:

– Для меня война кончилась. Я счастлив оттого, что попал в плен»²³.

А вот петровский очерк «На Западном фронте в сентябре»:

«<...> он добавил с бессмысленно радостной улыбкой человека, спасшегося от смерти, стереотипную фразу, которую повторяют почти все немецкие пленные: – Теперь для меня война кончилась»²⁴.

Все прочие «военнопленные» подробности см. в корреспонденции «На Смоленском направлении». Короче говоря, и в ноябре 1941 года Шолохов рассказывал все о той же августовской командировке*.

* И три десятка лет спустя тоже:

«Это было в апреле 1977 года. Я приехал к Шолохову с вопросами для беседы. Вопросы утвердила всезнающая редколлегия "Комсомолки", самая умная, самая талантливая, как мы считали. Писатель сломал тщательно разработанную композицию. И по форме и по существу.

– Вы хотите, чтобы это было как бы обращение к молодежи? Не будет ли звучать претенциозно – Обращение к молодежи? – спрашивает он и решительно заключает: – Не стоит этого делать.

Но вот на одном из вопросов писатель задержал взгляд. Задумался. Потом спросил:

– А почему вас интересует поездка на фронт летом сорок первого?.. В том, что писатели поехали на фронт, ничего героического не было.

Помолчали. Но потом так получилось, что, о чем бы ни шел дальше разговор, Шолохов снова и снова возвращался к той поездке. Вспоминал ее в деталях, фактах.

– Когда мы ехали на фронт, нас (М.А. Шолохова, А.А. Фадеева, Е.П. Петрова. – Б.-С.) вызвали в Главное политическое управление (ГлавПУР РККА. – Б.-С.) и сказали: "Смотрите, товарищи писатели, не посрамите земли русской". <...> Вот такой эпизод. Нужно было перебраться на командный пункт полка. А немец вел огонь по площадям, все увеличивал (усиливал? – Б.-С.) его. И место вроде неприметное, но "рама" надбала наше движение. Огонь стал довольно плотный. А надо идти. Взял я красноармейца – пошли. Наше движение заметили – накрыли огнем. "Залегли." Красноармеец грызет горбушку, говорит: "Убьет, товарищ Шолохов. Давайте возвратиться". Я – молчок. Он же ведет. Он знает, что делать. А дальше открытое место. Не пройдем. Переждали чуть, вернулись. Но идти-то надо. Кто начинал, тому и идти. Снова пошли. Удачно. Встретил нас командир полка. Обрадовался. А тут как раз зво-

Таким образом, к результатам поездки на Западный фронт следует отнести уже не четыре, а целых пять материалов!

нок ему от комбрига: "Ты боишься ближнего боя, такой-сякой..." А какой тут ближний бой? Открытая местность. Как поднимает (кто-то голову? – Б.-С.), так и кладет (его? – Б.-С.) автоматный и пулеметный огонь – кинжальный...

...Шолохов рассказывал тихо, спокойно, как будто вызывал из памяти и снова переживал незабываемое...» (*Жуков И.И.* Рука судьбы: Правда и ложь о Михаиле Шолохове и Александре Фадееве. М.: Воскресенье, 1994. С. 61–62).

А вот опубликованный 5 октября очерк Е. Петрова «Командир и комиссар» (Огонек. 1941. № 32):

«Когда наступила тишина и адъютант доложил генералу, что части пошли в наступление, мы уселись в свой автомобиль и поехали вперед. <...> до первой линии оставалось еще километра полтора.

Шофер въехал задним ходом в лес <...> Дальше надо было идти пешком. <...>

Мы пошли пешком прямо через поле спутанной, поникшей, погибающей ржи <...> Мы поднялись на пригорок, и здесь надо было бежать метров четырехста до наблюдательного пункта командира части, так как местность была открытая и простреливалась противником. И мы побежали, унижительно пригибаясь и гремя амуницией. Командир части, громадный человек с толстой шеей и добрым круглым лицом, сидел в блиндаже у телефонного аппарата и хрипло кричал что-то в трубку. <...>

Часть прошла уже две линии немецких полевых укреплений и окопалась под сильным пулеметным огнем» (*Ильф И.А., Петров Е.П.* Собр. соч. Т. 5. С. 610–612).

А вот Шолохов в том же 1941 году описывал данное событие так:

«Штаб части командира Козлова (М.И., командира 229-й стрелковой дивизии. – Б.-С.) расположен неподалеку. В лесистой ложине мы оставляем свою машину, идем к штабу. Крутой подъем на холм, сплошь поросший вековыми соснами, и вот мы уже около территории штаба. <...> Возле штабной землянки нас встречает коренастый капитан. Он говорит, что генерал Козлов и начальник штаба сейчас заняты, и вежливо просит пройти в соседнюю командирскую землянку. <...> Нет, это вовсе не землянка в обычном понимании этого слова. Просторная крестьянская изба как бы по волшебству взята и перенесена глубоко под землю. <...>

Вскоре приходит генерал Козлов» (*Шолохов М.А.* Первые встречи // Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 8. С. 235–237).

А в самом начале следующего очерка – «Люди Красной Армии» – Шолохов сообщает:

«Генерал Козлов прощается с нами и уезжает в одну из частей, чтобы на поле боя следить за ходом наступления» (*Шолохов М.А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 8. С. 238).

Итак, генерал уехал, а Шолохов остался. Значит, не то что на командном пункте, но даже в штабной землянке не побывал. Откуда же рассказы о героической пробежке по открытой местности и под обстрелом? А из Евгения Петрова, тоже большого придумщика!

Вот они: «На Смоленском направлении», «По пути к фронту», «Первые встречи»*, «Люди Красной Армии», «Военнопленные»**.

Тут, кстати, уместно вспомнить мемуар Валентина Катаева о встрече с Шолоховым на фронте. В главе «Фронтвик» мы уже отметили, что Катаев ухитрился ничего не сказать ни о времени, ни о месте той встречи. Примечательно, однако, что содержательная часть эпизода (бег Шолохова под огнем на командный пункт) полностью укладывается в очерк Евгения Петрова – родного брата В.П. Катаева. А тогда получается, что мемуар Катаева – подложный, еще один фальшивый бриллиант в алмазном венце (разоблачения он не опасался – статья предназначалась для иностранцев).

Примечательно, что повторяя свой давно известный рассказ о пребывании Шолохова под Смоленском в августе 1941 года, Д.И. Ортенберг добавляет:

«А вот что писал встретившийся с Шолоховым на этом фронте Валентин Катаев...» И далее – уже знакомый текст катаевского мемуара (см.: *Ортенберг Д. Фронтвые дни и ночи Михаила Шолохова // Красная звезда. 1993. 20 нояб. С. 6*).

Из контекста следует, что «...на этом фронте...» означает – на Западном фронте. Таким образом, Ортенберг указывает, что Катаев описал все тот же «смоленский» эпизод. При этом бывший главный редактор «Красной звезды» превосходно знал, что в означенный момент Валентина Катаева на Западном фронте не было. А следовательно, и катаевские мемуары о встрече с Шолоховым на фронте – мистификация.

* Заглавие вписано рукой редактора Совинформбюро; первоначальное название: «Люди Красной Армии» (Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. С. 41).

** О событиях на Западном фронте повествует и заметка «Гнусность», опубликованная в «Красной звезде» 6 сентября 1941 года. Однако написана она не на основе собственных фронтовых впечатлений Шолохова, а с чужих слов:

«Как раз вскоре после возвращения Шолохова с Западного фронта (2 сентября 1941 г. – Б.-С.) мы (редакция «Красной звезды». – Б.-С.) получили сообщение о новом подломе злодеянии гитлеровских вояк. На Смоленском направлении, близ Ельни, разгорелся ожесточенный бой. Когда наша часть перешла в наступление, немцы выгнали женщин и детей из сел и заслонили ими свои окопы, продолжая вести огонь.

Мы показали Шолохову это сообщение. Я увидел, как запылало его лицо, помню его гневный голос: «Гнусность!»

Слово Шолохова, понимали мы, было тогда особенно важно, и я тут же попросил его написать об изуверстве фашистских захватчиков. Невелика была эта заметка, которую он так и назвал – «Гнусность», но какой внутренней силой она дышала!» (*Ортенберг Д.И. Время не властно... М., 1975. С. 72–73; с разночтениями («заметка» произведена в «статью», и ни слова не сказано про то, что была она «невелика»): То же. [2-е изд.] М., 1979. С. 82–83*).

О художественных достоинствах этой 40-строчной заметки можно судить по одному абзацу:

«Это сделали солдаты гитлеровской армии, о мужестве и благородстве которой распинается фашистское радио. Гнилостным, омерзительным запахом разложения разит от такого «благородства». И невольно думаешь: если уделюте

Однако данный корпус текстов неоднороден: очерк «На пути к фронту» (подобно написанному до визита на фронт очерку «На Дону») ориентирован на «Тихий Дон», а все четыре прочих – нет. Отчего так? Вернемся к самому началу. Уже упомянутый И.М. Котенко рассказывал:

«В конце августа 1941 года к нам, в действующую на Смоленском направлении 19-ю армию, неожиданно прибыли Михаил Шолохов, Александр Фадеев и Евгений Петров. <...> Редакция газеты «К победе» вместе с другими подразделениями штаба армии стояла в то время в лесах восточнее Вадино. <...> Появились они неожиданно, когда мы, расположившись на брезенте, посадили свой военоторговский обед»²⁵. А далее Котенко перечисляет сослуживцев: главного редактора А.В. Бусыгина, ответственного секретаря М.Е. Штительмана, Г.М. Каца, А.П. Оленича-Гнененко. И выясняется, что со всеми ними, включая Котенко, Шолохов отлично знаком – все они из Ростова!

Какая случайность свела в лесу под Смоленском такое количество ростовских литераторов? Никакой загадки тут нет: в 19-ю армию, которую обслуживала газета «К победе», был (приказом Генштаба РККА от 13 мая 1941 года) развернут Северо-Кавказский военный округ. А штаб СКВО находился в Ростове-на-Дону. Потому и армейская редакция была набрана из соотечественников главной ростовской газеты «Молот». По плану, 19-я армия должна была войти во Второй стратегический эшелон и 13 июня начать передислокацию в район, прилегающий к румынской границе. Однако 22 июня все планы были порушены, и армии пришлось спешно занимать позиции уже под Витебском, а затем отступать до Смоленска и за Смоленск²⁶...

Для самого Шолохова встреча с земляками не была неожиданной – он знал к кому едет. Вспоминает Ю.Б. Лукин:

«...Накануне моего возвращения в [4-ю] ополченческую дивизию из Москвы в гостинице «Националь» остановился Шолохов <...> Разумеется[,] я нашел его в гостинице. В тот же день навестили Михаила Александровича двое ростовских писателей-ополченцев, тоже ехавших на фронт. Они ехали из Ростова и узнали, что могут встретить в Москве Шолохова. Это были прозаик Михаил Штительман и поэт Григорий Кац. Так нам достались несколько часов встречи, заполненных донскими песнями и неожиданной радостью свидания. <...> Наутро мы все, простившись у входа в гостиницу, разъехались по своим направлениям»²⁷.

Никакого упоминания о намерении Шолохова посетить Западный фронт... Следовательно, встреча эта состоялась до 23 августа 1941 года – дня выдачи Шолохову командировочного предписания.

И вот он приезжает в редакцию фронтовой газеты и находит там не просто земляков: поэта Григория Каца (1907–1941) он еще в 1933 го-

гитлеровские солдаты, совершившие под Ельней этот позорный поступок, как не стыдно будет им потом смотреть в глаза своим матерям, женам и сестрам?»

Ни «внутренней силы», ни внутреннего чувства – одна дежурная банальность.

ду водил на квартиру Горького – встречаться со Сталиным²⁸; Михаила Штительмана (1911–1941) удостоил теплого письма по случаю выхода книги «Повесть о детстве» (1938), вследствие чего в 1941 году Штительман, заодно с В. Закруткиным и Г. Кацом, приветствовал Шолохова теплой статьей «Наш Шолохов»²⁹ (по случаю присуждения Сталинской премии); Александр Бусыгин (1900–1941) – старый приятель*; даже Илья Котенко (1911–1969) успел в 1934 году, вместе с Сафроновым, Никулиным и Незнамовым, тиснуть в «Литературной газете» отчет «Встреча Шолохова с молодыми писателями»³⁰. Один только Александр Павлович Оленич-Гусененко (1893–1963) ничем своей близости

* Сам Шолохов свою встречу с Бусыгиным описывал так:

«– В 1941 году, в трудные дни отступления, встретился я с Сашей где-то около Вязьмы. Немцы бомбили нас, не давали передыху. Несколько наших редакционных машин стояли в березовой рощице. Тут "он" их нащупал и разбил, раскрошил все машины. А моя уцелела... Я вскочил в нее, и тут подошел ко мне Саша и попросил, чтобы я подвез его до политотдела дивизии. Мы поехали. Немецкие артиллеристы тут же взяли нас в "вилку". Снаряд разорвался сначала впереди, другой позади, ну, думаю, следующий снаряд наш. Гляжу на Бусыгина, а на его лице ни один мускул не дрогнул. Сидит и только подхихикивает да покрхтывает, что было свойственно ему, кричит: "Врешь, не возьмешь, гадюка!" Такой был Саша кучерявый. Проскочили мы простреливаемое место до нужного ему перекрестка. Вылез он из машины, на груди у него автомат. И вдруг вижу: измазанный пылью подбородок его дрожит, а по широкой щеке катится слеза! Это у Саши веселого, никогда не падающего духом, отчаянно храброго Саши <...>! Снял он с подбородка ремешок каски, откинул ее назад и говорит:

– Давай, Миша, попрашаемя!

А голос дрожит, срывается... Обнялись мы, поцеловались, и ушел Саша в свою редакцию. Больше я его не видел. А вскоре узнал: погиб Саша Бусыгин. Вырывался из окружения, отстреливался до последнего патрона...» (цит. по: *Шолохов-Синявский Г. Незабываемое... // Михаил Александрович Шолохов. С. 295*).

Данная история, рассказанная Шолоховым в июне 1951 года, доверия не заслуживает. Это очередной вариант все той же байки о героическом пребывании Шолохова под огнем. Только теперь действие перенесено с дней отступления армий Западного фронта (август 1941 года под Смоленском) – на дни отступления того же фронта в октябре 1941 года. С каковой целью Смоленск заменен на Вязьму («Вязьминский котел»). Художественные средства из самых доступных – в уста Бусыгину вложена предсмертная реплика Чапаева из одноименного кинофильма: «Врешь!.. Не возьмешь!..» (*Васильевы Г. и С. Чапаев // Избранные сценарии советского кино. [Т.] 1. М.: Госкиноиздат, 1949. С. 176*). Вероятнее, впрочем, что, сочиняя данный фрагмент своей военной биографии, Шолохов вдохновлялся 9-минутным роликом «Чапаев с нами» (реж. В.М. Петров, сценарий С.А. Герасимова) из вышедшего на экраны в начале августа 1941 года «Боевого киносборника» № 1. Там ту же сакраментальную фразу («Врешь!.. Не возьмешь!..») произносит неутонувший Чапаев (Борис Бабочкин) перед тем, как повесит своих бойцов в атаку на немецко-фашистских захватчиков.

Шолохову не доказал. Ну, оно и понятно: во-первых, возраст, во-вторых, самомнение – в колчаковском Омске был он (вместе с Феокистом Березовским, Всеволодом Ивановым и Леонидом Мартыновым) вхож в литературный клуб самого экстравагантного сибирского писателя А.С. Сорокина, в 1920 году занял пост зампреда Омского губисполкома, а в 1921-м – редактора журнала «Искусство» (Омск)³¹... Всеволод Иванов посвятил ему рассказ «Партизаны», да и вообще Оленич-Гнененко был человеком странным: переводил Льюиса Кэрролла («Алиса в Стране Чудес» [Ростов-на-Дону, 1940]), Эдгара По («Аннабель-Ли», 1946)...

С литературной точки зрения перечисленные шолоховские очерки (за исключением «На пути к фронту», подогнанного под «Тихий Дон») не содержат ни единой характерной черты. Иными словами, не будь под ними подписи «М. Шолохов», установить их авторство вообще не представлялось бы возможным.

Странное дело – стоило Шолохову несколько августовских дней пробыть в обществе ростовских литературных знакомцев, как из-под его пера выпорхнуло сразу пять фронтовых очерков. А стоило Бусыгину, Штительману и Кацу в начале октября 41-го года погибнуть, так фронтовых очерков за подписью Шолохова не стало вовсе!

И еще одна заслуживающая внимания деталь – 1 марта 1973 года Шолохов отправил письмо главному редактору журнала «Огонек» Анатолию Сидоронову. Ныне оно существует в двух печатных версиях: первая – это публикации В. Петелина в романе-журнале «XXI век: Путеводитель русской литературы» (2000, № 5, с. 91) и в сборнике «Михаил Шолохов. Письма. 1924–1984. Жизнеописание в документах» (М.: Сов. писатель, 2003. С. 514), а вторая – в «Собрании сочинений» М.А. Шолохова (М., 2001–2002. Т. 9. С. 233–234) и сборнике «Письма» (М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 419).

Публикаторы второй версии уличают В. Петелина в текстологической некорректности – «пропусках и искажениях отдельных слов»³². И действительно, в петелинской версии отсутствует обращение: «Дорогой Толя!», а во фразе «Убери очерк Корсунова и еще кое-что по мелочам» – вместо «Корсунова» стоит: «Котенко»!

Если первая конъектура представляется бесспорной, то вторая вызывает вопросы. Дело в том, что сборник «Слово о Шолохове» (М.: Правда, 1973), о подготовке которого идет речь в письме, по составу практически идентичен сборнику «Михаил Александрович Шолохов» (М.: Правда, 1966). И в сборнике 1966 года был помещен очерк И.М. Котенко «На главном направлении», которого мы как раз не находим в сборнике «Слово о Шолохове». Разумно поэтому заключить, что в шолоховском письме речь шла именно об очерке Ильи Котенко, а не о каком-то сочинении Николая Корсунова, начавшего печатно изъясняться в любви к Шолохову лишь с конца 80-х годов.

И тогда желание Шолохова избавиться от рассказа Котенко с его слишком точными указаниями на людей и обстоятельства представляется в высшей степени примечательным.

Гипотезе о том, что шолоховские корреспонденции с Западного фронта принадлежат перу сотрудников газеты «К победе», противоречит как будто тот факт, что первый очерк Шолохов сдал в Совинформбюро лишь 17 сентября – через две недели после возвращения в Москву. Если в распоряжении Шолохова уже имелись готовые очерки – какой смысл тянуть с их сдачей?! Но именно первый очерк – «На пути к фронту» – и обнаруживает ориентацию на «Тихий Дон». Другие же два очерка, стилистически безликие, служат продолжением первого. Так что, пока не был основательно переработан очерк «На пути к фронту» (о его первоначальном облике свидетельствует первый абзац), Шолохов не мог представить в Совинформбюро и два остальных.

ТРЕТИЙ РОМАН

Глава 1

СТАЛИН ДАЛ ПРИКАЗ...

История третьего шолоховского романа темна и невразумительна. Более того, в последние годы было высказано мнение, что известные нам печатные фрагменты вообще не относятся к роману «Они сражались за Родину»...

С таким заявлением выступил бывший литературный секретарь Шолохова Федор Шахмагонов. Опирается он на слова самого писателя, сказанные, как можно понять из контекста воспоминаний, еще при жизни И.В. Сталина:

« -<...> "Они сражались за Родину" вовсе не роман, а фронтовая повесть...

И Михаил Александрович рассказал, каким образом фронтовая повесть превратилась молвой в роман»¹...

Сразу же прервем мемуариста: не надо пенять на молву – сноской «Главы из романа» снабжена публикация уже самого первого отрывка из произведения «Они сражались за Родину»²...

Но продолжим слушание показаний Шахмагонова:

«<...> Некоторое время спустя после окончания войны в журнале "Знамя" была опубликована статья американского литературного критика. В ней он рассуждал о возможности появления всеохватывающей эпопеи в жанре романа о Второй мировой войне. В своих рассуждениях, сравнивая характер дарования Хемингуэя, Драйзера, Ремарка и Шолохова, он пришел к выводу, что создание такого масштаба произведений можно ожидать только от автора "Тихого Дона".

Сталин пригласил к себе Шолохова. Принимал его в присутствии Г.М. Маленкова. Они дали прочитать Михаилу Александровичу статью, и Сталин сказал, что ждет от него именно такого всеохватывающего романа о войне. Сталин даже добавил, что если в романе прозвучат мотивы пацифизма, это простится.

Михаил Александрович сослался на то, что он еще не окончил повесть "Они сражались за Родину".

– Пусть эта повесть войдет главами в большой роман.

«<...> Так родилось обещание Шолохова создать роман-эпопею "Они сражались за Родину" в трех книгах. Правда, он нигде не разъяснял, что главы повести войдут в этот роман, хотя и пытался как-то их привязать к этой грандиозной задаче»³.

Утверждение в последней фразе снова вызывает возражения, поскольку «разъяснял» – в частности Исааку Араличеву в 1947 году: «Опубликованные главы романа – из середины»⁴.

Кроме того, рассказ Шахмагонова входит в противоречие с версией ростовчанина Владлена Котовскова, также опирающегося на слова Шолохова:

«Мне не раз приходилось слышать рассказ Михаила Александровича о том, с чего начинался его военный роман. В июне 1967 года во время вешенской беседы Шолохова с молодыми писателями стран социализма я записал этот рассказ и теперь, дополняя ранее или позднее слышанными деталями, воспроизведу его:

"Когда и как я начал писать роман 'Они сражались за Родину'? На фронте, в сорок втором году. Однажды я задержался в Москве после контузии, и меня пригласил к себе на квартиру в Кремль Сталин. Были там члены Политбюро. Состоялся разговор. Сталин похвалил 'Науку ненависти'. <...>

Сталин начал раскуривать трубку и спросил:

– Когда вышел роман Ремарка 'На Западном фронте без перемен'?

– В русском переводе в 1929 году.

– Поздно. Через десять лет после войны. Роман о нынешней войне надо писать сейчас.

Ремарк – это буржуазный писатель, а вы – советский писатель, коммунист. К тому же нынешняя война является для нас освободительной, народной, священной – Отечественной войной.

Я заикнулся было, что Лев Толстой взялся за роман 'Война и мир' через пятьдесят лет после разгрома Наполеона в Отечественной войне, но Сталин прореагировал на это так:

– Ремарк, конечно, далеко не Толстой, но откликнулся на события войны быстрее. – Пыхнув трубкой. Сталин продолжал: – Положение на фронтах, несмотря на разгром немцев под Москвой, остается тяжелым. В какой-то момент, когда Гитлер бросит ва-банк все свои силы, положение может стать даже критическим. Но мы выдюжим. Я верю в наш народ. Будет и на нашей улице праздник. Так что пишите роман.

– Трудно во фронтовых условиях.

– А вы попробуйте.

Вот я и пробую с сорок второго года...»⁵

Последний рассказ Шолохова, конечно, более всего напоминает повесть шестидесятилетних анекдотов о Сталине («А вы попробуйте... Как говорит Лаврентий Павлович, попытка – не пытка...») с Приказом народного комиссара обороны № 345 от 7 ноября 1942 года («Товарищи! Враг уже испытал однажды силу ударов Красной Армии под Ростовом, под Москвой, под Тихвином. Недалек тот день, когда враг узнает силу новых ударов Красной Армии. Будет и на нашей улице праздник!»⁶).

Тем не менее – и несмотря на анахронизмы (летом 1942 года Сталин цитирует свой приказ, отданный только в ноябре), – версия Котовскова представляется вполне логичной: в 1942 году Сталин поручает Шолохову написать роман, а в 1943-м – публикуются первые главы... Но наше внимание привлекают задействованные литературные имена: Ремарк и Лев Толстой. Если верить Шолохову, беседующему с молодыми писателями из соцстран, имена эти были у Сталина на слуху... Относительно Льва Толстого это звучит правдоподобно, но вот – Ремарк...

Потому гораздо убедительней в этой части может показаться рассказ Шамагонова: сопряжение Шолохова с Ремарком и Толстым было подсказано Сталину статьей, опубликованной в «Знамени». Автором ее был американский критик Стенли Эдгар Хаймен, а называлась она вполне в духе сталинских амбиций «Новая "Война и мир"»⁷. Конечно, выполнять повеление владыки полумира куда почетней, чем действовать по указке заокеанского щелконера... Вот и приходится подправлять антураж: война, Кремль, Политбюро столпилось у стола... Великий полководец, зорко глядя в грядущее, прикидывает, что народу и армии нужнее в данный решающий момент: обеспечить успех летней кампании 1942 года или Шолохову – условия для написания романа?

Вот так, легко и безмятежно, творил Шолохов легенду своей жизни, ту легенду, в которой Вождь разговаривал с ним на равных!

Впрочем бывало, что Шолохов от Сталина и открещивался. Например Виктору Петелину запомнилось:

«Записки так и сыпались. <...> На каждый вопрос Шолохов отвечал коротко и ясно. Вопросы, вопросы, вопросы...

– <...> Вот в этой записке утверждается, что я пишу роман "Они сражались за Родину" по указу Сталина. Это не соответствует действительности. Ничего мне Сталин не говорил и не советовал. Сталин говорил, что надо писать о войне. Говорил он это многим. Сталин действительно вызвал меня в 1951 году и спросил, когда был опубликован роман Ремарка "На Западном фронте без перемен". Я по памяти сказал. Сталин сказал, что писать надо о войне сейчас, а не ждать, как Ремарк, восемь лет»⁸.

Записки бросали Шолохову слушатели Академии бронетанковых войск. С чего это вдруг задушевные беседы со Сталиным оказались не ко двору? А с того, что у танкистов-академиков Шолохов гостил 21 февраля 1956 года – на следующий день после произнесения речи на XX съезде КПСС... И вот одно вранье сменяется другим с той же неприужденностью, что и даты – 1945... 1942... 1951...

Что же там было на самом деле?

Вот Шолохов пересказывает Шамагонову разговор со Сталиным в 1945 году..

А это письмо Шолохова Сталину от 29 июля 1947 года:

«Я не видел Вас пять лет <...>⁹...

Значит, не было никакой встречи в 1945-м и никакого разговора о статье критика-американца в «Знамени»!..

Нет никаких следов общения Шолохова со Сталиным и после 1947 года. Правда, в январе 1950 года Шолохов отправил Сталину письмо... – было дело. Но и тогда никакого ответа не получил.

Остается последняя возможность – 1942 год.

Дневник Федора Степановича Князева (1905–1960), в годы войны военного прокурора:

«Получил задание и выехал через В[ешенскую] в К[умылженскую]. Заехал к Мих[аилу] Ал[ександровичу]. Радужная встреча, он с семьей на Дон приехал отдохнуть. <...>

Приезд на отдых в Вешки был необдуманным шагом, да и самый отпуск произошел при странных обстоятельствах, да еще в военное время. <...>

В первых числах июля (1942 года. – Б.-С.) вызвали Ш[олохова] в Москву, и хозяин (И.В. Сталин. – Б.-С.) потребовал организовать отдых, предлагал осмотреть в Кремлевке и направить по заключению врачей. Советовал в Грузию, но Ш[олохов] шутя сказал: «Что же там делать, вина много, а врачи пить не велят, но вряд ли выдержишь». Поехал в Вешки. Провожать собрались: хозяин, Мол[отов], Вор[ошилов], Бер[ия], Маленков, Щербаков. Маленький, военного времени банкет. Хозяин спрашивал мнение Шол[охова] о некоторых писателях, и когда он сказал, что Фадеев неважный писатель, то хоз[яин] поправил: «Никчемный писатель и разложившийся, литература любит тружеников. Хороших писат[елей] надо беречь. 'Война и мир' Толстого появилась значительно позже событий, надо Вам подумать и начать работать не торопясь над событиями Отеч[ественной] войны. У Вас это выйдет»¹⁰.

Один эпизод в этом рассказе производит весьма правдоподобное впечатление – слова Сталина о Фадееве: «Никчемный писатель и разложившийся». Сходная оценка содержалась и в постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) «О т. Фадееве А.А.» (пункт 26 г) от 21 сентября 1941 года:

«<...> Комиссия Партийного Контроля рассмотрела дело о секретаре Союза Советских Писателей и члене ЦК ВКП(б) т. Фадееве А.А. и установила, что т. Фадеев, приехав из командировки с фронта, получив поручение от Информбюро, не выполнил его и в течение семи дней пьянствовал, не выходя на работу, скрывая свое местонахождение. При выяснении установлено, что попойка происходила на квартире артист-

ки Булгаковой*. Как оказалось, это не единственный факт, когда т. Фадеев по несколько дней подряд пьянствовал. Аналогичный факт имел место в конце июля текущего года. <...>

Считая поведение т. Фадеева А.А. недостойным члена ВКП(б) и особенно члена ЦК ВКП(б), объявить ему выговор и предупредить, что если он и впредь будет продолжать вести себя недостойным образом, то в отношении его будет поставлен вопрос о более серьезном партийном взыскании»¹¹.

Видимо, благодаря Фадееву и всплыла в разговоре тема пьянства.

А 15 июля 1942 года из тылового Николаевска шлет Шолохов письмо Г.М. Маленкову:

«Плохо получилось у меня с отпуском. Вместе с семьей 6/VII приехал я в свою Вешенскую, а 8-го утром налетели немцы, первый раз – 4 самолета, второй раз – 12. <...> 9-го я вернулся один попрощаться с матерью, похоронить ее. <...>

Очень горько и тяжело у меня на душе после смерти матери. <...> Как она <...> радовалась и плакала, когда я рассказал ей о последнем пребывании у т. Сталина. Она благословляла т. Сталина и Вас, т. Маленков <...>»¹².

Итак, в 1942 году Шолохов действительно встречался со Сталиным, и на встрече той присутствовал Маленков.

С какой же целью последние 40 лет жизни Шолохов запутывал столь незамысловатое дело?

И какая-то малопонятная путаница. Например Валентину Осипову Шолохов говорил, что встреч со Сталиным в 1942 году было две.

Первая: «...весною 1942 года – в мае, в канун дня рождения писателя. Пригласил вместе поужинать. С чего бы это? <...> Узнал, что Шолохов получил контузию, и вот проявляет заботу? Он действительно предложил лечиться в Грузии. Но для этого не нужно было терять столь драгоценное в войну время, чтобы встречаться. Шолохов понял, зачем приглашен, только к концу застолья. Наставления вождя прозвучали так:

– Идет война. Тяжелая. Тяжелейшая. Кто о ней после победы ярко напишет? Достоинно, как в “Тихом Доне”... Храбрые люди изображены – и Мелехов, и Подтелков, и еще многие красные и белые. А таких, как Суворов и Кутузов, нет. Войны же, товарищ писатель, выигрываются именно такими великими полководцами. В день Ваших именин мне хотелось пожелать Вам крепкого здоровья на многие годы и много талантливому, всеохватному роману, в котором бы правдиво и ярко, как в “Тихом Доне”, были изображены и герои-солдаты и гениальные полководцы, участники страшной войны...»¹³.

А вот вторая встреча:

«– Вызвали меня в Москву. Сказали: “Прими участие во встрече группы советских писателей с иностранцами. Очень важно рассказать им о том, как у нас...” <...> В гостинице привел себя в порядок, переделал и в ВОКС (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. –

* Е.С. Булгакова – вдова М.А. Булгакова, артисткой не была.

Б.-С.). <...> взошел в зальчик, смотрю – за столиком один мой недруг-писатель... Сидит в коверкотовом костюме. А на столике бутылки с крушоном и фрукты... Он обо мне слух пустил, будто я оставил семью под немцем и сам к ним собираюсь. Так мне рассказали. Ну что – я ему все и выложил: "Эх, говорю, ты и..." По-русски! Напрямую. И ушел – не остался. Вернулся в гостиницу, позвал кое-кого из знакомых писателей – выпили. С обиды... Утром стал собираться в редакцию, да телефон зазвонил: Поскребышев. Говорит лежанным тоном: "Вас Сам ждет. Чтой-то вы там вчера натворили?!" <...> Час пробил – он мне дверь открыл. Вхожу. Вижу – Сталин у стола. Стоит. Руки не подает. Глаза безразличные. Молчит. Смотрел, смотрел на меня, потом произносит: "Где ваша семья, товарищ Шолохов?" Только я стал отвечать – входит генерал и подает ему какой-то листик. Сталин прочитал, листик вернул, генерала отослал – посмотрел на меня и произнес: "Впрочем, теперь мы знаем, где ваша семья. Вы правильно сделали, что эвакуировали ее. Мы попросим товарищей из Казахстана присмотреть за вашей семьей..." Снова спросил – на этот раз мягко: "В чьем распоряжении вы находитесь?" Ответил.

Он тогда: "Ну, товарищ Шолохов, идите. И берегите себя. Вы нужны партии. Вы нужны народу!" Вышел я. Пересекаю приемную. Обернулся к Поскребышеву – кукиш ему свернул: "Накося – выкуси!"¹⁴.

«За что допрос? – негодует Осипов. – Разве нельзя было без вызова, без нервотрепки затребовать сведений об отъезде семьи? Знать, въелась в кровь привычка. Не смог обойтись без поистине дьявольского наигрыша: дернул удилами-железами и отпустил – с заботой, но с умыслом. Мол, не забывайся...»¹⁵.

Сталин, конечно, – тиран. Но и поведение Шолохова, особенно финальный жест, – тоже не ахти!.. Обычная пьяная дурь.

Но с Шолоховым беседовал не только Валентин Осипов...

«Вспоминаю его рассказ, в котором, возможно, есть некоторые пропуски, недомолвки, связанные с тем, что слышал я его более двадцати лет назад. Михаил Александрович рассказывал, что с передовой Западного фронта он приехал в редакцию "Красной звезды", отдал подготовленный материал и вдруг получил приглашение в ВОКС <...>».

"Я, – говорил он, – еще подумал: идти или не идти? Одежда – гимнастерка, галифе помятые, подмасленные, фронтовые. Да и обещал возвратиться (на фронт. – Б.-С.) поскорее. Но воксовцы звонили, настаивали: 'Важная встреча! Нам присылают американскую помощь!' Ладно! Пришел в Дом ВОКСа. Все толпятся вокруг кресла, на котором восседает невзрачный, похожий на скворца человек. Подбегают и ведут к креслу. Представляют по-английски:

– Это наш всемирно известный русский писатель Шолохов!

А он, сидя в кресле, небрежно протягивает мне руку. Разобрало. Я как крикну:

– Встать!

Он вскочил, обе руки протянул. Оказалось, в прошлом из Одессы. Нагайку казачью помнит. Пригласили за стол. Провозгласили тост. Гость на меня с опаской косится, а Илья Эренбург ему рассказывает: в

Калуге его поразило, что в центре города повесили еврейскую девочку. Я даже по столу пристукнул:

— А тебя, Илья, не поразило, что во рвах на улицах тысячи русских убитых лежали?!

С досады хлопнул полстакана водки и вышел. Кто-то за мной побежал, кто-то просил возвратиться, но я отмахнулся.

Пришел в гостиницу и думаю: сейчас уехать на фронт или утром? Решил — утром. А утром — стук в дверь. Открываю... Два капитана с голубыми петлицами:

— Товарищ Шолохов?

— Да...

— Пройдемте...

<...> Выхожу, сажусь в машину. Те рядом, с двух сторон. Едем от гостиницы 'Москва'. <...> Повернули направо, еще раз направо, проехали через Спасскую башню в Кремль. Провели меня по коридорам, заводят в кабинет и исчезают. За столом Поскребышев, помощник Сталина. Молчит, и я промолчал, сел. Смотрю на галифе, а они замаслены над коленками. Тушенку в землянке поешь, а руки потом положишь на колени... Пятна получаются.

Звонок. Поскребышев зашел. Через минуту выходит, распахивает дверь, показывает рукой — заходи. Зловеще шепчет: 'На этот раз тебе, Михаил, не отвертеться'. <...> Дверь за мной аккуратно так закрылась.

У окна спиной ко мне стоит Сталин, курит трубку. Молчит. Проходит минута, вторая. Затем тихое покашливание и из дыма трубки жесткий голос с характерным акцентом:

— Товарищ Шолохов, гаварят, вы стали больше пить?

У меня что-то мелькнуло в голове, не объясняться же, я и ответил:

— Больше кого, товарищ Сталин?

Трубка у него все закубила, он запыхал ею, запыхал, головой покачал и, отойдя от окна, с легкой улыбкой пригласил сесть. Прошелся вдоль стола и спросил:

— Скажите, когда Ремарк написал 'На Западном фронте без перемен'?

— Кажется, в 28-м, товарищ Сталин.

— Мы не можем ждать столько лет, товарищ Шолохов. Нам нужна книга о тех, кто сейчас сражается за Родину.

А я уже о такой книге думал... Еще мы говорили о солдатах, о генералах, о женщинах, о жертвах...

Когда вышел, Поскребышеву под нос кукиш сунул:

— Hal'» 16

Автор данного мемуара — В.Н. Ганичев, председатель правления Союза писателей России. Совпадений с осиповской версией (вплоть до эффектной концовки) так много, что речь скорее должна идти не о двух версиях одного события, поведанных разным людям, но о двух версиях одного расказа (на пару с Осиповым Ганичев бывал у Шолохова в Вешенской, по меньшей мере, дважды: 20 мая 1977 года и 3–4 июля 1983-го¹⁷).

А теперь разберемся с различиями. Согласно Ганичеву Шолохов прибыл в Москву с Западного фронта, занес написанный материал в

«Красную звезду» и отправился в ВОКС. Самые поздние шолоховские корреспонденции с Западного фронта, отвергнутые «Красной звездой», поступили в Совинформбюро не позднее 22 сентября 1941 года. А вот о повешенной в Калуге еврейской девочке разговор мог зайти никак не раньше вступления в город Красной армии, т. е. 30 декабря 1941 года¹⁸. Стремление Шолохова свести всю войну к единственному своему фронтовому эпизоду понятно. Понятны и те операции, которые произвел над шолоховским рассказом В.О. Осипов: заставил перемазанного тушкой Шолохова переодеться в чистое, не упоминать про Западный фронт и ограничиться стычкой с Эренбургом. Но важнее всего то, что Валентин Осипов сумел пробиться сквозь заносы лжи и понять – речь идет о 1942 году и второй встрече со Сталиным*.

* Имеется и третья версия рассказа. Ее внес в свой дневник В.А. Чивилихин (1928–1984). Пошли слухи, что Шолохов намеренно тянет с эвакуацией семьи, чтобы самому перебежать к немцам. «Я, – рассказывал Шолохов, – попросил проверить откуда идет слух, – точно установил – от Ильи Григорьевича Эренбурга. И вот, в очередной мой приезд – звонок. Приглашают на какое-то заседание, не то борцов за мир, не то комитета антифашистов. Прихожу и вижу во главе стола – Илью Григорьевича, а вокруг него пятнадцать евреев. А я в военной, не очень свежей, форме, с пистолетом, в сапогах. И вижу, сидит ближе всех ко мне, качается в качалке американский еврей Леонид Первомайский, протягивает мне качающуюся руку и говорит: «Здравствуйте, Михаил Александрович!» Я как заорю на него: «Встань, сволочь!» Он вскочил – и за спину Ильи Григорьевича. А тот суровым голосом обращается ко мне: «Надеюсь, мы находимся в интеллигентном обществе, и я прошу вас, Михаил Александрович». – «А идите вы все... Борцы за мир! Я же один среди вас русский». Хлопнул дверью и ушел» (*Чивилихин В.* Надежда на будущее: Избранные страницы дневников и писем // Молодая гвардия. 1991. № 10. С. 180–181).

Все смешалось в голове рассказчика: заседание какого-то комитета (Еврейского Антифашистского, надо полагать) он принял за послевоенное собрание в Советском Комитете защиты мира (отсюда гневный возглас: «Борцы за мир!»), украинского поэта и участника обороны Кисва майора Леонида Первомайского (Илью Шлемовича Гуревича) – за американца, и, самое главное, 1942 год – за 1948-й: в 1942 году за такие слова очень свободно били морду (может, кстати, и набили – с какой иной обиды пришлось Шолохову напиваться с приятелями в гостинице?).

Четвертая версия события (опять же со слов Шолохова) представлена Ф.Ф. Шахмагоновым. На сей раз действие отнесено к зиме 1942 года, проницательный Шолохов опознает в главе американской делегации еврея, по еврейскому же вопросу вспыхивает и скандал... Дальше все, как обычно: звонок Поскребышева, угрозы... Но конец иной: вместо встречи со Сталиным – второй звонок Поскребышева: «– Хозяин просил тебе передать: правильно сделал, что ушел» (*Шахмагонов Ф.Ф.* Бремя «Тихого Дона». С. 115–117).

Вероятно, именно об этом эпизоде (ошибаясь в датировке) И.Г. Эренбург и рассказывал Раисе Орловой в 1957 году:

«Мы с ним (Шолоховым. – Б.-С.) встретились в 1943 году, и он сказал мне: ты воюешь, а Абрам в Ташкенте торгует. Я вспылил, крикнул ему – не хо-

Пришло время задать главный вопрос: о чем написан роман «Они сражались за Родину»?

Обратимся к тексту:

«— Я в утешениях не нуждаюсь, дурень, и ты красноречия не трать понапрасну, а лучше скажи, когда же, по-твоему, мы научимся воевать? Когда в Сибири будем? — сказал Николай [Стрельцов].

— В Си-би-ри? — протяжно переспросил Лопехин, часто моргая светлыми глазами. — Нет, дорогой мистер, в эту школу далеко нам ходить учиться! Вот тут научимся, вот в этих самых степях, понятно? А Сибирь давай временно вычеркнем из географии. Вчера мне Сашка — мой второй номер — говорит:

«Дойдем до Урала, а там в горах мы с немцем скоро управимся». А я ему говорю: «Если ты, земляная жаба, еще раз мне про Урал скажешь, — бронебойной патрона не пожалею, сыму сейчас свой мушкет и прямой наводкой глупую твою бабку так и собью с плеч!»¹⁹

Сравним:

«Некоторые неумные люди на фронте утешают себя разговорами о том, что мы можем и дальше отступать на восток, так как у нас много территории, много земли, много населения и что хлеба у нас всегда будет в избытке. Этим они хотят оправдать свое позорное поведение на фронтах. Но такие разговоры являются насквозь фальшивыми и лживыми, выгодными лишь нашим врагам.

<...> надо в корне пресекать разговоры о том, что мы имеем возможность без конца отступать, что у нас много территории, страна наша велика и богата».

Откуда это? Из Приказа № 227 Народного Комиссара Оборона СССР товарища Сталина. Того самого, знаменитого — «Ни шагу назад!». Отдан был приказ 28 июля 1942 года²⁰.

Читаем «главы из романа»:

«— <...> Войдите лучше, сукины сыны! <...> А если не умеете — не обижайтесь, что <...> жители на вас неласково смотрят.

Чего ради они будут нас с хлебом-солью встречать? Говори спасибо, что хоть в глаза не плюют, и то хорошо»²¹;

«Старуха нахмурилась и грубым, почти мужским по силе голосом сказала:

— Соли вам? Мне вам кизяка вот этого поганого жалко дать, не то что соли!

Лопехин ошалело поморгал глазами, спросил:

— За что же такая немилость к нам?

— А ты не знаешь, за что? — сурово спросила старуха. — Бесстыжие твои глаза! Куда идете? За Дон поспешаете? А воевать кто за вас будет? <...> Третьи сутки через хутор войско идет, нагляделись на вас вволюшку! А народ на кого бросаете? Ни стыда у вас, ни совести, у проклятых, нету! Когда это бывало, чтобы супротивник до наших мест доходил?

чу сидеть за одним столом с погромщиком» (Орлова Р. Воспоминания о непростом времени. Ann-Arbor: Ardis, 1983. С. 209).

<...> Соли вам захотелось? Чтоб вас на том свете солили да не пересаливали! Не дам! Ступай отсюдова!»²²

Сравним с приказом Сталина:

«Население нашей страны, с любовью и уважением относящееся к Красной Армии, начинает разочаровываться в ней, теряет веру в Красную Армию, а многие из них проклинают Красную Армию за то, что она отдает наш народ под ярмо немецких угнетателей, а сама утекает на восток».

И снова – «главы»:

«– <...> Бьют нас? Значит, поделом бьют. Войтите лучше, сукины сыны! Цепляйтесь за каждую кочку на своей земле <...>»²².

А вот приказ № 227:

«Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской земли и отстаивать его до последней возможности».

Персонаж «глав из романа» задает вопрос:

«Вот ты <...> объясни мне: почему немец сядет в какой-нибудь деревушке, и деревушка-то с чирий величиной, а выковыриваешь его оттуда с великим трудом, а мы иной раз города почти без боя сдаем, мелкой рысью уходим...»²².

Ответ в приказе Сталина:

«Каждый новый клочок оставленной нами территории будет всемерно усиливать врага и всемерно ослаблять нашу оборону, нашу Родину. <...>

Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов, Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа из Москвы, покрыв свои знамена позором»...

Все приведенные шолоховские цитаты входят в первый блок «глав из романа», опубликованный в «Правде» 5–8 мая 1943 года. И, как нетрудно заметить, блок этот ориентирован на сталинский приказ № 227*, является его, так сказать, художественной иллюстрацией.

* Без труда выявляется и текст, на который оглядывался сам Сталин:

«<...> надо в корне пресекать разговоры о том, что <...> страна наша велика и богата <...>»

«Чего же у нас не хватает? Не хватает порядка и дисциплины <...>»

«Не следует ли нам поучиться в этом деле у наших врагов, как учились в прошлом наши предки <...>».

Источник – «Повесть временных лет» в пересказе Иловайского, если вообще не Алексей Константинович Толстой:

...Земля наша богата,
Порядка в ней лишь нет.

И эту правду, детки,
За тысячу уж лет
Смекнули нации предки:
Порядка-де, вишь, нет. <...>

Первый секретарь Вешенского райкома ВКП(б) П.К. Луговой о встрече Шолохова со Сталиным сообщал следующее:

«В Вешенскую Шолохов вернулся в двадцатых числах мая 1942 года. Он рассказывал мне, что перед отъездом был у Сталина. Сталин сказал, что положение на фронтах стабилизировано и что советское командование накапливает силы для мощных ударов по немцам. Но не прошло и недели, как под Харьковом немцы нанесли серьезное поражение Юго-Западному фронту. Они прорвали нашу линию обороны и начали крупнейшее наступление на Сталинград и Кавказ. 8 и 9 июня фашистские самолеты бомбили Вешенскую. Шолохову пришлось вновь заботиться о безопасности близких»²³.

У Лугового даты бомбардировок Вешенской сдвинуты на месяц назад – с июля на июнь. Логично предположить, что и Шолохов прибыл в станицу не в 20-х числах мая, а в 20-х числах июня (да и Шолохов, рассказывая в присутствии В. Котовского о встрече со Сталиным, упоминал, что вождь похвалил его за «Науку ненависти», опубликованную в первую годовщину войны – 22 июня 1942 года).

Принимая Шолохова в конце июня, Сталин был настроен весьма оптимистично и вполне мог посоветовать Шолохову «начать работать не торопясь над событиями Отеч[ественной] войны»²⁴.

А начало июля все карты спутало – над Советским Союзом вновь нависла угроза военной катастрофы.

И тогда Сталин снова призывает к себе Шолохова. Время не терпит, и Верховный Главнокомандующий требует срочно представить нечто художественное, но короткое. Для профессионала – это трудно.

(Отсюда и идут, очевидно, все шолоховские разговоры о том, что вначале он-де писал повесть, а Сталин требовал романа. Ситуация, судя по всему, была прямо противоположной. А что касается перебора имен (Толстой, Ремарк), то это, по-видимому, отголосок попыток Шолохова увильнуть от выполнения задания – Шолохов апеллирует к полувековому промежутку, отделяющему Отечественную войну от «Войны и мира», а Сталин, как пример быстрого реагирования, приводит Ремарка...).

Кроме Шолохова был вызван и Александр Корнейчук. Судя по журналу записи лиц, принятых Сталиным в кремлевском кабинете, первый визит драматурга состоялся 24 июля 1942 года, второй – 20 августа²⁵. А 24 августа в газете «Правда» появился первый акт пьесы «Фронт», и уже 27 августа публикация была завершена. Сюжет пьесы – борьба военного руководителя нового (сталинского) типа Огнева с оставшим от новейших стратегических веяний командующим фронта Горловым. Фамилии – говорящие: один – весь огонь и горенье, второй – горлопан и герой гражданской войны. Вот из-за них, не владеющих ис-

<...> Ведь немцы тароваты,
Им ведом мрак и свет,
Земля ж у нас богата,
Порядка в ней лишь нет.

кусством современной войны, героическая Красная армия и терпит поражения!»*

Конец пьесы Сталин написал лично: у Корнейчука Огнев отказывался выполнить гибельный приказ Горлова; у Сталина – из Москвы (т. е. от Сталина) приходит шифровка, извещающая о снятии Горлова и назначении Огнева новым командующим фронта. Прием классический: «*deus ex machina*» (шифровка передана по аппарату ВЧ)²⁶.

Вот с этими людьми, такими как Огнев и Корнейчук, товарищ Сталин хотел работать: дал задание, через месяц – готовый результат. А Шолохов спустя девять месяцев родил меньше двух печатных листов. И Сталин с ним больше не встречался. Никогда. И писем его не читал. И на «главы из романа» никак не откликнулся – кому нужен лежалый товар! Русский народ метко подметил: дорого яичко к Христову дню.

А поскольку ужас военной катастрофы миновал, Шолохову написанное пришлось еще и переделывать. Первоначальная идея художественного полотна «Они сражались за Родину» не отличалась, судя по всему, от идеи пьесы «Фронт». Каковая идея была сформулирована Сталиным – у Корнейчука хранился листок бумаги, на котором Верховный красным карандашом написал, что автор пьесы «Фронт» совершенно прав, считая, что солдаты не могут быть виновны в поражениях, виновных надо искать среди полководцев²⁷. А в 1943-м – после Сталинграда! – вешать на полководцев всех собак Сталину уже нужды не было... Оттого в полку, выведенном Шолоховым на газетные полосы, самым старшим офицером оказывается капитан, затем лейтенант, а потом – и вовсе ни одного. Отдуться за всех приходится бронебойщику Лопахину.

«– Как же генералы без нас могут сражения выигрывать, чудак? А потом попробуй выиграть сражение с такими бойцами, как мой Сашка. Он еще до Дона не дошел, а на Урал уже оглядывается. <...> Генералы самые несчастные люди на войне. <...> Ночи напролет просиживает генерал со своим начальником штаба, готовит наступление, не ест, не спит, <...> все ему надо предусмотреть, все предугадать... И вот двигает он полки в наступление, а наступление-то и проваливается с треском. Почему? <...> Он, допустим, понадеялся на Петьку Лопахина, как на родного отца, а Петька сдрейфил и побежал, а за ним и Колька Стрельцов, а за Стрельцовым и другие такие же хлюсты. Вот тебе и кончен бал!»²⁸

Генералы реабилитированы**, и последние остатки смысла ушли, как яйцо в кипятке.

* О шоковом впечатлении, которое произвел на общество новый антигенеральский курс Сталина, можно судить хотя бы по тому, что спектакль по пьесе «Фронт» был поставлен в оккупированном немцами Киеве. Спектакль киевского Театра русской драмы назывался «Так они воюют», а роль Горлова исполнил Всеволод Блюменталь-Тамарин (см.: Макаркин А. Русские, обманувшие себя // Совершенно секретно. 2003. 3 июня. С. 25).

** Вот еще образец поновленного текста (монолог Лопахина):

«В прошлые времена, доложу я тебе, были такие случаи: командир глуп, как бутылочная пробка, но по характеру человек отважный, напористый, на горло ближнему своему умеет наступить, кое-что в военном деле смыслит,

А Шолохову еще предстояло до конца дней скрывать, какое такое задание дал ему Сталин в июле 1942 года и почему он этого задания не выполнил. И проговариваться (в грязновской байке о приказе № 227; в рассказе В.О. Осипову о второй встрече со Сталиным: «...мы говорили о солдатах, о генералах, о женщинах, о жертвах...»), и снова путать следы.

ну и, конечно, грудь у него, как у старого воробья, колесом, усы в струнку, голос для команды зычный, матерными словами он, браток, владеет в совершенстве, словом, орел-командир, и больше ничего не скажешь. Но в войне на одной бравой выправке далеко не уедешь, ты согласен с этим?» (Правда. 1943. 4 нояб.; Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 7. С. 85).

Для характеристики «орла-командира» использован образ 12-летней давности – из очерка «По правобережью Дона» (Правда. 1931. 25 мая; Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 8. С. 199):

«В нем целехонькой сохранилась ворошиловская закалка: он расчетлив, напорист, строг к себе и людям, умеет, когда надо, наступить на горло».

Из данной цитаты ясно, что нынче пришлось не ко двору – «ворошиловская закалка» (см. постановление ЦК ВКП(б) от 1 апреля 1942 года «О работе т. Ворошилова»: «<...> ЦК ВКП(б) постановляет: Первое. Признать, что товарищ Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте. Второе. Направить товарища Ворошилова на тыловую военную работу» (Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия: Политический портрет И.В. Сталина. М.: АПН, 1989. Кн. 2, ч. 1. С. 274–275).

Изменившаяся ситуация весны 43-го заставила перенести описанного командира «в прошедшие времена», хотя действие фрагмента относится как раз к моменту издания приказа № 227 – июлю 1942 года.

Новые веяния диктуют и иной – не репрессивный – рецепт выхода из положения:

«← Вот в таком случае и дают командиру умного начальника штаба. Глядишь, куда лучше дела у нашего орла-командира пошли! Высшее начальство им довольно, авторитет этого командира растет будто на дрожжах, все командира прославляют, все о нем говорят, а начальник штаба – умный такой собака, но замухрыжистый от скромности, – под командирской славой, как цветок под лопухом, в тени прячется... Никто его до поры, до времени не чувствует, никто Иван Ивановичем не зовет, а всему делу он голова, командир-то только вроде вывески. Вот какие дела бывали при царе Фараоне» (Правда. 1943. 4 нояб.; Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 7. С. 85).

БЕЗУМСТВО ХРАБРЫХ

В 1995 году, сразу в двух разных издательствах, Валентин Осипов выпустил книгу о Шолохове. Заглавия не совпадают – в одном издательстве: «Тайная жизнь Михаила Шолохова», в другом просто: «Михаил Шолохов». Задача сочинения обозначена в подзаголовках (у каждой книги – свой): «Документальная хроника без легенд» и «Годы, спрятанные в архивах», – иными словами, заявлено намерение посредством архивных документов развенчать ходячие легенды. Касательно «глав из романа», Осипову открылось следующее:

«Апрель (1943 года. – Б.-С.)... Маленкову передают в папочке стопочку бумаг – страниц 50. Надо читать. На столе стаканище с цветными карандашами – жирно ими черкать, издавдалека заметно. Он принялся читать – то новое творение Михаила Шолохова.

Как я обнаружил сей факт? Листаю в партархиве многослойную архивную папку. Фонд Маленкова¹. Сколько же забот и тревог – все хозяйственные дела во имя фронта и победы: письма, телеграммы, записки. Неожиданно иная статья – лист без никакого бланка. По нему две машинописные строки: «Михаил Шолохов. Они сражались за Родину».

Как утихомирил свое сердце от находки, так взял за перелистнуть – углядываю: второй экземпляр глав из романа на отличной бумаге мастерски перенечатанного текста.

Как и зачем попал роман к Маленкову? Не узнать – в папке никаких пояснительных документов: ни официальной сопроводилки – если из редакции, для знакомства или для разрешения печатать, ни письма писателя, если это его обращение.

На первой странице синим карандашом: «т. Маленкову и (неразборчиво): вещь хорошая. По-моему, ее надо печатать в 'Правде' и в 'Красной звезде'. И подпись. Но и ее разобрать, увы, не смог.

Сразу бросаются в глаза подчеркивания цветным карандашом. Читает – подчеркивает, читает – чирк-чирк. Едва не каждая вторая страница в подчеркиваниях. Кто подчеркивал – тот, кому принадлежит резолюция? Маленков? Я не смог догадаться. Но явно придира-педант, перестраховщик с литвкусами, что воспитаны на постановлениях и инструкциях. Забеспокоили этого партцензора такие шолоховские выражения: «Чертов союзник»; «Нет, Коля, ты как хочешь, а я генералом не желаю быть»; «Армию разбили»; «Идем мы пятый день, скоро уж Дон, а потом Сталинград...»; «Разбили наш полк вдребезги. А что с остальными? С армией?»; «Похожий на английского министра Антона Идена...» И еще, еще, еще.

Пришел домой и стал сравнивать с текстом последнего издания романа. Почти все из подчеркнутого осталось. Лишь в реплике Лопатина «чертов союзник» стало «наши союзнички». Разыскал того правдиста, который готовил главы к напечатанию. Это еще с 30-х годов редактор многих изданий шолоховских книг Юрий Борисович Лукин². Спраши-

ваю, кто же оказался тогда смел, чтобы не принять руководящих вычеркиваний. Ответил, что получил рукопись без никаких подчеркиваний. Это скорее всего значит, что Шолохов в одиночку принял опасное решение разминировать рукопись.

Напомню: в этих главах нет строк в восхваление Сталина <...>.

Наверняка не только я спохватывался, что нет в главах маршала. Читателю той поры тем более странно было понимать – что за безумец этот Шолохов: неужто трудно вписать раз-два имя Сталина то в одну какую-нибудь реплику, то где-нибудь в другую.

Это имя все-таки появится в романе. После смерти Сталина»³.

Вот такая героическая сага! Жаль, конечно, что в волнующий этот рассказ вкрались ошибки. Например имя персонажа, которому принадлежит реплика про «чертова союзника», – не Лопатин, а Лопатин... Впрочем тут Осипов оступился не случайно: у него подсознание сработало – на вытеснение (но об этом позже, позже – в главе «Страшная месть»...).

А вот что простительно куда менее, так это работа с документами 1943 года при помощи «текста последнего издания». И это не абстрактное методологическое пожелание... Напротив, совершенно конкретное.

Загляни Осипов в газету «Правда» от 6 мая 1943 года – с легкостью бы убедился, что нет там не только «чертова союзника», но и цикаких «наших союзничков», а читается фраза так: «В наших отношениях с тобой одного только не хватает: ты бы, совесть в карман положивши, мне только патрончики подбрасывал да похваливал меня, а я бы за тебя воевал...»⁴.

«*Наши союзнички*» поселились в «главах из романа» лишь с 1959 года*.

И уж вовсе уязвимо заявление Осипова, что имя Сталина впервые появилось в «романе» лишь после смерти вождя (речь, несомненно, идет о «главах», опубликованных Шолоховым в 1969 году).

* Доцензурный облик фразы восстанавливается в следующем виде: <...> ты бы, *как чертов союзник*, совесть в карман положивши, мне только патрончики подбрасывал <...> (выбор написания «чортот» продиктован орфографией производящего слова в газетной публикации того же отрывка: «Ты не повар, а так, чорт знает что»; кстати, в другой своей книге – «Михаил Шолохов: Годы, спрятанные в архивах» – В. Осипов приводит данное слово именно в такой форме: «Чортот союзник»).

На učinенное над ним цензурное насилие Шолохов, видимо, сильно обиделся и при первой возможности – в 1943 году, беседуя с представителем Всесоюзного общества по культурной связи с заграницей (ВОКС), – крамольную полуфразу вернул:

«Советский народ ощущает эту (американскую военную. – Б.-С.) помощь и благодарен, но настоящая боевая дружба между двумя бойцами не может быть основана на том, что один сражается и идет в смертельный бой, а другой, подбрасывая ему патроны, хлопает в ладоши и кричит: "Браво, ты хорошо дерешься!"» (Шолохов М.А. Собр. соч.: В 8 т. М., 1975. Т. 8. С. 121–122).

Это тоже результат чтения «последнего издания». А в «непоследнем», за четыре года до смерти И.В. Сталина, было так:

«Солдаты! Родина и Сталин никогда не забудут ни подвигов ваших, ни страданий. Спасибо за то, что сохранили святыню полка – знамя. <...> Этому знамени в 1919 году дважды отдавал воинскую честь наш великий Сталин, когда был на Южном фронте, где сражался полк с деникинскими бандами»⁵.

В 1959 году – при переиздании – все, выделенное курсивом, было выброшено, в связи с чем пришлось текст подредактировать: в первой фразе перевести глагол из множественного числа в единственное (вместо: «Родина и Сталин никогда не забудут...» – стало: «Родина никогда не забудет...»), а вторую – сильно похудевшую – даже чуть-чуть переделать («С этим знаменем в 1919 году на Южном фронте сражался полк с деникинскими бандами»). Так с тех пор и читается.

Такую же напраслину Осипов возводит и на «Науку ненависти»: «“Науку ненависти” выделяю не только отсутствием имени вождя»⁶. А того не знает, что до 1956 года рассказу предшествовал эпиграф:

«*“...Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души”.*

(Из первомайского приказа Наркома Оборонны товарища Сталина)»

Но Осипова восхищает и другое героическое деяние Шолохова – «разминирование рукописи»! А с этим как?

В 1995 году (одновременно с осиповской книгой-двойняшкой) вышли в свет очередные⁷ мемуары бывшего главного редактора «Красной звезды» Давида Ортенберга. И вот что ему запомнилось:

«Работал в “Красной звезде” спецкором Михаил Шолохов. По нашему заданию выезжал на фронты, состоял на нашем содержании.

Это было в мае сорок третьего года. Когда я корпел над очередным номером газеты, появился у меня Михаил Шолохов <...>.

Он положил мне на стол первые главы романа “Они сражались за Родину”. В нашей газете, в отличие от мирного времени, уже публиковались рассказы, повести. Но – роман?! Это впервые.

Материал набрали, все утрясли с писателем, но, вижу, он мнетя, что-то хочет сказать.

– Михаил Александрович, у вас что-то еще?

– Да, Поспелов просил меня дать и ему эти главы для “Правды”.

Как я мог возразить? Конечно, нам больше нравилось, когда “Правда” наши материалы перепечатывала на второй день. Так было, например, с очерками Толстого, Симонова, Гроссмана, Полякова <...>

Итак, первые главы романа и в “Правде”, и у нас. На второй день звоню редактору “Правды”:

– Петр Николаевич, будем завтра печатать Шолохова. Дадим первые четыре колонки.

– Нет, – всполошился он. – Я послал Маленкову. Ответа еще нет.

– Зачем? – удивился я. – Что там крамольного? И почему Маленкову? Он никогда не занимался ни литературой, ни печатью.

– Крамольного там ничего нет, – отвечает Пospelов, – но Шолохов! Как же без ЦК партии?

Жду еще день, два дня. Никакого просвета. Прошу Петра Николаевича:

– Позвони Маленкову. Чего тянуть?

– Ну, знаешь! Там у них столько дел!..

Решил сам позвонить Маленкову, набрав по кремлевскому телефону его номер, говорю:

– Георгий Максимилианович! У вас главы шолоховского романа... Вам их послал Пospelов...

– Я еще не успел прочитать, – перебил меня секретарь ЦК.

– Разрешите напечатать под нашу ответственность, – прошу я.

– Хорошо, я вам позвоню.

На второй день открываю "Правду" и вижу: напечатаны первые главы из романа "Они сражались за Родину". Меня как обухом по голове. А тут вбегает Шолохов, раскрасневшийся, расстроенный, возмущенный.

– Подвели меня!..

– Не только вас, Михаил Александрович, но и всю нашу редакцию.

Оказывается, Маленков позвонил Пospelову. Рукопись он не читал. Решайте сами – печатать ее или нет.

Конечно, нам было обидно. Неприятно и Шолохову. Он – наш корреспондент. По нашей просьбе его призвали в кадры РККА, зачислили в штат "Красной звезды", дали ему звание полковника, поставили у нас на вещевое, продовольственное и денежное довольствие. Прикрепили к нему машину. Нередко сопровождаем его в поездках на фронт. Словом, наш "кровный" спешкор. Это, так сказать, материально-организационная сторона дела? А моральная? Как может чувствовать себя человек в такой ситуации?

В следующем номере "Красной звезды" мы напечатали Шолохова, но больше, чем это было в "Правде". И так каждый раз, пока не догнали старшего "брата"⁸.

По крайней мере один вопрос – как «главы из романа» оказались у Маленкова? – снимается сразу.

Благополучно разрешается и недоумение по поводу того, кто «размишировал рукопись» – Маленков: снял трубку и позволил печатать – под личную ответственность главного редактора «Правды» П.Н. Пospelова. Выходит, что и на сей раз никакого подвига Шолохов не совершил.

Впрочем данные В. Осипова раскрывают еще одну деталь – первоначально шолоховская машинопись попала не к Маленкову, а к тому, кто учинил на ней надпись: «т. Маленкову и <нрзб.>: вещь хорошая. По моему, ее надо печатать»⁹ в "Правде" и в "Красной звезде".

Эту резолюцию мог наложить лишь тот, кто имел право давать поручения секретарю ЦК ВКП(б). А таких людей было – раз-два и обчелся...

Значит, до того, как лечь на стол Маленкову, машинопись уже проделала кое-какой путь. И в путь этот отправил ее главный редактор «Правды». Значит, и от Шолохова эту машинопись Пospelов получил раньше, чем ее впервые увидел главный редактор «Красной звезды».

А тогда понятно то плохо скрытое возмущение, с которым рассказывает об этом эпизоде Д.И. Ортенберг. Не исключено, кстати, что Ортенберг полемизирует здесь с неназванным оппонентом.

Дело в том, что в 1992 году старшая дочь Шолохова, С.М. Туркова, выступила со следующим заявлением:

«В годы войны публикация отдельных глав романа диктовалась и просто житейской необходимостью — семья огромная (22 человека на иждивении), деньги нужны были очень, а ведь Михаил Александрович, будучи корреспондентом «Правды», «Красной Звезды» и Совинформбюро, полковником по званию, нигде не получал ни копейки, кроме небольших гонораров за корреспонденции с фронтов, очерки, опубликованные в газетах»¹⁰.

И Ортенберг ей отвечает: «Он — наш корреспондент. По нашей просьбе его призвали в кадры РККА, зачислили в штат «Красной звезды», дали ему звание полковника¹¹, поставили у нас на вещевое, продовольственное и денежное довольствие. Прикрепили к нему машину».

А как повел себя Шолохов? Являясь корреспондентом «Красной звезды», он с 1941-го по 1945 год опубликовал в родимой газете всего три(!) корреспонденции — и только в 1941 году (31 июля, 29 августа и 6 сентября). А все четыре последующих военных года шолоховские материалы печатались исключительно в «Правде» (и перепечатывались в «Красной звезде»). И это понятно — числясь штатным сотрудником «Красной звезды» и получая там полковничью зарплату (а также продовольственное и вещевое довольствие), Шолохов не имел права на гонорары (ведь никакой иной редакционной нагрузки он не нес)*. А вот «Правда», с которой он организационно связан не был, гонорары ему платила.

Получал Шолохов деньги и в Совинформбюро (туда в сентябре 1941 года он снес три корреспонденции, отвергнутые «Красной звездой»).

Но главную статью шолоховских доходов составили гонорары за отдельные издания. «Тихий Дон» в годы войны выходил всего один раз

* Об отношении Шолохова к редакционным заданиям свидетельствует состоявшийся 25 июля 1942 года разговор по прямому проводу корреспондента «Красной звезды» Леонида Высокоостровского (узел связи Юго-Западного фронта) со своим главным редактором Д.И. Ортенбергом (Москва):

«Москва. <...> Весь материал должен быть пронизан одним — объяснить в пределах возможного, что происходит на фронте. <...> Где корреспонденция, заказанная Шолохову?

Корреспондент. <...> К Шолохову ездил [корреспондент «Красной звезды» Василий] Коротеев. Шолохов сказал, что он не может сейчас написать статью «Дон бушует», так как то, что происходит сейчас на Дону, не располагает к работе над такой статьей» (Ортенберг Д.И. Год 1942: Рассказ-хроника. М.: Политиздат, 1988. С. 268–269).

Итак, редакция поручает Шолохову подготовить материал о боях на Дону, а писатель отвечает, что происходящее на Дону (т. е. эти самые бои) не располагает к писанию! В чем же тогда состоят обязанности военного корреспондента?

(в Ростове-на-Дону: первый том – книги первая и вторая – во второй половине 1941 года, второй – книги третья и четвертая – в 1943 году), зато прочие книжки печатались во множестве:

— очерк «На Дону» (первая публикация в «Правде», 1941) – два издания (1941);

— рассказ «Наука ненависти» (первая публикация в «Правде», 1942) – 13 изданий в 1942 году (а еще в № 21/22 журнала «Политпросветработа») и по одному изданию в 1943, 1944 и 1945 годах;

— очерк «На Юге» (первая публикация в «Правде», 1942) – два издания (1942);

— «Они сражались за Родину» (первая публикация в «Правде», 1943–1944) – 14 изданий в 1943 году (и еще в № 11–12 журнала «Краснофлотец»), 7 – в 1944-м и 5 – в 1945 году.

Итого за 4 года военного лихолетья – 46 книг (не считая «Тихого Дона»). Общий объем – 2163 страницы.

Понятно, что теплых чувств к жуликоватому бездельнику главный редактор «Красной звезды» испытывать не мог... А вот Светлане Михайловне жаловаться на нищету – грех.

ЗАПЕЧАТЛЕННОЕ СЛОВО

За четверть века был опубликован 21 фрагмент «глав из романа»: восемь – в 1943 году (май, ноябрь – «Правда» и «Красная звезда»), четыре – в 1944-м (февраль, июль – там же), четыре – в 1949 году (июль-август – «Правда» и «Сталинградская правда»), один – в 1954-м («Ленинградский альманах» [№ 8, с. 3–9] и 23 октября – «Литературная газета») и четыре – в 1969 году (май – «Правда»). А еще в 1992 году дочь Шолохова, С.М. Туркова, обнародовала доцензурную машинопись публикации 1969 года¹.

Кроме машинописи имеются и рукописи:

а) неизвестное (но едва ли значительное) число отдельных листов в Государственном музее-заповеднике М.А. Шолохова (станция Вёшенская)² и –

б) один лист – «начало повести (*sic!*) «Они сражались за Родину»» в Ростовском областном музее краеведения³; речь, по всей видимости, идет о «главе» 1954 года, однако удостовериться в этом не удалось – в 2004 году (в преддверии 100-летнего юбилея?) вся шолоховская экспозиция была демонтирована и отправлена в запасники...

Это все, что есть. Говорят, было больше...

В 1955 году Главное политическое управление Министерства обороны СССР издало директиву, обязывающую армию и флот широко отметить 50-летие Шолохова, а военные печатные органы опубликовать специальные статьи о юбиляре.

И вот, 1 апреля 1955 года, по заданию главного редактора журнала «Советский воин», в дом Шолохова в Вёшенской явился подполковник Иван Стаднюк. Задание: получить для юбилейного номера журнала не публиковавшуюся еще главу из романа «Они сражались за Родину».

«<...> Мария Петровна [Шолохова] принесла рукопись главы, которую попросил Михаил Александрович, и он начал читать с машинописного листа. Даже Кирилл Потапов (завотделом литературы редакции газеты «Правда», в описываемый момент – редактор собрания сочинений Шолохова [М., «Молодая гвардия», 1956–1960]. – Б.-С.) поднял голову, лицо его просветлело, а глаза заблестали чувством восторга. О, как читал Шолохов! Нет, не артистично, а очень буднично. Но надо было видеть его лицо, вздрагивающие брови и веки глаз, присохшие чеканно-красивые губы. Надо было слышать его тихий грудной голос, в многозвучье которого вставляли картины полынной степи, неба над ней и Тихого Дона. А какие фразы, слова, слагавшиеся в живое многоцветное полотно жизни! Ни намек на рассказ, а только безбрежно талантливое, волшебное живописание, объемная картинность, неповторимость и яркость человеческих характеров... <...>

Шолохов умолк, положил последнюю страницу главы на стол, обвел нас взглядом. Мы молчали – слова были излишни. После паузы, наполненной для меня потрясением, заговорила Мария Петровна.

– Миша, – с какой-то особенной интонацией, по-матерински сказала она. – Не торопись публиковать эту главу. Ты же собирался еще поработать над ней. Мне доставит удовольствие еще раз перепечатать...»⁴

На следующий день Стаднюк снова отправился к Шолохову и «напрямик спросил его – получу ли главу, которую он вчера читал.

– Вот Маша не разрешает, – шутливо ответил Шолохов. А потом уже серьезно заключил: – Подполковник, я над ней чуток поработаю и пришлю вам в редакцию.

– Тогда очень прошу: напишите об этом моему редактору, а то мне неподорожится.

Через несколько минут Михаил Александрович принес записку, которую цитирую по памяти:

“Дорогой тов. Панов! Подполковник Стаднюк сделал все, что мог. Мы с ним отобрали нужную для ‘Советского воина’ главу. Доработаю ее и обязательно пришлю Вам...” <...>

Шолохов обещанную главу не прислал. Для этого были свои причины, но о них пока умолчу. Не нашел я главу потом и в опубликованном романе “Они сражались за Родину”. Что с ней? Так и не знаю. Ведь было еще несколько встреч с Михаилом Александровичем в Москве. Но спросить не решался, а он ни намеком не напоминал о том памятном вечере в Вёшенской...»⁵.

Составить представление о содержании неизвестной «главы из романа», опираясь на распылчатые показания Ивана Стаднюка, невозможно. Например он явно отделяет «картины полынной степи, неба над ней и Тихого Дона», встававшие из «многозвучья» тихого грудного голоса писателя, от «фраз и слов», слагавшихся «в живое многоцветное полотно жизни»... Надо ли понимать так, что донские пейзажи вставали перед внутренним взором Стаднюка от одного лишь звука шолоховского голоса? А что означает выражение «ни намек на рассказ» – бессюжетность повествования?..

Впрочем надо учитывать, что к моменту чтения слушатель находился не в лучшей форме: «Михаил Александрович налил мне очередную рюмку (водки. – Б.-С.), явно проверяя, умею ли я выпить»; затем Шолохов заставил Стаднюка долго (и, надо полагать, тоже под водку) петь казачьи и украинские песни... Так что в дальнейшем, прочитав, скажем, «главы» 1969 года, Стаднюк мог и не опознать услышанного...

Что касается причин неприсылки рукописи («о которых пока умолчу»), то здесь, скорее всего, Стаднюк целомудренно утаил известную современникам шолоховскую слабость – алкоголизм (принимая Стаднюка, Шолохов пожаловался, что ему не с кем выпить, и обозвал непьющего К.В. Потанова «долдоном»; после чего Стаднюку принесли графин водки, а Шолохов налег на шампанское...).

Уже через 20 месяцев, 11 января 1957 года, 4-е Главное управление Министерства здравоохранения СССР (Лечсанупр – Лечебно-санитарное управление Кремля) направило в ЦК КПСС докладную записку с предложением подвергнуть М.А. Шолохова принудительному лечению. Обосновывая необходимость принудительных мер, профессор И.В. Стрельчук подчеркивал, что «дважды имел возможность видеть

тов. Шолохова М.А., он крайне отрицательно относится к лечению. Он говорит, что по своей натуре "он парень неунывающий и мне выпивка не вредит. Это своего рода пищевой рацион". 7 марта 1957 года Секретариат ЦК КПСС принял решение «обязать т. Шолохова М.А. в соответствии с медицинским заключением провести специальное лечение в условиях строгого больничного режима»⁶.

...О романе уже никто не вспоминал, как вдруг в 1959 году разразился настоящий бум: «Они сражались за Родину» были напечатаны в январском номере журнала «Москва», затем составили три выпуска «Библиотеки "Огонек"» (№ 3–5; тиражом в 160 тысяч экземпляров каждый), потом 500-тысячным тиражом опубликованы в «Роман-газете» (№ 1; М.: Гослитиздат) и, наконец, вышли тремя отдельными книжными изданиями: двумя – в издательстве «Молодая гвардия» (общий тираж 245 тысяч) и одним – в Воениздате («Библиотека солдата и матроса»; тираж не указан – военная тайна).

Никаких видимых оснований для такого массивного наступления на читателя вроде бы не было – за предшествующие пять лет к «главам из романа» не прибавилось и строчки!

Что же произошло?

31 марта 1958 года секретарь правления Союза писателей СССР К.М. Симонов направил в ЦК КПСС записку, в которой сообщил, что согласно информации МИД СССР в шведском ПЕН-клубе «обсуждался вопрос о кандидатурах на Нобелевскую премию по литературе. В числе кандидатов назывались следующие писатели: Михаил Шолохов, Борис Пастернак, Эзра Паунд (США) и Альберто Моравиа (Италия). Поскольку писатели Швеции, – уверял далее Симонов, – высказываются в пользу М.А. Шолохова, но с настроениями писателей далеко не всегда считаются, один из доброжелательно настроенных к нам шведских писателей Эрик Асклунд высказал в беседе с советской делегацией (гг. Марков Г.М. и Тонер П.М.) мнение о целесообразности освещения в нашей печати деятельности М. Шолохова и его популярности в Скандинавских странах, считая, что это может оказать желательное влияние на решение вопроса о Нобелевской премии по литературе. Просим указаний ЦК»⁷.

Седьмого апреля Комиссия ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международным партийным связям утвердила текст телеграммы послу СССР в Стокгольме:

«Имеются сведения о намерениях известных кругов выдвинуть на Нобелевскую премию Пастернака.

Было бы желательно через близких к нам деятелей культуры дать понять шведской общественности, что в Советском Союзе высоко оценили бы присуждение Нобелевской премии Шолохову. При этом следует подчеркнуть положительное значение деятельностью Шолохова как выдающегося писателя и общественного деятеля, используя, в частности, его прошлогоднюю поездку в Скандинавию»⁸.

Поездка в Скандинавию – это, несомненно, весомый плюс, но остается один нюанс – премия-то по литературе. И тут вскрылась досадная неувязка: 67-летний поэт Пастернак только что выпустил новый ро-

ман, а 52-летний прозаик Шолохов так и не удосужился дописать книгу, начатую четверть века назад («Поднятая целина»)

Что делать? Заставить выдающегося писателя завершить второй том «Целины»? Но время поджимает! И вот выход найден – снова издать «главы из романа» и выставить их как новое достижение шолоховского гения*.

Советская нерасторопность подвела – пока печатали книжку, Нобелевскую дали Пастернаку. И «Они сражались за Родину», выпущенные миллионным тиражом, снова оказались никому не нужны. Оттого, видать, и случилось небывалое – за два года (1959–1960) советская пресса удостоила данное произведение советского классика всего пятью (!) рецензиями, из которых только одна появилась в центральной газете – в «Известиях»⁹. А «Правда», «Комсомолка», даже «Литературная газета» – бровью не повели!

Впрочем год спустя неприятный осадок смыли всенародные торжества по поводу завершения второго тома «Поднятой целины» и увенчания Шолохова Ленинской премией.

Но в 1961 году Шолохов снова напоминает Центральному комитету о Нобеле и напрашивается на новое скандинавское агиттурне. Поездку он хочет ограничить Швецией и Финляндией, поскольку «в Швеции в этом году вышли три моих книги: "Поднятая целина" (2-я книга), "Донские рассказы" и "Судьба человека". <...> но главное для меня заключается в том, что в Швеции и Финляндии весной будущего года будет полностью издана 1-я кн[ига] "Они сражались за Родину", и мне необходимо заранее обусловить с издательствами и сроки выхода книги, и доброкачественный перевод<...>»¹⁰.

Действительно ли Шолохов предполагал в начале 1962 года слать готовую рукопись романа переводчикам? Вряд ли – никаких свидетельств завершения работы над книгой не имеется**.

* Еще в 1947 году Нобелевский комитет в своем заключении отметил, что «Тихий Дон», «с его сочностью и народной красочностью», неровен, и потому для обсуждения кандидатуры Шолохова следует дождаться публикации его нового романа-хроники о минувшей войне «Они сражались за Родину» (Марченко Т.В. Сто лет Нобелевской премии по литературе: слухи, факты, осмысление // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 6. С. 36).

** Не считать же таким свидетельством высказывание, сохранившееся в памяти бывшего корреспондента грузинской межрайонной газеты «Алазникс гантиади» (г. Телави) Григория Саамова:

«Это было 22 июня 1961 года. <...>

Когда мы приехали в Цинандали, Шолохов с сопровождающими его лицами после осмотра парка направился к Дому-музею (Акакия Чавчавадзе. – Б.-С.). С ним был очень колоритный казак – красивый, бравый, с залихватскими усами, прямо живой Григорий Мелехов, то ли помощник, то ли секретарь писателя. Он запомнился еще потому, что отвечал на все вопросы, которые задавали писателю. Например писателя спросили: «Над чем Вы сейчас работаете?» А отвечал этот самый «Мелехов»:

Что же так тянуло его в Швецию и Финляндию? Видимо, то же самое, что в 1957 году – в Норвегию: гонорары¹¹. Шолохов прекрасно понимал, что переводить валюту в СССР – идиотизм: советские фискальные органы оставляли законному владельцу намного меньше половины. И чтобы воспользоваться своими кровными в полной мере, необходимо было получить эти деньги самому и на месте. И главной целью поездки была именно Швеция, где в один год вышли три шолоховские книги. Оттого и не хотел Шолохов ехать в Данию и Норвегию, где вышел лишь перевод второй книги «Поднятой целины» (Финляндия, где тоже вышла всего одна книга, понадобилась, видимо, для отвода глаз, да к тому же все равно по дороге).

Проходит еще четыре года, и вдруг очередное собрание сочинений открывается следующим уведомлением «От издательства»:

«В восьмом томе публикуется новый роман Шолохова "Они сражались за Родину"...»¹².

Было объявлено также, что собрание будет состоять из девяти томов и в девятый том войдут рассказы и памфлеты военного и послевоенного времени, очерки разных лет, публицистика и выступления по вопросам литературы. Первый том (с уведомлением «От издательства») был подписан к печати 17 марта 1965 года. А уже месяц спустя – 17 апреля – Шолохов начал готовить пути отступления: «Мою работу над романом "Они сражались за Родину" несколько подзадержало одно обстоятельство. Я встретился в Ростове с генералом в отставке Лукиным. <...> Лукин мне рассказал очень много интересного, и часть из этого я думаю использовать в романе»¹³.

Тревога, впрочем, оказалась ложной: осенью 1965 года Нобелевский комитет присудил Шолохову долгожданную премию, 9-ти томное собрание сочинений оказалось 8-томным (8-й том составило то, что анонсировалось для 9-го), а роман «Они сражались за Родину» не вошел в собрание ни в каком виде...

Правда, в интервью газете «Правда» по поводу получения Нобелевской премии Шолохов еще говорил, что в тот день – 15 октября – он «с рассветом хорошо потрудились над главою из первой книги романа, главою, которая <...> чертовски трудно давалась (приезд к Николаю Стрельцову его брата-генерала, прототипом которого <...> послужили жизнь и боевые дела генерала М.Ф. Лукина)» (глава эта через четыре года появится в «Правде», а о том, как она Шолохову далась, у нас еще будет случай поговорить...), и выражал твердую уверенность «в том, что после поездки в Стокгольм закончу первую книгу "Они сражались за Родину"»¹⁴.

Съездил в Стокгольм, вернулся, не закончил...

Не исключено, впрочем, что многократные заявления о скором и неминуемом завершении романа или какой-то из его частей были про-

– Мы сейчас работаем над последними главами романа "Они сражались за Родину"» (Саамов Г.И. Автограф Шолохова // Утро вечера мудренее [Подольск (Московская обл.)]. 2003, 17 апр.).

«Мы работаем...» – это хуже анекдота... Это – признание!

диктованы не изощренной политической интригой, а совсем прозаическими причинами. Например в 1949 году под обещание сдать рукопись первой книги «Они сражались...» Шолохов получил от «Нового мира» аванс – 49 349 рублей. Рукопись не сдал, аванса не вернул, и пришлось главному редактору просить Верховный Совет СССР эти деньги с баланса журнала списать. Списали. Через 15 лет ожидания¹⁵...

А теперь об эволюции замысла.

В 1943 году Шолохов думал так:

«Это будет книга <...> о тех, кто с оружием в руках защищает нашу родину, и о тех, кто в героическом советском тылу отдает все силы на борьбу с врагом»¹⁶.

Больше о героических тружениках тыла Шолохов никогда не вспоминал.

В 1945 году Шолохов скупо роняет, что им «написаны <...> многие новые главы романа "Они сражались за Родину". Несколько глав, вероятно, будут опубликованы в "Правде" <...>»¹⁷.

Никаких новых глав в «Правде» (или иных печатных органах) ни в 1945-м, ни в последующие три года не появилось.

В 1947 году писатель стал словоохотливей:

«<...> я хочу раскрыть в романе новые качества советского воина, которые так возвысили его в эту войну. <...>

Какие люди действуют в романе?

Где-то здесь, близко от Дона, родная земля этих людей, но они не донские. Опубликованные главы романа из середины. Постепенно буду вводить новых людей».

Далее – неизвестность:

«Как расположится роман во времени?»

Даже и этого не могу вам точно сказать. Начало – предвоенные дни, сорок первый год. Послевоенные дни вряд ли задену»¹⁸.

1949 год – решительный поворот: фрагменты, опубликованные в «Правде» (28 июля – 1 августа), снабжаются сноской: «Главы из готовящейся к печати первой книги романа».

Значит, писателю стало ясно, что книга будет больше одной. И 2 августа Шолохов открыл, сколько их будет.

«По замыслу автора роман "Они сражались за Родину" предполагается как трилогия. <...> Первая книга романа охватывает начальный период Отечественной войны и заканчивается описанием событий, предшествовавших Сталинградской битве. Вторую книгу автор посвящает Сталинградской битве»¹⁹. В той же беседе Шолохов рассказал, что его нынешний шестидневный визит в Сталинград связан с работой над второй книгой.

А в это самое время произошло событие: появился конкурент – 2 августа 1949 года Василий Гроссман сдал в редакцию «Нового мира» рукопись романа «Сталинград»²⁰.

Рассказывает Семен Липкин:

«<...> [Главный редактор журнала «Новый мир» А.Т.] Твардовский отправил роман члену редколлегии «Нового мира» Шолохову, надеясь, что великого писателя земли советской не могут не привлечь ху-

дожественные достоинства романа, и Шолохов, если он даже почему-то не терпит Гроссмана (был такой слух), все-таки поддержит его своим огромным авторитетом.

Ответ Шолохова был краток. Несколько машинописных строк. Я их видел. Главная мысль, помнится, такая:

«Кому вы поручили писать о Сталинграде? В своем ли вы уме? Я против».

Гроссмана и меня особенно поразила фраза: «Кому вы поручили?» Дикое, департаментское отношение к литературе»²¹.

Дикое? Да! Но не департаментское. Для Шолохова – глубоко личное: писатель – это тот, кому *поручили быть писателем!*

А раз поручили, то уж, будьте добры, обеспечивайте материалом! 5 июня 1950 года – письмо Г.М. Маленкову:

«Всегда помня Ваше доброе ко мне отношение, обращаюсь к Вам с просьбой не только личного порядка. Дело в следующем: завершая первую книгу романа «Они сражались за родину» и уже приступая вчерне к работе над второй, – испытываю острую необходимость в ознакомлении с материалами, касающимися обороны Сталинграда.

<...> мне нужен «живой» материал, т. е. политдонесения, поступавшие из рот, батальонов, сводки и все остальное, что сможет оказать мне помощь в воссоздании обстановки 1942–43 гг.»²².

Именно так – «живой» материал! Чтобы его взять, слегка почистить и – выдать за личные фронтовые впечатления. А самое главное – просьба эта «не личного порядка»! Откровенней некуда – то, что касается собственного литературного творчества, для Шолохова *личным* делом не является!

Впрочем шолоховский энтузиазм был недолог. К архивному экземпляру письма приложен отдельный лист. Сверху резолюция:

«Прошу ознакомить тт. Громова Г.П., Егорова».

Ниже запись об исполнении:

«Т[оварищ] Громов в курсе вопроса.

Шолохов, несмотря на неоднократные с ним переговоры, так и не явился в ЦК ВКП(б). Однажды был, оставил прилагаемую к [письму] Маленкову [1 слово нрзб.] записку и уехал к себе в станицу»²³.

Девять месяцев спустя – 14 марта 1951 года – встреча со студентами МВТУ им. Баумана. На прямой вопрос: «Над чем сейчас работаете и когда закончите?» – следует столь же прямой ответ:

«Векселей не даю, а то наобещаешь, а потом не получится.

<...> Работаю над романом «Они сражались за Родину». Роман задуман мною в трех книгах, первая появится в [“]Новом мире[”] в этом году»²⁴.

Надо ли говорить, что в означенном году ни в «Новом мире», ни в любом другом виде первая книга не появилась?..

Что же касается судьбы второй – о Сталинградской битве, то 11 января 1952 года Василий Гроссман сделал в дневнике такую запись:

«Твардовский передал, что Шолохов сказал [И.Т.] Гришину, секретарю обкома в Сталинграде: «Писать о Ст[алингра]де не буду, т[ак] к[ак] хуже Гроссмана не положено, а лучше не смогу»»²⁵. (Впрочем год

спустя – 3 марта 1953 года, на общем собрании секции прозы Московского отделения Союза писателей Михаил Бубеннов процитировал и другое высказывание Шолохова: «Роман Гроссмана – плевок в лицо русского народа»²⁶...)

А летом 1957 года, в Осло, Шолохов признался советскому атташе по культуре В.Ф. Грушко, что с романом не так все просто. И не оттого, что он не может чего-то там описать, а потому, что «очень трудно создать достоверную картину, нечетко представляя действительный ход войны» (при этом Шолохов сразу сказал, что большинство необходимых для работы документов Генштаба ему предоставили). И вот теперь приходится искать правду в мемуарах немецких генералов²⁷.

Шесть лет спустя Михаил Александрович через «Правду» оповестил, что заканчивает первую книгу романа²⁸. Потом поздравил советский народ с Новым 1966 годом, а самому себе пожелал в наступающем году закончить первую книгу²⁹. Не закончил.

И в 70-м не закончил³⁰.

В 1972 году, припомнив сорокалетней давности свару со Сталиным, стал убеждать своих гостей – кубанских рыбаков, что и «Лев Толстой создал "Войну и мир" значительно позже того, как война кончилась», но все-таки не смог удержаться от обещаний:

«Я, очевидно, если не в этом году, то в начале будущего закончу первую книгу, а всего будет три – трилогия...»³¹.

А в 1974 году сообщил корреспонденту «Правды», что есть у него «во второй книге "Они сражались за Родину" генерал, брат Николая Стрельцова. Книга еще в работе <...>»³². Видать, успел запомнить, что генерал Стрельцов уже объявился в первой книге – в «главах», опубликованных в 1969 году...

Больше Шолохов не сказал ни единого слова. До смерти оставалось 10 лет.

ОТСТУПЛЕНИЕ
В ТЕКСТОЛОГИЮ

Эволюция печатного текста «глав из романа» – элементарна и уж, конечно, не идет ни в какое сравнение с историей публикации романа «Тихий Дон» (достаточно сказать, что до 1953 года каждое новое издание «Тихого Дона» было короче предыдущего).

Если отвлечься от случаев модернизации пунктуации и орфографии («чорт», «танцовать»...), то заслуживающие внимания отличия первопечатного (1943–1954 гг.) текста «глав из романа» от последующих изданий исчерпываются следующим списком:

а) «Я, на твоём месте, перебросил бы два гусеничных в «Сталинец»»¹

~ «колхоз «Заря»»;

«<...> если на то дело пошло, то в ночь перекинем трактора в «Сталинец»»¹

~ ««Зарю»».

Название колхоза было изменено после 1959 года, во исполнение решений XXII съезда КПСС (1961) – об окончательном преодолении культа личности и его последствий*:

б) «А я ему говорю: “Если ты, земляная жаба, еще раз мне про Урал скажешь, – бронейного патрона не пожалею, сыму сейчас свой мушкет и прямой наводкой глупую твою башню так и собью с плеч!”»²

– «башку».

Исправление сделано после 1959 года. Какой из двух вариантов следует предпочесть? Вглядемся в продолжение рассказа:

«Он – назад: говорит, пошутил. Отвечаю ему, что и я, мол, пошутил, разве по таким дуракам бронейными патронами стреляют да еще из хорошего противотанкового ружья?».

Совершенно очевидно, что бронейщик Петр Лопухин уподобил глупую голову своего второго номера, Александра Копытовского, пустотелой танковой башне. Незамысловатая, но вполне понятная профессиональная шутка;

в) «– <...> уснул, как старый мерин в упряже»³

– «в упряжке».

Здесь мы, скорее всего, имеем дело не с неграмотным написанием падежной формы слова «упряжь», а с опечаткой – речь идет о том, что персонаж (Звягинцев) засыпает не при полной амуниции, а на ходу;

г) «<...> на переправе такое столботворение, что не дай бог и не приведи бог!»⁴

– «столпотворение».

* Впервые колхоз «Сталинец» появился в очерке «В казачьих колхозах» (см.: Красная звезда. 1941. 31 июля. С. 3).

Предпочсть, видимо, следует вариант «столботворение», видя в нем попытку простонародной адаптации церковнославянизма к русскому языку;

д) «— Я, например, без хлеба становлюсь несчастней самого паршивого румына»⁵

— «несчастливого».

Правка вызвана политическими соображениями (присоединение Румынии к антигитлеровской коалиции с последующим превращением в страну «народной демократии»);

е) «<...> "Эка беда-то какая, что помолился немножко, там и помолился-то самую малость... <...>"⁶

— «да».

Откровенная ориентация на стиль «Бедных людей» способствует уяснению того, что в газетной публикации мы имеем дело с несомненным искажением первоначального *е*так*...

«<...> помолился немножко, *так и помолился-то самую малость...»;

ж) «<...> негодуя за себя, Звягинцев выстрелил второй раз <...>»⁷

— «на себя».

Вторжение в текст диалектной (южнорусской) нормы предложного управления. Аналогичное употребление предлога «за» с формой винительного падежа мы находим и в «Тихом Доне»:

«Однажды Мишка увидел, как он (Солдатов. — Б.-С.) плел лесу из конского волоса; заинтересовавшись, спросил:

— На что плетешь?

— На рыбу. <...>

— За глиста ловишь?

— За хлеб и за глиста» (III, 6, 3).

Разница лишь в одном: в «Тихом Доне» подобным употреблением грешат исключительно персонажи, и никогда — автор (ср. в письме Шолохова жене от 15 декабря 1925 года: «За платье, роднушок, не горюй <...>»⁸);

з) «Тут на телеграфный столб напрешься <...>»⁹

— «напорешься».

На той же странице саперы встречают солдат такими словами: «— Ну, куда прешь, пехота? Куда прешь? Топаете, как овцы, без разбору, а тут минировано. <...> Как это не обозначено? Очень даже обозначено, видишь столбики забиты <...>». После чего следует рассуждение Копытовского: «Минируют и какими-то столбиками огораживают. <...> Тут на телеграфный столб напрешься, и пока не стукнешься об него лбом, ничего не разберешь».

Следовательно, «напрешься» является такой же репликой на слово «прешь», как и «телеграфный столб» — на слово «столбик»*;

* Прямо противоположная ситуация представлена в реплике автоматчика Павла Некрасова:

«— <...> Ну, останемся мы с тобой, ну и мокро мы двое наделаем? Фронт удержим? Как бы не так!» (Правда. 1949. 28 июля; Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 7. С. 155).

и) «Когда похороняли его возле села Красный Кут – вся рота слезами умылась»¹⁰

– «похоронили».

Автор употребил здесь диалектную форму несовершенного вида глагола (литературное соответствие: «хоронили»), но не согласовал ее с видовой характеристикой второго сказуемого – «умылась». Заметив это, редактор счел слово «похороняли» опечаткой. А того и не знал, что в другой «главе» то же слово произносит старшина Поприщенко:

«– <...> А мы об этом должны помнить всегда: и сейчас, когда товарища похороняем <...>»¹¹.

Таким образом, из анализа релевантных примеров (б, г, е, з, и) с неизбежностью следует, что редакторскую правку книжных изданий осуществляли люди, не знакомые с процессом создания текста. И тот, кто с этой правкой согласился, точно так же текста не знал и не понимал.

¹¹ *«Писатель беззаботно»* / *Фрагменты из романа «Мокро надеемся»* // *Мокро надеемся*. Третья редакция. СПб.: «Лань», 2002. С. 11.

случая внесения дополнений:

а) в монолог Петра Лопахина, обращенный к повару Петру Лисиценко:

Вряд ли подлежит сомнению, что слово «мокро» здесь совсем не к месту, и во фразу необходимо внести конъектуру:

«– <...> Ну, останемся мы с тобой, ну и *много мы двое наделаем? Фронт удержим? Как бы не так!»

Откуда же взялось бессмысленное «мокро»? Под влиянием контекста! Дело в том, что реплика Некрасова – ответная, а разговор начал Лопахин:

«– <...> Это у тебя помрачение мозгов не иначе оттого, что ты сегодня на сырой земле спал.

– А ты – на перине? Все нынче на сырой земле спали.

– А вот только тебе одному в голову ударило – жениться. Нет, как хочешь, но это у тебя от сырости...

– От какой там к бесу сырости! – с досадой сказал Некрасов. – Оттого, что сильно устал я за год войны, вот отчего, ежели хочешь знать. Да что, на мне свет клином сошелся? Желательно тебе – оставайся, а меня нечего агитировать, я сам с детства политически грамотный. Ну, останемся мы с тобой, ну и мокро мы двое наделаем? Фронт удержим? Как бы не так!» (Правда. 1949. 28 июля; *Шолохов М.А.* Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 7. С. 154–155).

Причиной ошибки явилась, скорее всего, элементарная опечатка в верстке: «*модро» – «н» и «о» поставлены в обратном порядке, а вместо «г» напечатано «р»; в клавиатуре линотипа литеры «Н», «Г», «Р» и «О» занимают центральное место и расположены квадратом:

Н Г
Р О

Редактор вознамерился разобраться с опечаткой, не сверяясь с машинописью, пригляделся к тексту, выхватил мотив «сырости» и решил, что Шолохов употребил здесь какой-то неведомый эвфемизм («мокро надеемся» – мокрого места от нас не останется? Или обмочимся?). И – опечатку увековечил.

«← <...> Ведь ты понимаешь, кто ты есть? Ты – бог войны! Не артиллерия бог войны, это про нее зря так говорят, а ты самый настоящий бог войны, потому что з [Г]лавное в наступлении и в обороне – это харч, и всякий род войск без харча – все равно, что ноль без палочки»¹².

Отмеченный пассаж появился в «главах из романа» лишь после 1959 года, что понятно: автором определения «Артиллерия – бог войны» является И.В. Сталин. Впрочем в речи на приеме в честь выпускников военных академий («академиков Красной Армии») 5 мая 1941 года он выразился, видимо, несколько иначе: «Артиллерия – бог современной войны». Но до 1995 года речь эта не публиковалась, и потребности советского народа удовлетворяла передовица «Правды» от 20 июля 1942 года: «Артиллерия – бог войны, говорит товарищ Сталин»¹³.

Понятно, что слова: «Не артиллерия – бог войны, это про нее зря так говорят <...>» – никакой редактор 1943 года пропустить не мог. И редактор 1959 года тоже не отважился: «культ личности» был осужден в 1956 году, на XX съезде КПСС, и при переизданиях имя Сталина уже вымарывалось (см. главу «Безумство храбрых»), но сам вождь до 1961 года покоился в Мавзолее;

б) в надгробную речь старшины Поприщенко:

«← <...> Мы сегодня хороним нашего лейтенанта, последнего офицера, какой остался у нас в полку...»¹⁴.

Отмеченная часть фразы впервые напечатана в издании 1959 года. Что могло вызвать ее устранение в 44-м? Тут дело не в политике, а в реалиях: в Красной армии офицерские звания были введены лишь в 1943 году, события же, описанные в «главах», происходят летом 42-го. Но тогда советские люди называли «офицерами» исключительно белогвардейцев, иностранцев и фашистов, а своих офицеров величали «командирами». Странно, но Шолохов даже такой мелочи не знал – и не препятствовал возвращению текста к первоначальному виду.

Два последних случая и описанные выше (в главе «Безумство храбрых») перипетии «чортова союзника» позволяют заключить, что в распоряжении Шолохова имелся печатный экземпляр «глав из романа» с восстановленными цензурными и редакторскими купюрами. Этот экземпляр и послужил источником трех указанных вставок.

ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ

В январе 1983 года, в Париже, мне довелось беседовать с Е.Г. Эткингом (1918–1999). Предметом разговора стали первые результаты моих разысканий по проблеме авторства романа «Тихий Дон». В ходе беседы Ефим Григорьевич заметил, что косвенным аргументом в пользу гипотезы о плагиате может служить неоконченный роман «Они сражались за Родину», поскольку, по его наблюдению, данное произведение являет собой пример неумелого подражания «Тихому Дону». И это не творческая неудача, это проявление полной неспособности к самостоятельному творчеству. Понятно, что человек, неспособный к самостоятельному творчеству, не мог быть и автором романа «Тихий Дон». Что и требовалось доказать!

Впрочем с конкретными фактами Е.Г. Эткинд меня не ознакомил*.

Оставлять без внимания мнение выдающегося филолога было бы, по меньшей мере, неосмотрительным. Поэтому обратимся к материалу.

Опубликованные фрагменты романа образуют два «блока» – первый повествует о событиях лета 1942 года, второй – весны 1941-го. Каждый из «блоков», в свою очередь, распадается на две части, обладающие собственной фабулой: в «главах» 1943–1944 годов рассказано о боевых эпизодах; в тексте 1949 года – о передышке в преддверии будущих боев; «глава» 1954 года посвящена довоенным семейным неурядицам Николая Стрельцова, а фрагмент 1969 года – предвоенной встрече двух братьев Стрельцовых (агронома Николая и вернувшегося из заключения генерала).

В количественном отношении они распределяются следующим образом:

1943–1944 годы – 54% всего текста;

1949 год – 23%;

1954 год – 3%;

1969 год – 20%.

Иными словами, за 25 послевоенных лет было опубликовано еще меньше, чем за два военных года, а последующие 15 лет шолоховской жизни не добавили к роману и строчки...

Ну, на нет и суда нет. Будем разбираться с тем, что есть.

* По словам Е.Г. Эткинда, над данной темой он работал до эмиграции, но в силу различных причин (в том числе – невозможности опубликовать подобное исследование в СССР) труд этот остался незавершенным.

1943–1944: СТАРОЕ И НОВОЕ

7 мая 1943 года. <...> В «Правде» главы
из романа Шолохова. Отзывы разные...
*Всеволод Вишневский*¹

Начинать, так с самого начала – с 5 мая 1943 года, с первого абзаца первой «главы»:

«На синем, ослепительно синем небе – полыхающее огнем июльское солнце да редкие, раскиданные ветром, неправдоподобной белизны облака. На дороге – широкие следы танковых гусениц, четко отпечатанные в серой пыли и перечеркнутые следами автомашин. А по сторонам – словно вымершая от зноя степь: устало полегшие травы, тускло, безжизненно блистающие солончаки, голубое и трепетное марево над дальними курганами, и такое безмолвие вокруг, что издалика слышен посвист суслика и долго дрожит в горячем воздухе сухой шорох красных крылышек перелетающего кузнечика»².

Чтобы опознать любимую руку, поклонник шолоховского творчества мог даже не напрягаться – всего три года назад в восьмой (заключительной) части «Тихого Дона» он это уже читал:

«За окном сияло полуденное солнце. На южной окраине неба в ослепительной синеве величественно плыли белые вздыбленные ветром облака. Глухую тишину нарушал лишь монотонный, усыпляющий звон кузнечиков. Снаружи под самым окном сохранилась не выжженная солнцем, прижавшаяся к фундаменту трава – полуувядшая лебеда вперемежку с овсюгом и пыреем, – в ней-то, найдя себе приют, и заливались кузнечики. Ильинишна прислушалась к их неумолчному звону, уловила проникший в горницу запах нагретой солнцем травы, и перед глазами ее на миг, как видение, возникла опаленная солнцем августовская степь, золотистая пшеничная стерня, задернутое сизой мглой жгуче синее небо...»³.

Да и в 1937 году, в части седьмой, тоже мелькало нечто похожее:

«По синему небу плыли и таяли изорванные ветром белые облака. Солнечные лучи палили раскаленную землю»⁴.

Это ли не доказательство принадлежности «Тихого Дона» и «глав из романа»

ковыль, дымится бурая^{II} верблюжьей окраски^{III} горячая трава; коршун, кренясь, плывет в голубом, – внизу^{IV} по траве неслышно скользит его огромная тень.

Суслики свистят истомно и хрипло. На желтеющих парных отвалах нор дремлют сурки. Степь горяча^V, мертва, и все окружающее прозрачно-недвижимо^{VI}... Даже курган синее на грани видимого, начисто облупленный солнцем^{VII}, сказочно и невятно, как во сне⁵.

А то, что источник установлен совершенно правильно, подтверждает «глава», появившаяся в «Правде» 8 мая 1943 года:

«Жара еще не спала. Солнце по-прежнему нещадно калило землю. Горький запах вянущей полыни будил неосознанную грусть. Устало привалившись к стенке окопа, Николай смотрел на бурую, выжженную степь, густо покрытую холмиками старых сурчиных нор, на скользившего над верхушками ковыля такого же белесого, как ковыль, степного луна. В просветах между стебельками полыни виднелась непроглядно густая синева неба, а на дальней возвышенности в дымке неясно намечались контуры перелесков, отсюда казавшихся голубыми и словно бы парящими над землей»⁶.

В данном фрагменте и отрывке из третьей книги совпадает не все. В чем причина? А в том, что писавший вспомнил еще и первую книгу «Тихого Дона», самый конец второй части (гл. 21):

«В одном из них (вагонов. – Б.-С.), привалившись к досчатой кормушке стоял Григорий. <...>

Пахло в вагоне степной попынью, конским потом, вешней ростепелью, и далекая маячила на горизонте прядка деса, голубая, задумчивая и недоступная, как вечерняя неяркая звезда»⁷.

Но с 1914 года на войне появилось и кое-что новое. Например танки...

Только, вот беда, в «Тихом Доне» танков нет... Что делать? Соберемся с мыслями: танк – он какой? Железный... И большой. Прямо скажем, чудовищно большой... Что у нас есть из больших размеров? Христан Токин, он же – Христоня! Книга первая, часть первая, глава 5-я:

«<...> а по дороге бугром движется пыль; Христоня^{VIII} в распоясанной длиннеющей рубахе^{IX}, патлатый, мокрый от пота, ходит в при-

Так и просится в самый первый абзац:

«На дороге – широкие следы танковых гусениц, четко отпечатанные в серой пыли и перечеркнутые следами автомашин»⁹.

А на следующий день – 6 мая 1943 года – герои решили искупаться:

«У речки <...> слышался плеск воды и довольный гогот купающихся красноармейцев. <...>

Лопехин сложил над головой руки, высоко подпрыгнул и камнем упал в зеленую плотную воду. На середине речки он вынырнул <...>

Николай сразбега (*sic!*) бросился в воду, ахнул, мгновенно ощутив обжогший всё тело колючий холодок, и, далеко выбрасывая длинные руки, поплыл к Лопехину»¹⁰.

Казалось бы, чего проще описать столь элементарные действия? Кому другому, может, и просто... Но раз стоит подпись «Шолохов», то уж, будь добр, без отсебятины! Вот тебе образец:

«Тихий Дон», часть 3-я, глава 10-я – купание военнослужащих:

«Вытягивая руки, он [Григорий] головой вниз кинулся в воду^{XI}, тяжелая зелень волны сомкнулась над ним и разошлась плеском. Он плыл к^{XII} группе готовавших по средине казаков, ласково шлепая ладонями по воде, лениво двигая плечами.

Петро <...> вошел в воду с опасливой брезгливостью, помочил грудь, плечи, охнув^{XIII} нырнул и поплыл, догоняя Григория <...>»¹¹.

Впрочем братья Мелеховы купаются в пруду, а Лопехин со Стрельцовым – в речке! Свобода творчества? Нет тебе никакой свободы! Вот оригинал:

«Отсыревшая хрушкая^{XIV} глина на плотине тяжело пахла мертвечной^{XV}, сырью. Над краями^{XVI} зеленой травой зацветала густая вода»¹².

Не нами написано, не нам и менять! Поэтому будет так:

«Желтые кувшинки плавали в стоячей воде. Пахло тишой и речной сыростью»¹³.

Отчего именно в «стоячей»? Да оттого что Григорий «кинулся в тяжелую зелень волны». Значит, и Лопехину не остается ничего другого, как нырять «в зеленую плотную воду»!

А стоит Лопехину попасть в медсанбат – и тут никаких вольностей. Здесь его поджидает – «большой чернобородый доктор»¹⁴.

Почему такой, а не другой? Потому что в «Тихом Доне» только такой и нашелся:

«Большой багровый доктор <...>, лохматя бороду, поблескивая из-под золотого пенсне злыми глазками^{XVII}, изливал свою желчную горечь перед случайным собеседником»¹⁵.

XI С 1929 года [] заменено на: [;].

XII С 1936 года «к» заменено на: «в».

XIII С 1929 года вставка: [;].

XIV После 1936 года «Отсыревшая хрушкая» устранено.

XV После 1936 года «мертвечной[.]» устранено.

XVI После 1936 года «Над краями» заменено на: «По краю».

XVII С 1956 года «глазками» заменено на: «глазами».

Вот только та, прошедшая, Первая мировая, была войной империалистической. А нынешняя – священная и народная! Стало быть, и отношение надобно другое, в частности, к народному добру... Так где ж его взять, отношение? Где отыскать слова?

Но вот оно – отношение, выраженное словами!

«Подожженные немецкими авиабомбами, всю ночь горели на корню огромные массивы созревших хлебов. <...>

Запах гари вместе с ветром перемещался на восток, неотступно сопровождая отходивших к Дону бойцов, преследуя их, как тягостное воспоминание. <...>

За долгие месяцы, проведенные на фронте, много видел Звягинцев смертей, людского горя, страданий; <...> но горящий спелый хлеб на огромном степном просторе за все время войны довелось ему в этот день видеть впервые, и душа его затосковала.

Долго шел он, глотая невольные вздохи, сухими глазами, внимательно глядя в сумеречном свете ночи по сторонам, на угольно-черные, сожженные врагом поля, <...> думая о том, как много и понапрасну погибает сейчас народного добра и какую ко всему живому безжалостную войну ведет немец»¹⁶...

А теперь сравним:

«И навсегда запомнилось Куликову, как отступали наши войска из пшеничного края. Пшеница – ее только и видел Куликов, золотую, рослую, могучую пшеницу. И как шумела она под степным ветром, тоскуя по серпу, и как осыпалась, и как ее сначала топтали, а потом жгли, чтоб не досталась врагу; и горек был дым пшеничного поля, – этого запаха гари Куликову никогда не забыть. <...>

Низко-низко опустив голову, шел он этим крестным путем, сквозь дым и гарь, и женщины у колодцев провожали его долгим прощальным взглядом. Ничего не говорили женщины, не кричали, не плакали и рук не заламывали над головой, только молча смотрели вслед, но глаза их, сухие и горькие, жгли душу Куликову, словно он был всему виной»¹⁷.

Это рассказ Бориса Горбатова «Алексей Куликов, боец», опубликованный впервые в газете «Во славу Родины» (орган штаба Южного фронта), а затем перепечатанный в «Правде» (1942, № 215, 217, 218, 220, 221 – 3, 5, 6, 8 и 9 октября)...

Можно, конечно, объяснять сходство двух отрывков тем, что оба автора описывают реальные обстоятельства отступления – а хлеба горели и в 41-м, и в 42-м году...

Можно было, кабы не глаза!

У Горбатова они «сухие» и «горькие»:

«женщины, не кричали, не плакали <...> но глаза их, сухие и горькие, жгли душу Куликову».

И у Звягинцева «сухие глаза»:

«Долго шел он, глотая невольные вздохи, сухими глазами, внимательно глядя в сумеречном свете ночи по сторонам, на угольно-черные, сожженные врагом поля».

Горбатов, когда писал свое сочинение, четко сознавал конструкцию образа: глаза горькие, как горечь дыма от спаленного пшеничного

поля, они жгут, как пламя пожара, а сухие оттого, что женщины не плачут.

А у Шолохова «сухим глазам» предшествует странный оборот:

«шел он, глотая невольные *вздохи*...»¹

Зачем же было их глотать? Вздох, особенно невольный, следует *подавить*. Глодают – *слезы* (в частности, невольные)!

Так оно сначала наверняка и было:

«...шел он глотая невольные *слезы*, сухими глазами, внимательно глядя...»

«Невольные» – оттого, что не баба все-таки, солдату плакать не пристало! И лишь потом, перечитав написанное, автор «глав из романа» сообразил, что если Звягинцев глотает слезы, то глаза у него должны быть *мокрые*!

Надо было как-то положение исправлять... Возможностей всего две: отказаться от «сухих глаз» или заставить Звягинцева глотать сопли... Был избран третий путь, невозможный – глотание вздохов!*

Так всегда получается, когда один пишет, а другой списывает.

Или, например, экскурс в солдатскую психологию – острое чувство одиночества, охватывающее человека на поле боя оттого, что смерть ни с кем нельзя разделить, она только твоя... Это чувство испытал Алексей Куликов¹⁸, а в «главах из романа» оно досталось Николаю Стрельцову¹⁹.

В общем рассказ Горбатова был усвоен основательно. И не забыт!

На исходе 1947 года Вёшенскую посетил журналист Исаак Араличев, и Шолохов любезно согласился ответить на ряд вопросов.

«– *Люди у вас в романе* ["Они сражались за Родину"] *донские*?

– У Бориса Горбатова, – отвечает Шолохов, улыбаясь, есть превосходный рассказ о солдатской душе – "Алексей Куликов, боец"... Его герой ищет всюду своих пензенских... Но война большая, страна – тоже большая – и выходит, что пензенских он находит мало. Так и я со своими донцами – мало их нахожу. Мне, как и горбатовскому Куликову, редко приходилось встречать земляков...»**²⁰

Примечательно: данный рассказ Б. Горбатова – это *единственное* произведение, написанное в годы войны, о котором высказался Шолохов.

* Обратим внимание и на немислимую пунктуацию – неустраненный след переработки текста: «<...> сухими глазами, (*sic!*) внимательно глядя <...>!»

** Определение, данное Шолоховым рассказу «Алексей Куликов, боец» – «*рассказ о солдатской душе*», позволяет с уверенностью заключить, что Шолохов прочел его в составе горбатовского сборника «*Рассказы о солдатской душе*» (М.: Сов. писатель, 1943; [Ташкент]: Сов. писатель, 1943).

В новом куске романа повествование возобновляется с того места, на котором прервалось в 1944 году. Только теперь герои уже не сражаются за родину – выслушав последние отголоски разрывов, они снимаются с позиций, уходят в тыл... И вдруг выясняется, что автору совершенно нечем их занять... Тогда персонажи начинают говорить сами... И шутить.

Много лет спустя дочь Шолохова, Светлана Михайловна, объяснила причины столь ненормальной веселости:

«Для публикации он (Шолохов. – Б.-С.) выбирал те главы, что могли заставить читателя – солдата, оглушенного неудачами на фронтах, на минуту отвлечься, улыбнуться»¹.

Но оглушенного неудачами солдата можно было встретить в 1941–1942 годах, а первые «главы из романа» вышли в свет весной 1943-го – после Сталинграда. Тем более не нуждался в подобном «отвлечении» читатель 1949 года...

А шолоховские персонажи знай себе – шутят и шутят... И попадают в нелепые ситуации: то в печку заползут и подумают, что их землей завалило; то спросонья спящему на голову наступят или на печку полезут – приснится, что из землянки выбираются... А на печке – старушка... Решила, значит, с перепугу, что солдат на ее честь покусился... А Лопухин к молодой стал подбираться... Так та его по морде! Гы-ы!

Но любой запас анекдотов не бесконечен. А читатель скучать не должен... И персонажи затевают разговор:

«— <...> А неплохо бы было щец с молодой баранинкой рубануть...»

<...>

— Борщ из баранины хорош с молодой капустой, – задумчиво сказал старшина.

— Капуста молодая, а картошка должна быть в борще старая, – с живостью отозвался Некрасов. – В молодой картошке толку нет, на вариво она не годится.

— Можно и старой положить, – согласился старшина. – А еще неплохо поджаренного лучку туда кинуть, этак самую малость...

Незаметно подошедший к ним Василий Хмыз тихо сказал:

— До войны мама всегда на базаре покупала баранину непременно с почками. Для борща это замечательный кусок! И еще укропу надо немного. От него такой аромат – на весь дом!

— Укроп – баловство одно. Главное, чтобы капуста свежая была и помидорки. Вот в чем вся загвоздка! – решительно возразил старшина.

— Морква тоже невредная штука для борща, – мечтательно проговорил Некрасов.

Старшина хотел что-то сказать, но вдруг сплюнул клейкую слюну, злобно проворчал:

— А ну, кончай базар! Давай дочищай оружие, сейчас проверять буду по всей строгости. Затекют дурацкие разговоры, а ты их слушай, выворачивай живот наизнанку...»².

Ха-ха! А теперь, отсмеявшись, позадумаемся – где мы читали нечто похожее? В «Тихом Доне»? Но там о еде не мечтают, там едят...

Господи! Ну, конечно:

«Швейк <...> сидел на койке, окруженный толпой исхудавших и изголодавшихся симулянтов, которые до сих пор не сдавались и упорно продолжали состязаться со строгой диетой доктора Грюнштейна.

Если бы кто-нибудь послушал разговор этой компании, то решил бы, что очутился среди кулинаров высшей поварской школы или на курсах продавцов гастрономических магазинов.

– Даже самые простые свиные шкварки можно есть, покуда они теплые, – заявил тот, которого лечили здесь от застарелого катара желудка. – Когда сало начнет трещать и брызгать, отожми их, посоли, поперчи, и тогда, скажу я вам, никакие гусиные шкварки с ними не сравнятся.

– Полегче насчет гусиных шкварок, – сказал больной «раком желудка», – нет ничего лучше гусиных шкварок! Ну куда вы лезете против них со шкварками из свиного сала! Гусиные шкварки, понятное дело, должны жариться до тех пор, пока они не станут золотыми, как это делается у евреев. Они берут жирного гуся, снимают с него сало и поджаривают.

– По-моему, вы ошибаетесь по части свиных шкварок, – заметил сосед Швейка. – Я, конечно, говорю о шкварках из домашнего свиного сала. Так они и называются – домашние шкварки. Они не коричневые, не желтые, цвет у них какой-то средний между этими двумя оттенками. Домашние шкварки не должны быть ни слишком мягкими, ни слишком твердыми. Они не должны хрустеть. Хрустят – значит, пережарены. Они должны таять на языке... но при этом вам не должно казаться, что сало течет по подбородку.

– А кто из вас ел шкварки из конского сала? – раздался чей-то голос, но никто не ответил, так как вбежал фельдшер.

– По койкам! Сюда идет великая княгиня. Грязных ног из-под одеяла не высовывать!»³

И то, что сочинитель очередной «главы из романа» вдохновлялся именно «Похождениями бравого солдата Швейка», доказывается продолжением главы «Швейк – симулянт» – к пациентам, с молниеносной быстротой сожравшим подаренных герцогиней жареных цыплят, обращается доктор Грюнштейн:

«← <...> Прежде чем ваши желудки успеют это переварить, я прочищу их так основательно, что вы будете помнить об этом до самой смерти <...>»⁴.

См. заключительную реплику старшины Поприщенко:

«← А ну кончай базар! Давай дочищай оружие, сейчас проверять буду по всей строгости».

Конечно, кулинарных мечтаний хватает и в русской литературе... У Гоголя, скажем... Или у Чехова рассказ «Сирена» – секретарь суда столь соблазнительно живописует накрытый стол, что присяжные заседатели совершенно теряют интерес к предмету судебного разбирательства... И такое словесное обжорство безотказно создает комический эффект. Зачем же тогда понадобился Швейк?

А затем, что в «главах из романа» голод гложет не помещиков и не присяжных заседателей, а солдат. Вот и пришлось запустить руку в «Швейка» – кладезь солдатского юмора! Там всего вдоволь – хватило и на суп для бедных солдат!

А в продолжение темы – длиннейший и глупейший рассказ старшины Поприщенко:

«– Вот, к примеру, был в старину такой знаменитейший полководец: Александр... Александр... Э, чортова память! Сразу и не припомнишь его фамилии...

– Суворов? – несмело подсказал Некрасов.

– Никакой не Суворов, а Александр Македонский, вот какая его фамилия! Насилу вспомнил, хай ему сто чертей! Это еще до Суворова было, при царе Горохе, когда людей было трохи. Так вот этот Александр воевал так: раз, два – и в дамках! И первая заповедь насчет противника у него была такая: «Пришел. Увидел. Наследил»⁵ ... И т. д., и т. д., и т. д.

Итак, нам предложено посмеяться над старшиной Поприщенко, приписавшим Александру Македонскому перевернутый афоризм Юлия Цезаря («*Veni, vidi, vici*»).

Но и собеседники его тоже не Декарты – об Александре Македонском они впервые слышат от старшины!

Что они все – «Чапаева» не смотрели? И если не смотрели, то откуда взялся Александр Македонский? Да все оттуда – из «Швейка»!

«Институт денщиков очень древнего происхождения. Говорят, еще у Александра Македонского был денщик»⁶.

А в какой связи вспомнил Македонского Поприщенко?

* Персонажи «глав» 1943 года точно смотрели:

[*Лопухин – Звягинцеву:*] «– <...> Почему я начальство над тобой, говоришь? А вот почему: при наступлении командир находится впереди: так? При отступлении – сзади, так? Когда высоту за хутором обороняли, мой окоп был метров за двадцать впереди твоего, а сейчас вот я иду сзади тебя. Вот и пораскинь своим убогим умом, кто из нас начальник – ты или я?» (*Шолохов М.А. Собр. соч.: В 9 т. М., 2001–2002. Т. 7. С. 84*)

А вот как это звучало в оригинале:

«Чапаев <...> схватил стоящий рядом с Фурмановым котелок и вытряхнул из него картошку:

– К примеру – идет отряд походным порядком... Где командир должен быть? – И сам себе ответил: – Впереди... на лихом коне! <...> Чапаев <...>:

– Противник перешел в атаку. Командир должен <...> перейти в тыл своему отряду и, находясь на каком-нибудь возвышенном месте, наблюдать всю картину боя, иначе отряд могут обойти с флангов. <...> Теперь... Умелыми действиями отряда и его командира противник отброшен и обращен в бегство. – Чапаев вошел в азарт. – Отряд преследует бегущего в панике противника. Где должен быть командир? Опять – впереди, на лихом коне. И первым ворваться в город на плечах неприятеля <...> Соображать надо!» (*Васильевы Г. и С. Чапаев. Т. 1. С. 137–138*).

Отметим, что в области военной теории Лопухин соображает плохо – путает оборону с наступлением.

«А вспомнили мы с Лопахиным про этого Александра по такому случаю: я ему говорю, смотри, мол, не обожгись, Лопахин, с этой хозяйской, не подведи нас насчет харчей, а он смеется, вражий сын, и говорит: "У меня такая привычка, как у Александра Македонского: пришел, увидел, наследил". Ну, говорю ему, <...> действуй, но уж если будешь следовать, то следи так, чтобы хозяйка на овечку разорилась, не меньше!»⁷.

Вы спросите: при чем здесь денщик? А при том:

«Удивительно, что история денщиков до сих пор никем не написана. А то мы прочли бы там, как альмавирский герцог во время осады Толедо с голода съел соли своего денщика; об этом герцог сам пишет в своих воспоминаниях и сообщает, что мясо его слуги было нежным, мягким и сочным и по вкусу напоминало нечто среднее между курятиной и ослатиной»⁸.

Итак, Александр Македонский связан с денщиком, а денщик – это мясо.

Поприценко увязывает Александра Македонского с овечкой, а овечка приводит к мечтам о борще с бараниной (о родословной данного блюда см. подробнее в главе 10-й «Переливание крови»)...

Неужели можно вот так запросто обокрасть классика? А если схватят за руку?! Ведь со Швейком советский читатель был знаком с 1926 года. Сначала – в переводе с немецкого (Я. Хашек «Приключения храброго солдата Швейка». Л.: Пучина), а с 1929-го – в переводе с чешского и под названием, с той поры не менявшимся (Я. Гашек «Похождения храброго солдата Швейка»). Уже до войны роман Гашека был издан в СССР как минимум девять раз!

Впрочем тут необходимо отметить одну деталь: последнее довоенное издание датируется 1937 годом, а первое послевоенное – 1956-м, годом лассированного выпуска «реабилитированной» и полузапрещенной литературы (в том числе детских стихов А. Введенского, романов И. Ильфа и Е. Петрова, повести «Человек-амфибия» А.Р. Беляева и т. д.)...

«Швейку» не повезло с переводчиками. Герберт Август Зуккау, переведивший роман с немецкого, был арестован 25 апреля 1935 года, через два месяца отпущен, 10 октября 1937 года снова арестован и через 3 недели (2 ноября) казнен. Автор канонического перевода с чешского – Петр Григорьевич Богатырев – умер своей смертью в 1971 году. Однако еще в 1934 году его объявили одним из главарей (наряду с князем Н.С. Трубецким и Р.О. Якобсоном) заграничного русского фашистского центра⁹. По этому делу (так называемому Делу славистов) проходило много людей, и в 1937 году с ними в основном было покончено – одних расстреляли, других посадили или сослали... Богатырев же все это время прожил в Праге, а когда в 1940 году вернулся в Москву, стал не зком, а профессором МГУ¹⁰. Но в издательствах, видимо, решили не рисковать... А то, что уже вышло, без лишнего шума изъяли из библиотек. Так Швейк стал мифом – никто не скажет, что его нет, но и предьявить нельзя.

Оставалось имя, которому вскоре нашли применение. Началась война, и пламенная антинемецкая направленность романа позволила

изготовить Швейка-антифашиста (фильмы Сергея Юткевича «Швейк готовится к бою» (1942) и «Новые похождения бравого солдата Швейка» (1943) с Борисом Тениным в главной роли; пропагандистские подделки капитана 2-го ранга А.В. Баковикова (Похождения бравого солдата Швейка // Красный черноморец. 1941–1942 гг.), Л.И. Раковского (Новые похождения бравого солдата Швейка // На защиту Ленинграда. 1941. № 58, 61, 63, 65, 72, 75), М.Р. Слободского (Новые похождения бравого солдата Швейка; сначала в газете «Красноармейская правда», а затем несколькими отдельными изданиями: ч. 1 – М.: Молодая гвардия, 1942; М.: Военмориздат, 1943; ч. 2 – [М.]: Молодая гвардия, 1943; сокращенная публикация обеих частей: М.: Воениздат, 1943; [Куйбышев], Воениздат, 1943).

От Швейка прежнего остался куцый обрывок (66 страниц), изданный в 1945 году (Ярослав Хашек (*sic!*). Вторжение Швейка в мировую войну // Библиотечка журнала «Красноармеец». № 14).

Так что, переписывая «Швейка», сочинитель не выходил за пределы военно-пропагандистской традиции и одновременно – ничем не рисковал.

А за две фразы до конца сочинитель все-таки вспомнил, что в печати «главы» появятся под фамилией «Шолохов», той самой, которой подписан «Тихий Дон»... Вспомнил и заставил полковника Марченко целовать полковое знамя, «прижимаясь трепещущими губами к краю бархатного полотнища, пропахшего пороховой гарью, пылью дальних дорог и неистребимым запахом степной полыни»¹¹.

См. в третьей книге «Тихого Дона»:

«И сразу весь курень наполнился ядовито-пахучим спиртовым духом солдатчины, неделимым запахом людского пота, табака, дешевого мыла, ружейного масла, – запахом дальних путин»¹²;

«Из горницы тянуло рыхлой прохладой земляного пола, незнакомым удушливо-крепким табаком и запахом дальней путины, каким надолго пропитывается дорожный человек»¹³.

Откликов прессы на публикацию новых «глав из романа» не последовало...

1954: ШПАРГАЛКА

Данная «глава» – единственная, миновавшая объятия «Правды». От рукописей осталось одно воспоминание – Владлена Котовскова:

«Это было летом 1950 года. Однажды, когда Михаил Александрович уехал в отдаленные колхозы района посмотреть, как идет уборка хлебов, его дочь Маша провела меня в кабинет писателя на втором этаже. <...>

С огромным волнением рассматривая стол, за которым работал великий писатель, я заметил у машинки странички и небольшую книжечку “Библиотека красноармейца. Из фронтовой жизни. Михаил Шолохов. Они сражались за Родину. Военное Издательство Народного Комиссариата Обороны. 1943”.

В начале каждой из страничек надпись: "М. Шолохов. Они сражались за Родину. Глава I".

Одна страничка написана чернилами, четким шолоховским почерком, две другие отпечатаны на машинке, но все три были густо испещрены поправками автора.

Первая фраза рукописи выглядела так: "Между холмов по широкому суходолу перед рассветом хлынул густой южный ветер".

На первой машинописной странице она читается уже так: "Перед рассветом с юга по широкому суходолу хлынул густой и теплый весенний ветер".

Опять правка, и вот фраза становится такой, какой мы ее знаем теперь: "Перед рассветом по широкому суходолу хлынул с юга густой и теплый весенний ветер"¹.

Такой мы знаем первую фразу из куска, опубликованного в 1954 году. Вот это – работа над словом! Семь страниц 4 года писал! Одну первую фразу и ту – дважды переделывал взыскательный художник!..

А что за книжка лежала на столе? Котовсков и тут дает исчерпывающую информацию:

Шолохов Михаил. «Они сражались за Родину». Военное Издательство Народного Комиссариата Обороны. 1943. «Библиотека красноармейца». Подробнее, кажется, некуда... Поэтому обратим внимание на то, о чем не сказано. А не сказано только одно – где издана книжка?..

Так вот, Котовсков не виноват. Просто книжка, лежавшая на столе, была *sine loco*. А в 1943 году таким негативным признаком обладали лишь два издания «глав из романа» – оба из Куйбышева. Друг от друга отличались они числом страниц: в одной брошюрке их было 59, а в другой – 63. И содержанием настольной книжки были именно «главы из романа», опубликованные первыми, поскольку все аналогичные публикации с продолжением несли на обложке специальную помету: «Выпуск 2».

Но это то, что показывали гостям. На самом же деле писавший текст 1950–1954 годов держал перед глазами совсем другую книгу...

«Перед рассветом по широкому суходолу хлынул с юга густой и теплый весенний ветер»².

Ср.: «<...> с юга, со степного гребня, набегом шел теплый и мокрый ветер». Это – «Поднятая целина». Книга 1-я, глава 26-я³.

А вот снова «Они сражались за Родину», 1954:

«С хрустом стал оседать в оврагах подмерзший за ночь последний ноздреватый снег»⁴.

Сравниваем:

«<...> с шорохом и гулом стал оседать крупнозернистый снег»...

Откуда? Правильно! – «Поднятая целина», книга 1-я, глава 26-я⁵.

И вот еще из «Они сражались...» 1954 года:

«Острое бледно-зеленое жальце ее пронизало созревшую ткань кленового листа. <...>

Поднялась, выпрямилась травинка, упорно и жадно тянущаяся к вечному источнику жизни, к солнцу»⁶.

Переворачиваем страницу все той же 26 главы 1-й книги «Поднятой целины»:

«<...> острое зеленое жало травяного листика, отталкивая прошлогодний отживший стебелек, стремится к солнцу»⁷.

Вот эдак, попросту, без затей – берется 26-я глава 1-й книги «Поднятой целины», и из нее тачается начало очередного романа...

Эти текстуальные совпадения в двух главах из двух разных романов обнаружил уже Герман Ермолаев⁸. Правда, он предпочитает именовать их не совпадениями, а аналогиями. А само бесстыдное передирание – угасанием таланта. Мол, писательская манера не изменилась, а способности уж не те... Ну, это понятно – Ермолаев считает, что Шолохов и «Тихий Дон» написал...

1969: СЛУШАЯ РЫБА

Прошло еще 15 лет. На счету Шолохова четыре книги «Тихого Дона», две – «Поднятой целины» да еще том рассказов... И премии – Сталинская, Ленинская, Нобелевская! Пира и на лаврах почить...

Ан нет: 12 мая 1969 года – новые главы романа «Они сражались за Родину». А 13 мая опять... И 14-го, и 15-го...

Широкие народные массы вновь испытали законную гордость, не подозревая о жуткой подоплеке событий.

Зато более узкую прослойку населения всюду будоражили слухи, дошедшие в конце концов и до заграницы – до «Вестника РСХД»:

«Совсем недавно в московских литературных кругах распространилась удивительная новость: журнал "Октябрь" не будет печатать новые главы из романа Шолохова. Эти главы были уже набраны, но теперь набор рассыпан. Шолохов передал свои главы в "Правду", но ее главный редактор Зимянин также отказался печатать шолоховский роман. <...>

Узнав об этом, Шолохов прилетел в Москву и позвонил Л.И. Брежневу. Шолохов попросил помощника Брежнева передать последнему о своем желании встретиться с ним и поговорить о судьбе романа. Однако через несколько дней помощник Брежнева сообщил Шолохову, что Л.И. Брежнев не может принять Шолохова ввиду занятости, ни сейчас, ни в ближайшем будущем.

Рассказывают, что Шолохов разразился после этого телефонного звонка самой грубой руганью. «Меня сам Сталин всегда принимал», – кричал он. <...> Досталось от Шолохова и руководителям Союза писателей. «Меня, – заявил он им, – больше не приглашайте на свои съезды и совещания». М.А. Шолохов уехал сейчас к себе в Вёшенское (Вешенскую. – Б.-С.), оставив литературные верхи в большой растерянности. Говорят даже, что Шолохов в специальном заявлении, которое обсуждалось при закрытых дверях, отказался от всех постов в руководстве Союза писателей».

Впрочем эмигрантский журнальчик и тут остался верен себе – пролив крокодиловы слезы по поводу писательского горя, не смог удержаться от ядовитого укуса:

«Как известно, в своей речи на IV съезде писателей М.А. Шолохов решительно выступил против свободы печати. "Вьетнам заливают кро-

вью американские агрессоры, – сказал тогда Шолохов, – а кое-кому хочется свободы печати для всех – от монархистов до анархистов. Что это – святая наивность или откровенная наглость?" Теперь у Шолохова есть время подумать – к какой категории следует отнести его самого: к анархистам или монархистам? В то же время среди литераторов обсуждается вопрос: если журнал "Октябрь" отказался напечатать Шолохова, то примет ли его новые главы такое оригинальное издательство, как "самиздат"? Большинство склоняется все же к тому, что не примет!¹

Парижские антисоветчики не соврали – брожение умов действительно имело место. Вот, например, дневниковая запись бывшего (до 1934 года) редактора «Известий» и (до 1937 года) «Нового мира», 15 лет отсидевшего И.М. Гронского (Федулова):

«8 июня 1969 г.

Первый раз после болезни вылез к друзьям – был у А.К. Лебедева. У него встретился с А.А. Васильевым, А.А. Быковым и Г.К. Вагнером.

Васильев рассказал о злоключениях М.А. Шолохова.

Свой последний роман "Они сражались за родину" Михаил сдал в "Новый мир". Твардовский благодарил его за честь, оказанную журналу, а спустя некоторое время написал Шолохову о том, что портфель редакции перегружен произведениями и он не может напечатать роман. Шолохов обратился в "Октябрь". Последовал такой же ответ. Тогда писатель сдал роман в ростовский журнал "Дон". Ответ редакции был такой же. Ясно, что редакциям журналов дана директива ЦК партии, а дана она потому, что все герои романа, по словам Васильева, гибнут в результате репрессий, т. е. произвола Сталина»².

Конечно, хотелось бы узнать об информанте Гронского побольше. Но никакими редакционными комментариями («кто есть кто?») издатели данный фрагмент не снабдили, а Васильев – фамилия слишком распространенная...

Тем не менее попробуем разобраться. Инициалы хозяина квартиры А.К. Лебедева раскрыты самим Гронским в направленном Лебедеву письме (от 25 мая 1984 г.) – Андрей Константинович. В письме обсуждается монография Н.П. Борисова о художнике А.А. Борисове³. Можно предположить поэтому, что адресат не чужд изобразительным искусствам. И действительно, такой специалист по живописи – Андрей Константинович Лебедев – имелся. Тогда Вагнер Г.К. не мог быть никем иным, как известным историком архитектуры Георгием Константиновичем Вагнером (1908–1995). Вряд ли мы проявим чрезмерную смелость, допустив, что к числу искусствоведов принадлежал и искомый Васильев А.А. И Васильев Алексей Александрович (1907–1975), тоже специалист по живописи, – обнаружился. Единственное смущающее обстоятельство (данный Васильев проживал в Кишиневе и занимался изучением советской молдавской живописи) снимается тем фактом, что предисловие к посвященной ему монографии⁴ написал – А.К. Лебедев!¹

* Что касается пятого участника встречи – А.А. Быкова, то им, очевидно, являлся специалист по средневековой восточной нумизматике Алексей Андреевич Быков (1896–1977).

Рассказ А.А. Васильева интересен в двух планах: как свидетельство широты распространения слуха (до Кишинева!) и как образец искажения истины. Ведь речь ни в коем случае не шла обо всем романе, а лишь о нескольких главах, да и герои не могли все как один погибнуть в сталинском терроре – им еще воевать предстояло. Видимо, в процессе передачи слухи о запрещении новых «глав из романа» смешались с давними слухами о второй книге «Поднятой целины» (1 марта 1960 года Шолохов лично и печатно опровергал инсинуации американского журналиста Гаррисона Солсбери, заявлявшего, что в первоначальной версии второй книги руководители гремяченского колхоза Макар Нагульнов и Семен Давыдов погибли в сталинских застенках⁵).

Ясно, впрочем, что «Вестник РСХД» получил свою информацию из иного источника, и сегодня источник этот устанавливается с достоверностью – окружение А.Т. Твардовского:

«6.1.69. П[ахра]

Вчерашние посещения: [Г.Я.] Бакланов с Кузьменкой [инструктор Отдела культуры ЦК КПСС Юрий Борисович Кузьменко], [К.М.] Симонов с [женой] Ларисой [Алексеевной Жадовой], [З.Е.] Гердт с [женой] Т[атьяной] А[лександровной Шустовой]. Хорошие все люди, но замечаю, что мне уже и такие гостевания не очень. Пустоутробие. Хоть и не прожить без слухов, сплетен и т. п.

Дополняется подробностями и разными штришками история с шолоховскими «главами». Сперва давал в «Дон», – до прочтения – ликование, винопийство, потом – беда: нельзя печатать – «лагерная тема», хоть и в шолоховской подаче. Зимянин [М.В., гл. ред. «Правды»], по-видимому, сбежавший «наверх» и получивший там либо санкцию, либо раздраженное «сами решайте», поручил своему отделу объясниться с автором. Автор все выслушал, послал всех к известной матери и кинулся к телефону. Оказалось, что его не могут принять. «Ноги моей здесь больше не будет».

Если вдуматься, так эта история на пользу как крайнее проявление того, что Шолохова еще не касалось, что ставит его самого в положение, к какому он не привычен. (Меня Сталин принимал, Хрущев сам ко мне приезжал, а тут – «не могут принять»)⁶.

А что было на самом деле? Доступные документы ничего не сообщают о предполагавшейся журнальной публикации «глав из романа», а касаются лишь попыток Шолохова напечатать их в «Правде».

30 октября 1968 года Шолохов отправляет письмо Л.И. Брежневу: «<...> и «Тихий Дон», и «Поднятая целина», и «Они сражались за родину» почти полностью прошли через «Правду»⁷...

Шолохов лукавит: первые три книги «Тихого Дона» полностью прошли мимо центрального органа, из четвертой же книги в «Правду» попало всего семь отрывков, а из первой книги «Поднятой целины» – лишь куски четырех глав (9-й, 10-й, 21-й и 36-й)...

Но Шолохов продолжает:

«Не изменяя этой традиции, я передал туда (в «Правду». – Б.-С.) новый отрывок из романа, который вот уже более трех недель находится у тебя. <...>

Обещанный тобою разговор 7 октября не состоялся не по моей вине <...>⁷.

Итак, жаловаться Брежневу Шолохов побежал уже в самом начале октября 1968 года. Следовательно, неприятности начались раньше, и какое-то время Шолохов думал справиться с ними своими средствами, в частности поставив редакцию «Правды» перед свершившимся фактом. Для чего 4 октября в «Известиях» А.В. Калинин выбалтывает содержание свежих «глав», обильно их цитирует, а в заключение провоцирует читателей настойчиво требовать обнародования шолоховского шедевра:

«Я вам завидую, читатель, у вас вся эта радость и все наслаждение впереди»⁸.

Но «Правда» не дрогнула, и тогда Шолохов стал набиваться на прием к Брежневу. Не добившись, принялся Леонида Ильича пугать:

«О существовании этого отрывка и о том, что он находится в "Правде", широко известно в Москве, и мне вовсе не улыбается, если где-нибудь в "Нью-Йорк Таймс" или в какой-либо другой влиятельной газете появится сообщение, что вот, мол, уже и Шолохова не печатают, а потом нагородят вокруг этого еще с три короба»⁹.

С чего вдруг упомянута здесь газета «Нью-Йорк Таймс» – понятно: именно в «Нью-Йорк Таймс» Гаррисон Солсбери опубликовал в 1959–1960 годах свои статьи о первоначальной (менее лицеприятной) версии финала второй книги «Поднятой целины».

В ответ – молчание. А Шолохов продолжает давить, вынуждая «Правду» саму признаться в существовании новых «глав». Действует он достаточно умело: 30 октября Котенко и Семенов запускают в «Правде» серию очерков под названием «Вешенские берега: Письма с дороги». До конечного пункта авторы добивались больше месяца и лишь 3 декабря – в шестом очерке! – огорошили читателя благой литературной вестью¹⁰. По странному совпадению в тот же самый день аналогичной радостью поделился и В. Засеев в московской «Вечерке»¹¹.

12 декабря, со всеми этими статьями в руках, Шолохов снова атакует Брежнева:

«Третий месяц вопрос с печатанием отрывка остается нерешенным.

Надо с этим кончать. После статей Калинина, Котенко, Засеева по Москве (да и не только по Москве) ходят упорные слухи, что уже и "Шолохова не печатают"... Мне не хватает только одного: чтобы в "Нью-Йорк Таймс" или какой-либо другой газете на Западе появилась жесткая статья, в которой я был бы причислен к лику находящихся в оппозиции писателей и стоял бы в одной шеренге с Солженицыным и пр.»¹².

Насчет Солженицына – это тоже повторение пройденного: согласно Г. Солсбери был в 1959 году «такой момент», когда «Шолохов грозился опубликовать [вторую] книгу ["Поднятой целины"] за рубежом, как это сделал Б. Пастернак с "Доктором Живаго"»¹³.

Кстати, о Солсбери. В архиве Пушкинского Дома (ИРЛИ РАН) отыскан черновик письма М.А. Шолохова означенному американскому публицисту. Черновик не датирован, неизвестно также, было ли письмо отослано адресату. Сказано в нем лишь, что Шолохов отвечает

на обращение Г. Солсбери (чье письмо не обнаружено), а со времени оскорбительных заявлений. Шолохова прошло 10 лет. Опубликовавший данный черновик В.Н. Запезалов предлагает датировать его 1970 годом¹⁴. Но отсчитывать 10-летний срок можно как от публикации шолоховского ответа в «Правде» (1 марта 1960 года), так и от заявления Шолохова представителям американской прессы в сентябре 1959 года (Шолохов входил в свиту Н.С. Хрущева, 12–27 сентября 1959 года носившего визит в США). Поэтому вполне допустимо датировать переписку Шолохова с Солсбери 1969 годом. Нельзя не отметить и странностей шолоховского письма. По его словам, Солсбери обратился к советскому писателю с предложением высказаться об... Эрнесте Хемингуэе (1899–1961). Точнее о популярности Хемингуэя в СССР. С какой стати? Пик популярности Хемингуэя в Советском Союзе пришелся на самый конец 50-х и связан был с выходом в 1959 году двухтомника его произведений¹⁵. А вот ко второй половине шестидесятых (не говоря уж о конце 60-х годов) популярность эта практически сошла на нет, о чем свидетельствует выпуск в 1968 году 4-томного собрания сочинений Хемингуэя (М.: Художественная литература, тираж – 200 тысяч экземпляров) – проявление известной политики советского книгоиздания: отказ удовлетворять нездоровый интерес публики; пропал интерес – исчезли и препятствия к изданию. Не был Хемингуэй в конце шестидесятых популярен и в Америке, что специально отметил Солсбери.

(Ответ Шолохова: «Вы говорите, что популярность Хемингуэя в США падает. Я хотел бы спросить Вас: в каких читательских кругах она падает? В профашистских читательских кругах она, вероятно, падает. Хемингуэй им не нужен»¹⁶).

Как понимать данное высказывание: раньше популярность Хемингуэя в профашистских кругах была высокой? Или нам явлено здесь обычное шолоховское неумение облечь мысль в слова?)

Отчего же для своего обращения к Шолохову Гаррисон Солсбери избрал такой фальшивый поворот?

Логично предположить, что Хемингуэй явился неловким прикрытием, а само обращение было инспирировано Шолоховым. Почему из этой переписки ничего не вышло и «Нью-Йорк Таймс», как воды в рот набрала. – Бог весть!

Но ради чего предпринимались все эти гигантские усилия?

А может, он и вправду такое понаписал, что...

Дочь Шолохова, Светлана Михайловна Туркова, рассказывает: «В первом варианте этой главы (к сожалению, не сохранившемся) <...> [д]ействие разворачивалось в лагере. <...> картины лагерной жизни, издевательств, допросов и т. д.». А еще имелся крутой разговор о коллективизации. Но Светлана Михайловна тут же оговаривается: «Естественно, это не входило в подготовленный для “Правды” отрывок»¹⁷. А что же входило?

С.М. Туркова обнародовала доцензурную машинопись «глав» 1969 года. Вот несколько цитат:

«Братец-то генерал, да еще пострадавший от Советской власти» (в публикации: «от Советской власти» опущено)¹⁸;

«— Что делают с людьми — уму непостижимо! Продержат в тюрьме или в лагерях четыре года, а потом — “Извините нас, вышла ошибка. Подпишитесь, что не будете разглашать и трепаться, как мы с вами обращались, и катитесь к чертовой матери!” — так ведь эти суки делают? Точно так! Я сам в тридцать седьмом отсидел под следствием восемь месяцев, знаю до тонкости ихние обычаи и повадки!» (Вот так — посадили, разобрались, освободили, извинились... Срока — от четырех лет до восьми месяцев... Уму непостижимо!.. В публикации все прощиторованное опущено)¹⁹;

«Ведь больше тысячи людей сидят и ждут правду» (Всего-то — «больше тысячи»! Но и эта фраза выброшена!)²⁰...

Так что если вставить обратно эти купюры, то и тогда все написанное не сможет тягаться с полуабзацем из «Одного дня...» (1962) Солженицына или с парой страниц какого-нибудь А.И. Алдана-Семенова («Барельеф на скале», 1964) и даже насквозь лживой «Повести о перержитом» (1966) стукача Б.А. Дьякова²¹!

А потому до тех пор, пока в стремлении опубликовать эти главы будут видеть проявление литературных или правдоискательских амбиций, мы ничего не поймем.

Поэтому обратимся к тексту.

Итак, встретились два брата Стрельцовы — старший агроном МТС Николай Михайлович и генерал Александр Михайлович. Решил, значит, генерал отдохнуть у брата после отсидки... А что за отдых без рыбалки?

И вот на целую страницу — обстоятельно-нудные рассуждения братьев о сравнительных достоинствах рыбачьих снастей:

«— <...> Видишь ли, здесь сазан на растительную насадку — ну, на тесто, кашу, картошку вареную — не берет, не привык он к постной пище, не вегетарианец он. Вот потому-то я вчера и добывал ракушки. Это — его любимое блюдо, <...>

— Позволь, Коля, о каких там принципах ловли и насадках может идти речь, если у тебя лесы толщиной с толстую спичку? <...>

— А что прикажешь делать? — возразил (*sic!*) Николай. — Тонкую лесу хороший сазан рвет, как гнилую питку. Здесь нужна глухая снасть, катушка не годится...»²² И т. д., и т. д.

В конце кощов брата все-таки берутся за удочки.

«Прошло с полчаса. Удочки с насадкой из мякоти ракушек-перловиц были неподвижны. При изгляде на толстые светло-серые лесы, вяло, безжизненно свисавшие с кончиков удилица, у Александра Михайловича возникала досада, а в глазах сквозила явная безнадежность. “Дохлая дело! Напрасно просижу зорю. Лучше бы уж снова взятыся за окуней”, — подумал он и потянулся за лежавшей на корме пачкой “Беломора”. Но тут внимание его привлек мягкий не то всплеск, не то всхлип. Глянув повыше удилиц, он увидел, как посреди плеса, раздвинув изогнутой спиной воду, показался метровой бронзово-золотистый сазан. Он взмахнул широким, как просяной веник, оранжево-красным хвостом и так оглушительно хлопнул им по воде, что крутые волны пошли кругами и, дойдя до лодки, высоко подняли и закачали низко осевшую корму. И тотчас же, словно дождавшись сигнала, у противоположного бере-

га свечой вскинулся небольшой сазан, а второй – немыслимой толщины – размахнул хвостом воду левее лодки, блеснул червонным золотом чешуи и с тихим стоном снова погрузился в зеленоватую воду.

Игра сазанов продолжалась почти беспрерывно минут пятнадцать, затем удары стали реже. Все это время Александр Михайлович в немом изумлении смотрел на уже разбушевавшийся плес и не успевал считать выпрыгивавших сазанов и тех из них, которые только на секунду показывались из воды и тонули, с кряхтением погружаясь в родную стихию.

– Теперь жди! – негромко сказал Николай. <...>

Горящими глазами Александр Михайлович уставился на кончики удилиц. <...> Комар больно впился ему в мочку левого уха, но, стоически выдерживая зуд, рыбак даже руки не поднял, ждал потяжки. Однако счастье обошло его стороной. Николай подсек небольшого, но удивительно резвого сазана и молча старался подтянуть его к берегу.

– Не дури, Колька! Не смей, чертов ингуш, тянуть его силком! Дай ему порезвиться, он сам уходится! – азартно советовал Александр Михайлович, стоя в корме во весь рост, от волнения часто переступая босыми ногами.

При одном виде согнутого в дугу удилица Александр Михайлович ощущал озноб во всем теле.

Уже поднявшись на поверхность и глотнув воздуха, сазан собрал последние силы и еще минут пять бойко ходил кругами, оставляя за собой белесую, косо срезанную прозрачную пленку воды. Вскоре желтобкий красавец килограмма на четыре весом улегся на дне вместительного подсачка»²³.

А теперь сравним данный текст с тем, что был опубликован на 41 год раньше – во 2-й главе 1-й части 1-й книги «Тихого Дона»:

«– Разматывай, а я запривяжу!», – шепнул Григорию отец и сунул руку в парное зевло кубышки. Жито четко брызнуло по воде, словно кто вполголоса шепнул – «шик!»^{II}. Григорий нанизал на крючок взбухшие зерна, улыбнулся.

– Ловись, ловись, рыбка большая и малая.

Леса, упавшая в воду кругами, вытянулась струной и снова ослабла^{III}. Григорий ногой придавил конец удилица, полез, стараясь не шелохнуться, за кисетом.

– Не будет, батя, дела... Месяц на ущербе.

– Серники захватил?

– Ага.

– Дай огню.

Старик закурил и^{IV} поглядел на солнце, застрявшее по ту сторону, карши^V.

^I До 1929 года опечатка: «запривяжу».

^{II} С 1956 года «[-] "шик!"» заменено на: «[:] "Шик!"».

^{III} После 1929 года вставка: «[:] едва грузило коснулось дна».

^{IV} После 1928 года «и» заменено на: [,].

^V С 1953 года «карши» заменено на: «коряги».

– Сазан, он разно берет. И на ущербе иной раз возьмется.

– Чутно, мелочь насадку^{VI} обсекает, – вздохнул Григорий.

Возле баркаса, хлюпнув, схлынула вода, и двухаршинный, словно слитый из красной меди^{VII}, сазан со стоном прыгнул вверх, сдвоив по воде изогнутым лопушистым хвостом. Зернистые брызги засеяли баркас.

– Теперя жди! – вытер Пантелей Прокофьевич^{VIII} рукавом мокрую бороду.

Сбочь^{IX} затонувшего вяза, в рукастых оголенных ветвях, одновременно выпрыгнули два сазана; третий, поменьше, ввинчиваясь в воздух, настойчиво раз за разом бился над яром^X.

Григорий нетерпеливо жевал размокший конец самокрутки. Неяркое солнце стало в полдуба^{XI}. Пантелей Прокофьевич израсходовал всю приваду и, недовольно подобрав губы, тупо глядел на недвижный конец удилища.

Григорий выплюнул остаток цыгарки^{XII}, злобно проследил за стремительным его полетом. В душе он клал отцу чертей^{XIII} за то, что разбудил спозаранку, не дал выспаться. Во рту^{XIV}, от выкуренного паточак табаку^{XV}, воняло припалснной щетиной. Нагнулся было зачерпнуть в пригоршню воды – в это время конец удилища, торчавший на поларшина^{XVI} от воды, слабо качнулся, медленно пополз книзу.

– Засекай! – выдохнул старик.

Григорий, встrepенувшись, потянул удилище, но конец стремительно зарылся в воду, удилище согнулось от руки обручем. Словно воротом, огромная сила тянула вниз тугое^{XVII}, красноталовое удилище.

– Держи! – стонал старик, отпихивая баркас от берега.

Григорий силился поднять удилище, его рвало с удесятеренной силой^{XVIII}. Сухо чмокнув, лопнула под корешок^{XIX} толстая лeса. Григорий качнулся, теряя равновесие.

VI В 1928 году опечатка: «наседку».

VII С 1956 года [.] устрaнено.

VIII После 1936 года «вытер Пантелей Прокофьевич» заменено на: «Пантелей Прокофьевич вытер».

IX После 1929 года «Сбочь» заменено на: «Около».

X После 1936 года «над яром» заменено на: «у яра».

XI С 1956 года «в полдуба» заменено на: «вполдуба».

XII После 1929 года «цыгарки» заменено на: «цигарки».

XIII После 1929 года «клад отцу чертей» заменено на: «ругал отца».

XIV После 1936 года [.] устрaнено.

XV После 1928 года [.] устрaнено.

XVI После 1936 года «поларшина» заменено на: «пол-аршина».

XVII После 1928 года [.] устрaнено.

XVIII После 1929 года «[.] его рвало с удесятеренной силой» заменено на:

«и не мог».

XIX После 1929 года «под корешок» устрaнено.

– Ну^{XX}, и бугай! – пришептывал Пантелей Прокофьевич, не попадая жалом крючка в насадку.

Взволнованно посмеиваясь, Григорий навязал новую лесу, закинул. Едва лишь^{XXI} грузило коснулось^{XXII} дна^{XXIII} – конец погнуло.

– Вот он, дьявол!.. – хмыкнул Григорий, с трудом отрывая от дна метнувшуюся к стремю^{XXIV} рыбу.

Леса, пронзительно бружижа, зачертила воду, за ней косым зеленоватым полотном вставала вода. Пантелей Прокофьевич перебирал обрубковатыми пальцами держак черпала.

– Заверни ево^{XXV} на воду! Держи, а то пилой рубанет!

– Небось!

Большой изжелтакрасный^{XXVI} сазан поднялся на поверхность, вспенил воду и, угнув тупую^{XXVII} лобастую голову, опять шархнул^{XXVIII} вглубь.

– Давит, аж рука занемела... Нет, погоди!

– Держи, Гришка!

– Держу-у-у!

– Гляди, под баркас не пушай!.. Гляди!

Переводя дух, подвел Григорий к баркасу лежавшего на боку сазана. Старик сунулся было с черпалом, но сазан, напрягая последние силы, вновь ушел в глубину.

– Голову ему подымай! Нехай глотнет ветру, он посмирнеет.

Выводив, Григорий снова подтянул к баркасу измученного сазана. Зевая широко раскрытым ртом, он^{XXIX} ткнулся носом в шершавый борт и стал, переливая шевелящееся оранжевое золото плавников.

– Отвоевался! – крикнул Пантелей Прокофьевич, вываливая его в черпало^{XXX}.

Посидели еще с полчаса. Стихал сазаний бой.

– Сматывай, Гришка. Должно, последнего запрягли, ишо не дождемся»²⁴.

Оспаривать факт сходства двух приведенных фрагментов, по меньшей мере, смешно. Вопрос лишь в степени этого сходства. Вот несколько «параллельных мест»:

XX С 1953 года [.] устранено.

XXI После 1928 года «лишь» устранено.

XXII После 1929 года «коснулось» заменено на: «достигло».

XXIII С 1956 года [–] заменено на: [,].

XXIV После 1929 года «стремю» заменено на: «стремени».

XXV После 1929 года «ево» заменено на: «его».

XXVI После 1928 года «изжелтакрасный» заменено на: «изжелта-красный».

XXVII После 1929 года вставка: [,].

XXVIII После 1929 года «шархнул» заменено на: «шархнулся».

XXIX После 1929 года «он» заменено на: «тот».

XXX С 1953 года «вываливая его в черпало» заменено на: «поддевая его черпалом».

«Они сражались за родину» – **ОСР**: «При взгляде на толстые светло-серые леса, вяло, безжизненно свисавшие с кончиков удилища, у Александра Михайловича возникала досада, а в глазах сквозила явная безнадежность. "Дохлое дело! Напрасно просижу зорю. Лучше бы уж снова взяться за окуней", – подумал он и потянулся за лежавшей на корме пачкой "Беломора"».

– «Тихий Дон» – **ТД**: «Леса, упавшая в воду кругами, вытянулась струной и снова ослабла. Григорий ногой придавил конец удилища, подлез, стараясь не шелохнуться, за кисетом.

– Не будет, батя, дела... Месяц на ущербе».

ОСР: «Но тут внимание его привлек мягкий не то всплеск, не то всхлип. <...> посреди плеса, раздвинув изогнутой спиной воду, показался метровый бронзово-золотистый сазан. Он взмахнул широким, как просяной веник, оранжево-красным хвостом и так оглушительно хлопнул им по воде, что крутые волны пошли кругами и, дойдя до лодки, высоко подняли и закачали низко осевшую корму. <...>

– Теперь жди! – негромко сказал Николай. <...>

– **ТД**: «Возле баркаса, хлюпнув, схлынула вода, и двухаршинный, словно слитый из красной меди, сазан со стоном прыгнул вверх, сдвоив на воде изогнутым лопушистым хвостом. Зернистые брызги засеяли баркас.

– Теперь жди! – вытер Пантелей Прокофьевич рукавом мокрую бороду».

ОСР: «И тотчас же, словно дождавшись сигнала, у противоположного берега свечой вскинулся небольшой сазан, а второй – немыслимой толщины – размахнул хвостом воду левее лодки <...>»

– **ТД**: «Сбочь затонувшего вяза, в рукастых оголенных ветвях, одновременно выпрыгнули два сазана: третий, поменьше, ввинчиваясь в воздух, настойчиво раз за разом бился над яром».

ОСР: «<...> сазан <...> еще минут пять бойко ходил кругами, оставляя за лесой белесую, косо срезанную прозрачную пленку воды».

– **ТД**: «Леса, пронзительно брунжа, зачертила воду, за ней косым зеленоватым полотном вставала вода».

Но создатель «глав из романа» решил выработать жилу до конца, а посему добыча рыбьего золота продолжается:

«Мелкий и средний сазан берут с ходу, рывком, а очень крупный давит солидно, медленно, степенно гнет кончик удилища к воде», – наставлял брата Николай. И вот именно такой клев вскоре заставил Александра Михайловича пережить минуты наивысшего напряжения. Леса на правой удочке выпрямилась, чуть-чуть зашевелилась, пошла книзу, а следом медленно, медленно стал kloпиться к воде кончик удилища. Собрав всю свою волю, Александр Михайлович дождался, когда кончик удилища уткнулся в воду, и только тогда плавно, но сильно подсек. И мгновенно пришло такое ощущение, будто крючок на дне намертво за-

цепился за корягу. А уже в следующий миг мощная потяжка заставила Александра Михайловича вскочить на ноги, взяться за комель удилица обеими руками. Неподвластная сила, чуть ли не равная его силе, гнула удилице с нарастающим тяжелым упорством.

Николай бежал к лодке, преодолевая свалившиеся с обрыва груды земли сажеными прыжками. В левой руке его развевался поднятый над головой подсак.

– Удилище! Удилище отводи назад! Не давай ему вытянуть лесу напрямую! – кричал он.

Но Александр Михайлович не слышал его. Он уперся левой ногой в сиденье на корме, откинулся назад, сопротивляясь дикой силе, вырвавшей из его рук удилице, и слышал только один пугающий звук: по удилицу, от середины до самой чакановки*, шел глухой треск, будто сквозь дерево пропускали электрический ток. Этот треск он не только слышал, но и ощущал побелевшими от напряжения стиснутыми пальцами и мускулами рук.

Николай уже подбежал к лодке, успев на бегу крикнуть:

– Бросай! Да бросай же!..

И в этот момент удилице, согнутое чуть ли не от самых рук рыбака и вытянутое в одну линию с лесой, со свистом распрямилось, сухо и звучно лопнула оборванная леса. Все было кончено»²⁵.

Снова примемся сравнивать:

ОСР: «Мелкий и средний сазан берут с ходу, рывком, а очень крупный давит солидно, медленно, степенно гнет кончик удилица к воде», – наставлял брата Николай.

– **ТД:** «Старик закурил и поглядел на солнце, застрявшее по ту сторону карши.

– Сазан, он разное берет. И на ущербе иной раз возьмется».

ОСР: «Неподвластная сила, чуть ли не равная его силе, гнула удилице с нарастающим тяжелым упорством.

Николай бежал к лодке, преодолевая свалившиеся с обрыва груды земли сажеными прыжками. В левой руке его развевался поднятый над головой подсак.

– Удилище! Удилище отводи назад! Не давай ему вытянуть лесу напрямую! – кричал он.

Но Александр Михайлович не слышал его. Он уперся левой ногой в сиденье на корме, откинулся назад, сопротивляясь дикой силе, вырвавшей из его рук удилице, и слышал только один пугающий звук: по удилицу, от середины до самой чакановки <...>

* Ни автор, ни позднейшие издатели этого слова не комментируют. И напрасно, поскольку даже донским диалектам (в частности, говору станицы Вёшенской) известна лишь «чаканка – рыболовная снасть с мотушкой из чакана (т. е. широколистого рогоза); плоская дощечка, на которую наматывают лесу» (Большой толковый словарь донского казачества / [Сост.: В.И. Дегтярев, Р.И. Кудряшова <и др.>]. М.: Русские словари; Астрель; АСТ, 2003. С. 569, 572).

И в этот момент удилеще, согнутое чуть ли не от самых рук рыбака и вытянутое в одну линию с лесой, со свистом распрямилось, сухо и звучно лопнула оборванная леса».

- ТД: «Григорий, встрепенувшись, потянул удилеще, но конец стремительно зарылся в воду, удилеще согнулось от руки обручем. Словно воротом, огромная сила ткнула вниз тугое, красноталовое удилеще.

- Держи! – стонал старик, отпихивая баркас от берега.

Григорий силился поднять удилеще, его рвало с удесятенной силой. Сухо чмокнув, лопнула под корешок толстая леса».

При сильном желании данный список можно продолжать...

А за 16 страниц до сазанов братья Стрельцовы ловили окуней:

« - <...> Глубина там с лодки – четыре маховых (сажени. – Б.-С.), то есть шесть метров. Неподалеку, чуть подальше заброса, – карша, огромный вяз. Он весь под водой. Пристанище окуней»²⁶.

Открываем вторую главу первой части «Тихого Дона»:

«Саженья в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветки затонувшего вяза. <...> Старик закурил, поглядел на солнце, застрявшее по ту сторону карши»²⁷.

И еще про окуней:

«На той стороне плеса Николай <...> вытащил нос лодки, так что корма низко осела, сказал:

- Ни жучка тебе, ни чешуйки! <...>

Два раза леса в руках Александра Михайловича при закидывании завязывалась замысловатыми узлами. <...> наконец, на третий раз, леса вытянулась, тихо чмокнуло удлиненное грузило, гибкий кончик березового удилеще согнулся и выпрямился, – грузило легло на дно»²⁸.

А вот все та же вторая глава первой части «Тихого Дона»:

«Григорий нанизал на крючок взбухшие зерна, улыбнулся.

- Довись, довьись, рыбка большая и малая.

Леса, упавшая в воду кругами, вытянулась струной и снова ослабла (после 1929 года вставка: «И, едва грузило коснулось дна». – Б.-С.)».

Итак, во второй главе первой части «Тихого Дона» Шолохов обращался дважды. Первый раз попытался даже что-то поменять – сазанов на окуней, а потом плюнул и переписал как есть.

Но тут обнаруживается одна примечательная вещь: полностью сохраняя фабульное сходство (два кровных родственника – родные братья в «главах из романа» и отец с сыном в «Тихом Доне» – заняты волнующей охотой на красавцев-сазанов), изготовитель «глав» искренне не понял радикального отличия фабулы от поэтики. А с точки зрения поэтики, приведенный фрагмент из «Они сражались...» не то что не похож, а тотально враждебен «Тихому Дону».

Совершенно очевидно, что автор «Тихого Дона» отработывал свою поэтику в упорной и осознанной полемике с тем типом повествования, который представлен в «главах из романа». Тип этот возник и утвердился во второй половине XIX века и представляет собой расхожий набор приемов так называемого реализма: прямое описание любого объекта путем прямого называния характерных для него свойств.

Заявка на именно такое и никакое другое описание предъявлена в первых же строчках занимающего нас отрывка:

«Утро было прохладное. Над водой поднимался туман.

Тяжелая ядреная роса клонила к земле листья травы»²⁹.

Неудивительно, что за этими дребезжащими псевдо-тургеневскими аккордами незамедлительно следует душевная реакция персонажа на окружающий ландшафт:

«И снова разноголосый птичий гомон покори́л Александра Михайловича, властно заставив забыть обо всем на свете. Только легкая неосознанная грусть тихонько теплилась...»²⁹ и т. п.

А вот в пейзажной интродукции к сцене рыбной ловли в «Тихом Доне» вместо «прохладного утра» и «тумана», что «поднимается над рекой», мы наблюдаем, как

«Над Доном на дыбах ходил туман»³⁰.

То есть туман – он конь, как и подобает вести себя туману в казацких владениях!

«...Редкие в пепельном рассветном небе зыбились звезды...»³⁰ – в воздушной стихии звезды «зыбятся». т. е. дрожат, расплываются, точье-точье, как в стихии водной.

А «солнце, не всходя, томилось»³⁰ – так томится невзошедшее зерно и человек в ситуации неопределенности...

О солнце в подложном эпизоде сказано просто, ясно и неброско:

«На восходе солнца стало еще прохладнее, потянул легкий ветерок, исчез туман, и уже окрасились, светло зазеленели кроны тополей...»³¹.

При невзошедшем солнце холодно и в «Тихом Доне», но как холодно! Все полыхает «исступленным холодным заревом»³²!

Исступленное холодное зарево – это встреча холода равнодушной природы и исступления человеческих страстей. Взаимоотражение и взаимоузнавание – вместо задушевно пересказанного пейзажа («зазеленели кроны тополей, мягко озаренные низким солнцем...»³³).

В «главах» место для рыбалки выбрано «метрах в двадцати выше по течению, возле поваленного половодьем, наполовину затонувшего тополя»³⁴, что только породой дерева (тополь вместо вяза) отличается от сходного выбора отца и сына Мелеховых:

«Саженья в пяти от берега виднелись из воды раскоряченные ветви затонувшего вяза».

Вместо обстоятельств смерти тополя (поваленный половодьем) мы наблюдаем затонувший вяз в жесте несломленной воли к жизни: «раскоряченные ветви затонувшего вяза».

Через несколько абзацев смысл образа подтверждается и усиливается:

«Сбочь затонувшего вяза в рукастых оголенных ветвях...»

В этих двух изображениях из «Тихого Дона» нам явлено противопоставление затонувшего (т. е. мертвого) дерева упрямому сопротивлению смерти, сосредоточенному в руках-ветвях.

Но такую же пощрежденную и несломленную «рукастость» мы видим у старшего Мелехова:

«Пантелей Прокофьевич перебирал обрубковатыми пальцами держак черпала».

«Обрубковатые» – от «обрубок»; «обрубок» – это прежде всего обрубок дерева, и именно словом «обрубить» обозначают отделение ветвей от ствола.

И следовательно, Пантелей Прокофьевич и вяз принадлежат одной породе.

По окрасу, яростному нежеланию погибать на крючке и конечно-му поражению в неравной борьбе сазаны в «главах» вроде бы не отличаются от сазанов из «Тихого Дона». Но только в рамках фабулы, а по внутритекстовому поведению это совершенно разные существа.

Пусть «тиходонский» сазан «оранжевым золотом плавников» и впрямь напоминает «червоное золото чешуи» своего двойника. Но живой – настоящий – сазан еще и, «зевая, стал, переливая шевелящееся оранжевое золото плавников».

Ключ к образу – это деэпричастие: «переливая» вместо ожидаемого «переливаясь»... То есть сазан *сам* переливает свои краски, как сам «зевает» и сам «стоит». Не описан со стороны, а сам себя преподносит – живописует!

Отсутствие эстетического, равно как и психологического отношения персонажей к природе следует считать конститутивной чертой прозы первых трех книг «Тихого Дона». Снятие дистанции между персонажем и природой – это центральный, фундаментальный принцип поэтики «Тихого Дона», поэтики сплошь метафорической, явленной в символической организации текста: в каждом микроскожете описание заменяется изображением, топос – тропом.

Это эпический, мифологизированный мир, где все взаимосвязано, взаимоотражено, где любой участник – человек, дерево, рыба – оказывается не объектом, а субъектом действия.

И любой мало-мальски квалифицированный филолог, взявшийся сравнить указанные куски из двух произведений, придет к выводу об абсолютном стилистическом несовпадении двух авторов, почему-то назвавшихся одним именем.

Но изготовитель «глав» ничем не рисковал – столько, сколько присутствовал в советской литературе роман «Тихий Дон», могучее племя шолоховедов занималось исключительно фабулой, злосключениями и классовой психологией героев, снова и снова утверждая их соответствие заранее определенной «правде жизни».

А потому только на шолоховедов и была рассчитана подделка – уж они-то точно раскроют прямую фабульную связь рыбалки № 2 с «Тихим Доном» и оповестят об этом широкую общественность.

Ведь у каждого большого художника можно отыскать одни и те же излюбленные ходы. Вот и Шолохов на новом этапе развития тряхнул стариной! И значит, «главы» 1969 года – это второе пришествие «Тихого Дона»*!

* Наиболее чуткие из современников намек поняли мгновенно: «15/III – 69 г.

Но зачем вообще надо было напоминать и доказывать тот общеизвестный факт, что Шолохов – автор «Тихого Дона»?

А затем, что именно в это время диссиденты взялись за «шолоховский вопрос». Результаты этой работы были обнародованы лишь через несколько лет³⁵, но сведения о готовящихся разоблачениях уже дошли и до Шолохова, и до властей.

И потому уклонение от публикации новых «глав» в «Правде» – это отказ власти от обязательств по защите классика. А Шолохов, со своей стороны, хотел связать власть и себя круговой порукой.

Вот и вся разгадка интриг вокруг публикации «глав» 1969 года.

Итак, раскрытие сокровенного замысла новой «главы» Шолохов оставлял неуважаемым им литературоведам. Сам же сосредоточился на главном герое повествования, и в день присуждения Нобелевской премии даже впустил корреспондента «Правды» в святая святых – свою творческую лабораторию:

«<...> вообще-то день 15 октября для меня оказался удачным во всех отношениях: с рассветом я хорошо потрудились над главою из первой книги романа, главою, которая мне чертовски трудно давалась (приезд к Николаю Стрельцову его брата-генерала, прототипом которого мне послужили жизнь и боевые дела генерала М.Ф. Лукина) <...>»³⁶.

Впрочем имя и некоторые детали жизни и боевых дел прототипа Шолохов сообщил уже в апреле 1965 года:

«Мою работу над романом "Они сражались за Родину" несколько подзадержало одно обстоятельство. Я встретился в Ростове с генералом в отставке Лукиным. Это человек трагической судьбы. Он в бессознательном состоянии попал в плен к гитлеровцам и проявил мужество и стойкость, до конца оставаясь патриотом своей великой Родины. К нему подсылали изменника Власова, который предал Родину и пытался перетащить его на свою сторону. Но из этого ничего не вышло. Лукин рассказал очень много интересного, и часть из этого я думаю использовать в своем романе»³⁷.

И правда, много интересного мог рассказать генерал-лейтенант М.Ф. Лукин (1892–1970)... Вот только одного в его жизни не было – репрессиям он до войны не подвергался. А тогда оказывается, что для своего романа Шолохов отыскал очень странный прототип. Сражаются его герои в июле 1942 года в донской степи, далее было обещано показать их участие в Сталинградской битве, то есть охватить события с августа 1942-го по февраль 1943 года... А Лукин с октября 1941-го по май

Шолохов закончил публикацию глав в «Правде». Стыд немислимый. Сидевший в тюрьме генерал, явный мерзавец, в сегодняшнем отрывке прямо говорит: «Если несколько человек освободили, это не значит, что всех подряд будет освобождать», в том смысле, что много и виновных, врагов.

И снова описание рыбной ловли <...> (Кондратович А.И. Новомирский дневник... С. 393).

1945 года находился в немецком плену и, значит, ничего поучительного ни про сталинские лагеря, ни про Сталинград сообщить не мог...

Вспомним романную биографию генерала Стрельцова: досрочно освободившись из заключения, он 2 июня 1941 года приезжает к брату на отдых. Сидел генерал «без малого четыре с половиной года», то есть с начала 1937 года. По выходе на свободу, его, кадрового военного, после кратковременного отдыха вызывают в Москву, чтобы направить в войска. В разговорах с братом он упоминает, как в 20-х годах присутствовал на встрече командования округа со Сталиным, и Сталин рассказал собравшимся о своей встрече с пленным белым офицером в 1918 году под Царицыном...

Но на жизненный путь Лукина это совершенно не ложится... Откуда же взялся тогда генерал Стрельцов?

Источник мог быть только один – литературный: полковник, а впоследствии генерал Серпилин – герой романов Константина Симонова «Живые и мертвые» и «Солдатами не рождаются».

Федор Федорович Серпилин, кадровый военный, был арестован в 1937 году, приговорен к 10 годам заключения и через четыре года досрочно освобожден. В Москву он вернулся в первый день войны (22 июня 1941 года), желая только одного – поскорей оказаться на фронте³⁸. Желание его исполнилось. В дальнейшем генерал Серпилин принял участие в Сталинградской битве³⁹, после чего написал письмо Сталину, где упомянул о своей встрече с будущим вождем в 1918 году под Царицыном⁴⁰...

Роман «Живые и мертвые» был опубликован в 1959 году, а «Солдатами не рождаются» – в 1964-м... Шолохов же о своей работе над образом генерала Стрельцова объявил в апреле 1965 года.

Можно ли допустить, что Шолохов данные романы Симонова не читал? Можно, но тогда придется констатировать, что в своей стране Шолохов пребывал в гордом одиночестве – романы эти были абсолютным бестселлером.

Неужели Шолохов не боялся, что его схватят за руку? Наверное, все-таки опасался. Иначе не появился бы генерал Лукин.

Ведь ему была назначена одна-единственная роль – отвести глаза от Серпилина. Мол, не с книги списан генерал Стрельцов, а с живого прототипа.

А теперь о прототипе. Биографию Михаила Федоровича Лукина Шолохов изложил по рассказам самого Лукина. И генералу поверил. Впрочем, не один только Шолохов – на лукинские рассказы купились и следователи СМЕРШа! В результате Лукин не только остался в живых и на свободе, но даже получил новое назначение, а затем и генеральскую пенсию. Лишь через 20 лет после смерти генерала русскому читателю открылось истинное лицо героя⁴¹. В плен он действительно попал если и не в бессознательном, то в весьма беспомощном состоянии – будучи тяжело раненым. Зато все остальное – вранье. Вот направленный для ознакомления в Берлин протокол допроса бывшего командующего 16-й, 20-й и 19-й армиями генерал-лейтенанта Красной Армии М.Ф. Лукина от 14 декабря 1941 года (в обратном переводе с немецкого):

«Если Вы хотите, чтобы я ответил на Ваш вопрос: "Почему русский народ, несмотря на всю свою ненависть к Сталину и советской системе, продолжает их защищать?" – то могу ответить таким образом, чтобы быть очень честным в разговоре с Вами. Вы говорите об освобождении народов России от большевистской системы <...>, но одновременно Вы говорите, что только русские являются носителями большевизма, а украинцы, например, нет. Это ерунда. Большевизм так же чужд русскому народу, как и украинцам. Вообще это интернациональное учение. Большевики смогли победить в России только потому, что сельское хозяйство было ужасно запущено после 1-й мировой войны. Коммунисты пообещали крестьянам землю, а рабочим – фабрики и заводы, поэтому народ поддержал их. Конечно, это было ужасной ошибкой, поскольку сегодня крестьянин, по сравнению с прошлым, не имеет вообще ничего. <...> Когда нечего есть и существует постоянный страх перед системой, то, конечно, русские были бы очень благодарны за разрушение и избавление от сталинского режима. <...> Но я все равно не верю в то, что в нынешних условиях внутри СССР может произойти народное антисталинское восстание. Слишком много крови пролили большевики за 20 лет своей власти, и все, кто бы мог поднять такое восстание, уже уничтожены. И даже если существует, к примеру, такой командир или генерал, который бы думал о таком восстании и о новой России, он все равно ничего не мог сделать, так как вокруг него слишком много комиссаров и чекистов. Даже если этот генерал только поговорит об этом со своими друзьями, он все равно ничего не сможет сделать, так как даже в среде военных очень много доносчиков и никому нельзя верить. Поэтому для осуществления антисталинского восстания нужен сильный толчок извне. Вы, немцы, можете сокрушить систему, но Вы не должны думать о том, что народ может это сделать сам, несмотря на свою ненависть к режиму. И Вы не должны упрекать или наказывать русских за то, что они не восстают. <...>

Здесь генерал-лейтенант Лукин задал собеседнику вопрос о том, что не собираются ли немцы создать альтернативное русское правительство? На этот вопрос Лукина допрашивающий ответил, что создание такого правительства будет затруднительно, ибо генерал Лукин сам заметил, что все, кто бы мог войти в такое правительство, убиты большевиками. А в случае создания правительства из случайных людей, русский народ будет думать, что это правительство лишь служит немцам.

Лукин сказал: "Может быть, это и правда. <...> Однако, если будет все-таки создано альтернативное русское правительство, многие россияне задумаются о следующем: во-первых, появится антисталинское правительство, которое будет выступать за Россию, во-вторых, они могут поверить в то, что немцы действительно воюют только против большевистской системы, а не против России, и в-третьих, они увидят, что на Вашей стороне тоже есть россияне, которые выступают не против России, а за Россию. Такое правительство может стать надеждой для народа. Может быть, так, как я, думаю и еще другие генералы; мне известны некоторые из них, кто очень не любит коммунизм, но они сегодня ничего другого делать не могут, как поддерживать его".

На вопрос допрашивающего, кого бы Лукин мог назвать в качестве альтернатив, Лукин ответил:

«Сегодня в СССР существуют только два человека, которые достаточно популярны – это Буденный и Тимошенко. Буденный человек из народа, в 1938 г. Сталин его очень не любил, и многие это знают. Если бы Буденный и Тимошенко возглавили восстание, то тогда, возможно, много крови и не пролилось. Но и они должны быть уверены в том, что будет Россия и российское правительство. И Буденный и Тимошенко не очень любят коммунистические принципы, и, хотя они и являлись продуктами большевистской системы, они могли бы выступить, если бы видели альтернативу. Новая Россия не обязательно должна быть такая, как старая. Она может даже быть без Украины, Белоруссии и Прибалтики, будучи в хороших отношениях с Германией. Вот и помочь в создании такой России и правительства только в Ваших силах, а не в наших. <...>

Теперь я прошу Вас, чтобы Вы знали, что все это сказал россиянин, который любит свой народ, и я не хочу, чтобы было еще хуже. Я прошу Вас сохранить все это в секрете, так как у меня есть семья»⁴².

Правильно, правильно говорил генерал Лукин: «Никому нельзя верить! ...Даже в среде военных!»*

А всех обманувший Шолохов решил, что уж его-то никто не обманет! И надо же – нашелся на хитреца генерал с винтом!

* А еще М.Ф. Лукин рассказывал, что с Шолоховым он впервые встретился в июле 1941 года на Западном фронте в бытность свою командующим 16-й армией (см.: *Мир Н. Указ. соч. С. 2*).

Но это тоже ложь и сразу по трем причинам: Шолохов побывал на Западном фронте в самом конце августа, когда Лукин никакой армией не командовал. А вот в июле посетить Лукина было никак невозможно, поскольку тот вместе со своей 16-й армией находился в окружении и 8 августа 1941 года, не успев еще выйти из окружения, командующим 16-й армии быть перестал.

ЛОШАДИНАЯ ФАМИЛИЯ

Увлекаясь анализом крупных блоков, иногда упускаешь из виду мелочи. А мелочи бывают весьма красноречивы.

Вот, например, понадобился Петру Лопахину напарник – могилу копать... Персонаж самый что ни на есть проходной – на четыре упоминания в девяти фразах. Поскольку, по краткости действия, образ никакой эволюции не претерпел, ограничимся первой фразой:

«На поляне возле дикой яблони с поникшими листьями, осыпанными слезинками дождя, Лопахин и еще один красноармеец, по имени Майборода, вырыли могилу»¹.

Казалось бы, чего проще придумать красноармейцу фамилию, особенно такую, что ни у автора, ни у героев никаких раздумий вызвать не должна? Тут даже и писателем быть не нужно...

Но когда произведение выходит под именем Шолохова, литература – это «Тихий Дон» и ничего больше. Понадобилось чего – листай «Тихий Дон»!.. Книга четвертая, часть восьмая, глава шестая – Прохор Зыков перечисляет однополчан:

«– А тот, у какого чудная фамилия? Какой правофланговым был, фу, будь проклят, как его, кажись, Май-Борода? Хохол, такой, тушистый и веселый, что под Бродами польского офицера напополам разрубил, – он-то живой-здоровый?

– Как жеребец! В пулеметный эскадрон его забрали».

Впрочем, четвертая книга «Тихого Дона» – это тоже результат прилежного чтения. В данном случае – первой книги «Тихого Дона»:

«Митька (Коршунов. – Б.-С.) <...> заикаясь от злобы рассказал:

– Приехал на гости к Мохову купцу этот самый сотник. Погоди, чей он прозвищем? Кубыть. Листницкий. Такой из себя тушистый, сурьезный. Очки носит. Ну, да нехай! Даром, што в очках, а жеребца не дам-ся обогнать!» (I, 1, 8).

Май-Борода из четвертой книги получен простым наложением на пассаж о Листницком «Тараса Бульбы» (с переводом «ляха» в «польского офицера»)...

А в 1949 году сочинитель принялся перечитывать уже опубликованные «главы» и опять наткнулся на Майбороду. И жалко, наверное, стало, что фамилия пропадает без пользы. Еще раз пролистав четвертую книгу, понял, что опереться не на что. И тогда накрутил на фамилию глупейший рассказ об одуревшем солдате, который спросонья наступает Май-Бороде на голову. А наступив, осыпает Май-Бороду не менее дурацкими оскорблениями: «Я из тебя сразу Январь-Бороду сделаю!»².

И так сочинитель увлекся, что позабыл устранить след недавнего обращения к четвертой книге: ведь в 1944 году солдата звали Майборода, а в 1949-м стал он, как в «Тихом Доне», – Май-Борода!

А еще в том же 1949 году пришла пора сказать доброе слово о политруках. В целях индивидуализации положено снабдить персонаж именем... Какое взять? А тут и думать нечего: младший политрук Астасов³. До войны – то есть в «Тихом Доне» – муж Аксиньи, роковой возлюбленной Гришки Мелехова.

Но бывает, что «Тихий Дон» наводит и на раздумья. В ноябре 1943-го броневойщик Петр Лонахин обзаводится вторым номером:

«<...> второй номер расчета, Александр Копытовский – молодой неповоротливый парень с широким, как печной заслон, лицом <...>»⁴.

Что пошло Копытовскому на лицо – ясно: 60-я глава третьей книги:

«Проخور под разговор съел широкого, как печной заслон, чебака <...>. Чебак – это донской лещ (*Abramis brama*).

А фамилия откуда взялась? Сразу из трех глав книги первой:

«Пантелей Прокофьевич <...> ласково шлепал широкой, как лошадиное копыто, ладонью бутылку в зад!» (I, 1, 18);

«<...> Пантелей Прокофьевич, обычно сидевший на корточках, поднимал сторчмя^{II} широкую, что лошадиное копыто, черную ладонь <...>» (I, 3, 16);

«– Ага! Вишь, как Гришка-то мой? А? – поднимал он^{III} сторчмя^{IV} копытистую^V ладонь <...>» (I, 3, 17).

Лицо – широкое, как... Как что? Как лошадиное копыто? Не годится! «Печной заслон» лучше...

А копыто пустим на фамилию: копыто – Копытов... Копытовский!

В доказательство нашей беспощадной правоты предъявим руки Копытовского. Их он демонстрирует дважды – в ноябре 1943 года и в августе 1949-го:

«<...> закрывая черной ладонью рот, Копытовский спросил <...>»⁵;

«<...> широченная ладонь Копытовского зажала ему рот...»⁶.

Все элементы налицо: черная – широкая – как копыто – ладонь!

...Чтобы совершать такие операции, изготовитель «глав из романа» должен был держать перед глазами список стилевых примет «Тихого Дона»... – нужно же сохранять преемственность! Примет, легко опознаваемых. В том числе типичных сравнений. Среди них: «Широкий, как...».

И действительно, из списка отобрано было самое подходящее. А вот то, что осталось:

«Широко, как трехрядную гармонь, развернул <...> дело <...>» (I, 2, 1);

«<...> широко, как старик, улыбался <...>» (II, 5, 16);

«<...> широко, как восточные ветры, загуляли слухи <...>» (III, 6, 4);

«<...> борода широка, как у старого козла!» (III, 6, 39).

¹ С 1953 года «бутылку в зад» заменено на: «*по дну бутылки*».

^{II} После 1936 года «сторчмя» заменено на: «*торчмя*».

^{III} После 1936 года «поднимал он» заменено на: «*Он поднимал*».

^{IV} После 1936 года «сторчмя» заменено на: «*торчмя*».

^V С 1956 года «копытистую» устранено (в издании 1953 года фраза еще более отделилась от оригинала: «<...> Он поднимал *руку* <...>»).

Прошло 20 лет. И снова – уже в последний раз – появляются новые «главы». Для сцены рыбной ловли понадобилось художественно описать сазаний хвост. За образец, как мы уже выяснили, взят сазан из «Тихого Дона» – у того хвост «изогнутый» и «лопушистый». Но ведь надо дать образ в развитии... Лопушистый от слова «лопух», а лопух – растение с плоскими и широкими листьями. Значит, хвост широкий. Что у нас осталось из списка? Гармонь, стариковская улыбка... Вот оно – широкий, «как борода у старого козла!» Хвост, широкий, как борода, – неплохо! Неплохо, но не годится – у козла борода, скорее, длинная... Откуда образ? Из третьей книги, глава 39-я. А ну-ка раскроем эту 39-ю главу... И точно, вот еще про бороду:

«борода, <...> как просяной веник!»

И даже придумывать ничего не надо – борода эта с самого начала уподоблена хвосту:

«<...> – Ишь, – говорит, – бороду распушил, как лисовин хвостяку! <...>» У этого деда, на грех, борода, дивствительно, как просяной веник».

Значит, так – из «изогнутого хвоста» изготовим рыбку спину:

«<...> раздвинув изогнутой спиной воду, показался метровой бронзово-золотистый сазан».

А из бороды – хвост:

«Он взмахнул широким, как просяной веник, оранжево-красным хвостом <...>»⁷.

Правда, если вчитаться в 39-ю главу, сравнение не больно-то подходящее:

«<...> бороду распушил, как лисовин хвостяку! <...>» У этого деда, на грех, борода, дивствительно, как просяной веник».

То есть просяной веник – это указание на пушистость бороды. Пушистость, а не ширину! Такой вот прокол...

P.S. Кстати, о «Тихом Доне»... Что это за образ: «борода широка, как у старого козла»? Называя чью-то бороду козлиной, имеют в виду, что она длинная и клинообразная. А клин к концу – сужается!

Сравнение вложено в уста Мишки Кошевого и обращено к вознице-старообрядцу. Про возницу же сказано так:

«У казака, несмотря на его молодость, кучерявилась густейшая светло-русая^{VI} борода».

То есть и кучерявая, и густая, но ни слова о ширине...

И вот этот бородач рассказывает о бесчинствах комиссара Малкина, расстреливавшего казаков направо и налево, в частности, о таком случае произвола, как вынесение смертного приговора по причине непорочившейся комиссару бороды:

«А другого старика, Митрофана с хутора Андреяновского, увидел сам Малкин на улице, зазывает к себе: «Откуда? Как по фамилии? – и

^{VI} После 1932 года «светло-руссая» заменено на: «светлорусая».

иржет. – Ишь, – говорит, – бороду распустил, как лисовин хвостяку! Очень уж ты на угодника Николая похож бородой. Мы, – говорит, – из тебя, из толстого борова, мыла наварим! По третьей категории его! У этого деда, на грех, борода, дивствительно, как просьяной веник. И расстреляли только за то, что бороду откохал да в лихой час попался Малкину на глаза».

И тут в разговор вступает большевик Кошевой:

«– Нескладно брешешь ты, дядя! <...>

– Люди говорили.

– Люди! Люди говорят, что кур доят, а у них сиськов нету. Брежнев наслушался и треплешь языком, как баба! <...> Эти твои старики смиренные, небось, восстание подготавливали, <...> а ты говоришь, что за бороду да вроде шутки ради расстреливали... Что же тебя-то за бороду не расстреляли? А уж куда твоя борода широка, как у старого козла!

– Я почему купил, по том и продаю. Чума его знает, может и брешут люди, может и была за ними какая шкода супротив власти... – смущенно бормотал старOVER».

Итак, старOVER повергнут в смущение и готов признать, что все, рассказанное им, не более чем злонамеренный слух.

А вот что по поводу данного рассказа Шолохов писал Горькому 6 июня 1931 года, до публикации:

«В 6-й ч[асти] (т. е. в третьей книге. – Б.-С.) я ввел “щелкоперов от Совет[ской] власти” (<...> комиссар 9-й армии Малкин – подлинно существовавший и проделывавший то, о чем я рассказал устами подводчика-старOVERа <...>) для того, чтобы, противопоставив им Кошевого, Штокмана, Ивана Алексеевича и др., показать, что не все такие “загибщики” и что эти самые “загибщики” [нарушали основные положения] искажали идею Советской власти»⁸.

Короче говоря, весь рассказ старOVERа – чистая правда. А Кошевой заявляет, что ложь. И что никаких «загибов» нет и не было. И посямряет все вражьи сплетни одним убийственным доводом:

«Что же тебя-то за бороду не расстреляли? А уж куда твоя борода широка, как у старого козла!»

Но довод – до крайности нелеп. И именно по причине бороды старого козла – длинной, седой, грязной, свалывшейся, но никогда не широкой.

Так что в донпечатной редакции (представленной Горькому) события явно развивались иначе... Но цензура сочла, что подводчик лжет, вот Кошевой и принялся старOVERа обличать. Так появился в романе еще один подложный кусок – с приклеенной козлиной бородой⁹.

А о судьбе оригинального текста рассказал сам Шолохов:

«Я как-то потом (после выхода третьей книги отдельным изданием [1933]. – Б.-С.) встретился с Малкиным. Он мне нагло: “Чего это ты там про меня наплел?” И снисходительно похлопал по плечу. Я не сдержался и ему в ответ: “Жаль, что я главу про тебя уничтожил. Надо было всю правду рассказать...”»¹⁰.

СНИМАЕТСЯ КИНО

Так никогда и не дописанный роман «Они сражались за Родину» завершился кинематографически – в 1975 году, фильмом Сергея Бондарчука. Можно предположить, однако, что кинематографическим было и начало... Признайтесь: неужели словосочетание «Они сражались за Родину» не вызывает в памяти другое название – фильма Фридриха Эрмлера «Она защищает Родину»?

И вышли они – первые «главы из романа» и фильм – в одном месяце одного года: май 1943-го!

Нам, правда, могут сказать, что это случайность – мол, в воздухе носилось!.. И даже аргументированно возразить: права на свое название Шолохов заявил еще 13 марта 1943 года, в интервью газете «Литература и искусство»:

«В Москву с фронтов отечественной войны приехал писатель Михаил Шолохов.

В настоящее время писатель работает над новым романом "Они сражались за родину"...»¹.

И 5 мая 1943 года первый отрывок из романа напечатала «Правда».

А вот про фильм Ф.М. Эрмлера читатели «Литературы и искусства» (единственной в ту пору литературно-художественной газеты) узнали лишь 22 мая – из рецензии Николая Коварского²!..

И действительно – до этой рецензии ничего о таком фильме в 1943 году прочитать было нельзя, буквально ни слова. Более того, читатели 1942 года были убеждены, что Фридрих Эрмлер снимает совсем другой фильм – «Партизаны»! И фильм этот вовсе не был проходным: 6 июня 1942 года был оглашен список «Наиболее значительные из полнометражных картин, находящихся в производстве» – и «Партизаны» в том списке значились³.

В чем же дело? Дело в именах. В титрах фильма «Она защищает родину» сказано, что сценарий принадлежит перу М. Блеймана и И. Бондина. А сценарий фильма «Партизаны» написал Алексей Каплер. И как только он его написал, сразу же удостоился восторженных похвал⁴.

Конечно, и с этим сценарием не все шло гладко: заставили поменять название (вместо «Мирные люди» – «Партизаны»), потом – режиссера (вначале съемку поручили Б. Барнету⁵)... А тут вдруг Эрмлер тоже все бросает и берется за совсем другую картину!

Другую ли? Главную героиню фильма «Она защищает родину» зовут Прасковья Лукьянова, а героиню «Партизан» (тогда еще киноповести «Мирные люди») – Паша Лукьянова⁶. И по содержанию фильм и сценарий А.Я. Каплера неотличимы, как близнецы...

Надо ли продолжать? Ну, да – посадили Каплера! По 58-й статье, но срок дали детский – 5 лет, сообразно преступлению: совращение несовершеннолетней Светланы Сталиной⁷. Тут, казалось, и фильму – конец.

Шолохову так и показалось. И уж, конечно, слышал он всякие сплетни о «каплеровском деле» – уж больно сильно нижним бельем запахло, чтоб удержаться!.. И, видимо, дошли до него слухи о попытках Эрмлера спасти фильм – о замене сценариста и, главное, – о перемене названия: вместо «Партизаны» – «Она защищает родину»...

Только Шолохову, должно быть, твердо пообещали, что ничего у Эрмлера не выйдет – так силен отцовский гнев. И полное молчание прессы – тому доказательство!.. А значит, можно без опаски отхватить себе выморочное имущество... Название? А хотя бы и название!*

Каплера дзвяти. 3 март, 1943. г. 1943. г. 1943. г. 1943. г. 1943. г. Предупреждение ему сделали еще раньше – 15 декабря 1942 года:

«№ 113 <...> п[ункт] 34 г – О рассказе А. Каплера "Письма лейтенанта Л. из Сталинграда", опубликованном в газете "Правда" 14 декабря 1942 г.

ЦК ВКП(б) считает, что редакция газеты "Правда" поступила неправильно, опубликовав антихудожественный рассказ А. Каплера "Письма лейтенанта Л. из Сталинграда", в котором явно неправдиво и надуманно выведены действующие лица и их отношения друг к другу»⁸.

«Действующие лица», как мы теперь знаем из воспоминаний С.И. Аллилуевой, это – Светлана Сталина и Алексей Каплер («Люся», как ласково она его называла). Не представляют загадки и «их отношения друг к другу».

Тогда же начались неприятности у Ф. Эрмлера, о чем 8 января 1943 года М.И. Ромм поставил в известность товарища Сталина: «<...> художественный руководитель крупнейшей у нас Алма-Атинской киностудии Эрмлер находится в <...> плачевном состоянии. <...> Важнейшие вопросы художественной практики студии, которой он руководит, решаются без его участия. Дошло до того, что приказом Большакова (И.Г., председателя Комитета по делам кинематографии при СНК СССР – Б.-С.) смещены заместители Эрмлера по художественному руководству Трауберг и Райзман, а на их место назначен Пырьев, причем с Эрмлером по этому вопросу не посоветовались, не объяснили ему причин этого исключительного мероприятия и даже не сочли нужным известить его об этом. Будучи в Ташкенте, Эрмлер беседовал со мной. Он находится в исключительно тяжелом моральном состоянии»⁹.

Короче, всем заинтересованным лицам было ясно, что дни Ф. Эрмлера на высоком посту – сочтены. Оттого 13 марта, в упомянутом интервью, Шолохов уже не стеснялся:

* Современникам, кстати, оно вовсе не казалось банальным – см., например, письмо Ольги Берггольц Александру Фадееву от 11 мая 1943 года: «Хочу отпартовать тебе, что закончили (только вчера) мы с Юркой [Г.П. Макогоненко, – Б.-С.] наш сценарий, который еще до появления романа Шолохова был назван нами "Они жили в Ленинграде"» (Александр Фадеев: Письма и документы из фондов Российского государственного архива литературы и искусства / Сост., вступ. ст. и коммент. Н.И. Дикушиной. М.: Изд-во Литератур. ин-та им. А.М. Горького, 2001. С. 241).

«В беседе с нашим сотрудником М. Шолохов сказал:

“Это будет книга о советских людях в дни великой отечественной войны, – о тех, кто с оружием в руках защищает нашу родину на фронте <...>”¹⁰.

И все промолчали.

Так, в один месяц май одного 1943 года появились на свет два од-
нояйцевых близнеца – краденый плод чужой любви¹¹.

РОДИНА БОЛЬШАЯ И МАЛАЯ

Существует еще одна проблема с названием романа – как его писать?

Подводя итог предшествующим раздумьям, В.В. Васильев сообщает:

«В названии романа Шолохов склонялся к тому, чтобы слово *Родина* печаталось не с прописной, а со строчной буквы – воля автора, до сих пор не учитываемая издателями, и объяснял существо заголовка кровной приверженностью человека к близкому с детства уголку земли: “Каждый... воевал и умирал за свою родину – родная хата, родные сад, тихая речка, любимая женщина, дети... Из этих, казалось бы, маленьких величин, понятий и складывается великое и однозначное – Родина” (*Корсунов Н. С Шолоховым...: Встречи, беседы, переписка. Оренбург. кн. изд-во, 2000. С. 61*)»¹.

Если сам Шолохов так объяснял смысл названия романа, никакие дополнительные усилия шолоховедов не нужны.

И все-таки, для очистки совести, обратимся к процитированному В.В. Васильевым источнику.

Место действия – казахская степь, берег озера Желтыркуль. Время – 15 октября 1965 года. Присутствуют: Шолохов М.А., корреспондент «Правды» Лукин Ю.Б. и писатель Корсунов И.Ф. Лукин выспрашивает Шолохова, как тот относится к присуждению Нобелевской премии. Шолохов заявляет, что доволен, и делится творческими радостями, «говорит, что в приуральских (у реки Урал. – Б.-С.) степях, на раскладном стуле, у раскладного стола возле потрескивающей “буржуйки” ему неплохо работается, страница за страницей продвигается к концу первой книга романа “Они сражались за родину”.

Видя, что Лукин все записывает, Шолохов подчеркивает:

– В названии романа слово “родина” – не с прописной...

И некоторое время молчит, как бы желая увериться, понята ли его мысль. Каждый, мол, воевал и умирал за свою родину – родная хата, родные сад, тихая речка, любимая женщина, дети... Из этих, казалось бы, малых величин, понятий и складывается великое и однозначное – Родина»².

Что же получается? А получается то, что все далеко идущие рассуждения о значении прописной и строчной букв в слове «родина» принадлежат вовсе не Шолохову, а Николаю Корсунову. Шолохов глубоко-мысленно молчит, вот Корсунов, глядя на него, и пробует догадаться: что же такое классик мог иметь в виду?

В.В. Васильев отлично это понял, а потому убрал в цитате из Корсунова словечко «мол», то есть ради утверждения собственной небогатой идеи совершил мелкий подлог.

Остается замечание Шолохова, что «в названии романа слово “родина” – не с прописной». С этим и надо разбираться.

Обратимся к началу – к 1943 году.

«Главы из романа» публикуются в «Правде» с 5 по 8 мая, затем – 4 ноября, и – с 15 по 17 ноября.

И во всех случаях название выглядит так:

«Они сражались за родину».

Во всех, кроме последнего, – в номере от 17 ноября 1943 года мы обнаруживаем отличие:

«Они сражались за Родину».

Следующий год – 1944-й, две порции: с 12 по 14 февраля и 3 июля. И снова:

«Они сражались за родину».

Без вариантов!

Новых глав пришлось дожидаться пять лет. В 1949 году – четыре подачи: 28–30 июля и 1 августа. Название:

«Они сражались за Родину».

С тех пор только так роман и называется.

Когда 13 марта 1943 года Шолохов впервые объявил о работе над романом «Они сражались за родину», никаких вопросов такое название у корреспондента не вызвало³. И не могло вызвать: фильм Ф. Эрмлера тоже назывался вначале «Она защищает родину»⁴.

И в «Науке ненависти»: всюду, где нынче стоит «Родина», в 1942 году была – «родина».

Да что там родина – Великая Отечественная война в 1943 году именовалась «великой ртечественной войной»⁵!

Лишь потом – когда война и родина налились победной мощью – употребление строчной буквы в этих словах могло обрести смысл. Но до 1965 года Шолохов ни о чем таком не заявлял... Хотя к слову «родина» чутко прислушивался еще в годы войны.

Вспоминает вдова Эммануила Казакевича – Галина Казакевич:

«В военные годы в статьях и речах часто писалось и произносилось слово “Родина”. Такие словосочетания, как “Родина в опасности”, “Все силы на защиту Родины”, были понятны, ни у кого не вызывали удивления и недоумения.

Шел общемосковский митинг работников литературы, искусства, науки, во всех речах непременно произносилось это слово. Когда на трибуну взошел И.Г. Эренбург и когда он также произнес слово [“Родина!”], раздался голос М.А. Шолохова:

– Я не понимаю, о какой Родине говорит Илья Григорьевич Эренбург!

Эренбург не принадлежал к людям, лезущим за словом в карман или мучающимся “лестничными остротами”. Ни мгновения не раздумывая, он разъяснил Шолохову и всем, слышавшим его вопрос, о какой Родине он говорит:

– Я говорю о той Родине, которую предал Андрей Андреевич Власов, – и стал продолжать речь, прерванную вышеуказанным образом»⁶.

Вернемся к роману. Итак, в 1965 году Шолохов указал, что в названии «Они сражались за Родину» слово «Родина» следует писать не с прописной буквы, а со строчной. И замолчал.

А спросить, что это значит, никто не решился...

Если подумать, особой загадки тут нет. Шолохов несколько раз высказывался, что роман его повествует о рядовых – простых людях, которых война сделала солдатами (правда, в 1969 году Шолохов ввел в повествование генерала, а в 1970-м заявил, что в романе «придется хотя бы вскользь касаться работы Ставки»⁷...).

А каковы отличия «Родины» от «родины»? В слове «родина» меньше торжественности и напыщенности. Вот и всё.

Шолоховеды и сами могли бы сообразить... Почему же не сообразили? А потому что знают: если работать с текстами Шолохова всерьез – рискуешь напороться на неприятные открытия или провалиться в пустоту.

Оттого теперь, когда отпала нужда писать за Шолохова, за него стали говорить.

СТРАШНАЯ МЕСТЬ

Разобравшись с заглавием, раскрыем «главы из романа». Кто они – главные герои?

И снова начнем с самого начала: с куска романа, дошедшего до читателя самым первым – 5 мая 1943 года.

Рассказывает персонаж по имени Иван Звягинцев:

«Видишь рубец у меня на верхней губе? <...> На первое мая я и другие мои товарищи комбайнеры затеялись выпить. Собрались семейно, с женами, гуляем, гармошка, подпили несколько.

Была на этой вечеринке одна барышня, очень хорошо “цыганочку” танцевала. Смотрю я на нее, люблюсь, и никакой у меня насчет ее ни задней мысли, ни передней нет, а жена подходит, щипает за руку и шипит на ухо: “Не смотри!” Вот, думаю, новое дело, что же мне на вечере зажмурки сидеть, что ли? Опять смотрю. Она опять подходит и щипает за ногу, с вывертом, до глубокой боли: “Не смотри!” Отвернулся, думаю, чорт с тобой, не буду смотреть, лишусь такого удовольствия. После танцев садимся за стол. Жена против меня садится, и глаза у нее, как у кошки, круглые и искру мечут. А у меня синяки на руке и на ноге ноют. Забывшись, гляжу я на эту несчастную барышню с неудовольствием и думаю: “Через тебя, чертовка, приходится незаслуженно терпеть! Ты ногами вертела, а мне расплачиваться”. И только я это думаю, а жена хватает со стола оловянную тарелку и со всего размаху – в меня. Мишень, конечно, подходящая, морда у меня всегда была толстая. Не поверишь, тарелка согнулась пополам, а у меня из носа и из губы – кровь, как при серьезном ранении.

Барышня, конечно, охает и ужасается, а гармонист упал на диван, ноги задрал выше головы, смеется и орет дурным голосом: “Бей его самоваром, у него вывеска выдержит!” Света я не взвидел! Встаю и пускаю ее, жену то-есть, по матушке. “Что же ты, говорю, зверская женщина, делаешь, так твою и разэтак?!” А она мне спокойным голосом отвечает: “Не пяль глаза на нее, рыжий чорт! Я тебя предупреждала”»¹.

Текст как текст – похоже на плохого Зошечко. Ничего излишне замечательного...

Но сделаем усилие – продолжим чтение:

«Тут я успокоился несколько, сел и обращаюсь к ней вежливо, на “вы”: “Так-то, говорю, вы, Настасья Филипповна, показываете свою культурность? <...>”»²

Что-о?! Может, это фигурально?.. «Настасья Филипповна» равняется скандалу?!

Да нет, никакой фигуральности! Вот – через страницу:

«<...> “Что ж, Настасья Филипповна, вешайся, веревка за сундуком лежит”»³.

И на следующей – опять она:

«Скажу тебе откровенно и по секрету, никак переписку со своей Настасьей Филипповной не налажу»⁴.

А в быту муж кличет ее просто «Настасьей»:

«<...> "Ополоумела ты, Настасья!"»⁴;

«Возьми, Настасья, прочитай про трактор. <...>»⁴...

Так что ж это – случайность? Вроде нет, потому как сказано про несчастную эту женщину еще и такое:

«<...> последние два года испортилась она у меня. А испортилась она, прямо скажу, через художественную литературу. Восемь лет <...> работала она прицепщиком на тракторе, ни в обмороки не падала, никаких фокусов не устраивала, а потом повадилась читать разные художественные книжки, с этого и началось»⁵.

Так, может, это намек? На художественную литературу? Только как его понимать? А как хочешь, так и понимай!.. На данном этапе.

Потому что, едва простившись 5 мая с Настасьей Филипповной, мы уже на следующий день – в номере от 6 мая – встретим очередную загадку:

«В саду пахло вянущей травой, дымом и пригоревшей кашей. Около полевой кухни, широко расставив кривые ноги, стоял <...> бронебойщик Петр Лопахин»⁶.

Лопахин – это «Вишневый сад», пьеса А.П. Чехова. Так что Настасья Филипповна не в одиночку ходит – их тут, литературных героев, целый табун.

Правда, зовут нашего Лопахина не Ермолай Алексеевич, а Петр (15 ноября 1943 года нам даже отчество сообщает: «Федотович»⁷), да и сад на заднем плане не вишневый, а яблоневый («Легкий ветер шевелил листья яблони»⁸)...

Но не стоит торопиться, потому что 14 ноября 1943 года, за день до знакомства с отчеством, мы обнаружим Лопахина в том единственном месте, где ему положено быть:

«Лопахин <...> шмыгнул в сад. Но едва лишь вишневые деревья скрыли его от посторонних взоров, как он выпрямился <...>»⁹.

Итак, перед нами Лопахин в полный рост... Может, хоть это сыграет какую-то роль в повествовании? Нет, неузнанным и непонятым проходит Лопахин сквозь вишневый сад!..

Ну и не надо, потому что одновременно с Лопахиним, 6 мая 1943 года, появляется еще один персонаж – старшина Поприщенко.

Хорошо хоть не Фердыщенко!.. Да не намного лучше, потому что является он так:

«Насмешливый, злой на язык, бабник и весельчак, Лопахин словно бы дополнял всегда сдержанного, молчаливого Николая, и, глядя на них, старшина Поприщенко – медлительный, пожилой украинец – не раз говорил:

– Если бы Петра Лопахина и Николая Стрельцова превратить в тесто, а потом хорошенько перемесить то тесто и слепить из него человека, может и получился бы из двоих один настоящий человек, а может и нет, кто ж его знает, что из этого месива вышло бы?»¹⁰

Ах, – «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазар Балтазаровича, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича...»¹¹

Агафья Тихоновна, «Женитьба», Гоголь...

А кем может быть цитирующий Гоголя Поприщенко? Только Поприщиным! И никем иным!

И кто-то ведь даже ощутил некое неудобство, поскольку безотказная память Владлена Котовскова сохранила такой эпизод:

«Однажды в ходе веселой беседы Михаил Александрович сказал: “А знаете, почему у старшины фамилия Поприщенко? Да потому, что он и в дни отступления был твердо уверен, что мы *попрем* еще врага назад, на заход солнца!...”»¹².

Видать, теплилась у кого-то надежда, что Поприщенко не от Поприщина произошел.

Вот этот некто и задал вопрос, на который пришлось Шолохову отвечать... Ответ, я думаю, не удовлетворил: во-первых, в куске, опубликованном 14 февраля 1944 года, старшина выражается не так («<...> вскорости опять *пойдем* мы хоженной дорогой, назад, на заход солнца»¹³, а во-вторых, фамилия (что Поприщенко, что Поприщин) образована не от глагола «попереть» (тогда б не было в ней слога «-рищ-»), а от существительного «поприще»...

Так что же это?

Еще раз повторим имена:

Настасья Филипповна – героиня романа «Идиот».

Поприщин – главный персонаж (и автор) «Записок сумасшедшего»...

Лопухин – что про него можно сказать? Произносит он одну знаменитую фразу: «Я купил!»...

А теперь расположим все это в порядке появления персонажей:

«Идиот»

«Я купил!»

«Записки сумасшедшего»

Это что за акростих? А это – суть романа, его метасюжет:

– Я, идиот, купил полный бред!!

Кто вложил это в роман? Шолохов? Но не до такой же степени он...

Нет, это – не Шолохов. Это над Шолоховым издевается автор – писатель-невольник, бесправный литературный негр. Издевается и разоблачает. Ведь все эти литературные игры в пределах элементарного курса. Рассчитаны на моментальное узнавание. Моментальное и безошибочное. Никто не вспомнит фамилию Настасьи Филипповны – Барашкова. А имя и отчество известны всякому. Другое дело – Лопухин, тут как раз никто не помнит имени-отчества: Лопухин – он Лопухин и есть. Равно, как и Поприщин – хоть пытай, не дождешься ответа: «Авксентий Иванович»...

И автор играл.

5 мая наградил персонажа именем «Настасья Филипповна».

Шолохов не понял...

6 мая осмелел и ввел Лопухина с Поприщенко.

Шолохов не понял!

И тогда в ноябре 43-го автор совсем распоясался и запустил Лопухина в вишневый сад.

А Шолохов все равно ничего не понял!!

Но это хоть и опасные, но мелкие пакости. А такой отчаянный автор где-то, но должен был сказать правду.

И он ее сказал! С самого начала (5 мая 1943 года) Иван Звягинцев жалуется, что никак у него переписка с женой не наладится. А почему?

А потому:

«Беру письмо, руки дрожат, распечатал – и так меня жаром и охватило!

Пишет: “Здравствуй, мой любимый котик!”, а дальше <...> на четырех тетрадных страницах про любовь <...>, а в одном месте зовет меня не Иваном, а каким-то Эдуардом. Видно из книжек списывает про эту проклятую любовь, иначе откуда же она выкопала какого-то Эдуарда, и почему в письмах столько разных запятых? Сроду об этих запятых она и понятия не имела <...>»¹⁴.

Ох, не об одной гражданке Звягинцевой тут речь...

Впрочем, и о ней тоже. Что за книжки такие она читает? Мало что про любовь, так еще Эдуард какой-то приبلудился...

Никаких Эдуардов в национальном литературном наследстве вроде бы не имелось... Поэтому обратим внимание на сопутствующий момент: Настасья Филипповна Звягинцева по ошибке называет Эдуардом своего законного мужа Ивана. А такая операция с именами выводит нас на совершенно конкретный литературный образчик: пьесу Максима Горького «На дне» и ее героиню, «девицу 24 лет» с именем самым что ни на есть подходящим – Настя.

Вот она впервые появляется в первом акте:

«Барон (*выхватив у Насте книжку, читает название*): – “Роковая любовь”... (*Хочет*) <...> Эй, ты, роковая любовь! Очнись!»¹⁵

А в третьем акте мы знакомимся и с содержанием Настеино чтения:

«Настя (*закрыв глаза и качая головой в такт словам, певуче рассказывает*): – Вот приходит он ночью в сад, в беседку, как мы уговорились... а уж я его давно жду и дрожу от страха и горя. Он тоже дрожит весь и – белый как мел, а в руках у него леворверт... <...> И говорит он мне страшным голосом: “Драгоценная моя любовь... <...> Ненаглядная, говорит, моя любовь! Родители, говорит, согласия своего не дадут, чтобы я венчался с тобой... и грозят меня навеки проклясть за любовь к тебе. Ну и должен, говорит, я от этого лишиться себя жизни...”

А леворверт у него – огромный и заряжен десятью пулями... Прощай, говорит, любезная подруга моего сердца! – решил я бесповоротно... жить без тебя – никак не могу”. И отвечала я ему: “Незабвенный друг мой... Рауль...” <...>

Барон (*хохочет*): – Настька! Да ведь... ведь прошлый раз – Гастон был!»¹⁶

Наложить этот монолог на Настасью Филипповну Звягинцеву – и проблема не останется: от имени и круга чтения до перепутанных имен... А если кому-то взбрдет в голову прочесть ее письма мужу – пожалуйста:

«И вот – отвечаю я ему: “Радость жизни моей! Месяц, ты мой ясный! И мне без тебя тоже вовсе невозможно жить на свете... потому как

люблю я тебя безумно и буду любить тебя, пока сердце бьется во груди моей!" <...>

Барон (<...> смеется): – Это все из книжки "Роковая любовь"... Все это – ерунда!»¹⁷

А поскольку пьеса называется «На дне», не представляет труда обогатить уже выстроенный метасюжет еще на один оскорбительный параметр – «подонок»...¹⁸

Интертекстуальные средства задействованы и в отношении другого персонажа. Знаменитая фраза «Я купил!» помещена Чеховым в примечательнейший контекст:

«Любовь Андреевна: – Продан вишневый сад?

Лопухин: – Продан.

Любовь Андреевна: – Кто купил?

Лопухин: – Я купил. Я купил! Погодите, господа, сделайте милость, у меня в голове помутилось, говорить не могу... <...> Вишневый сад теперь мой! Мой! (Хохочет.) Боже мой, господа, вишневый сад теперь мой! <...> Я купил имение, где дед и отец были рабами, где их не пускали даже в кухню. Я силю, это только мерещится мне, это только кажется... Это плод вашего воображения, покрытый мраком неизвестности...»¹⁹

Это о нем сказано, о Шолохове – плод чужого воображения, покрытый мраком неизвестности...

И еще больше это говорит об авторе, о его ненависти к новому хозяину жизни – безграмотному хаму, прикупившему (в придачу к чужому имени) еще и титул писателя.

Слова же Лопухина: «<...> у меня в голове помутилось, <...> это только мерещится мне <...>» – заставляют вспомнить «Записки сумасшедшего»... Круг подтекстов-подсказок замкнулся.

Но если накоротко замкнулся метасюжет, то контакт обязательно должен произойти и на «поверхностном» уровне текста... Он и случился – 13 февраля 1944 года:

«Остатки роты вел старшина Поприщенко. Тяжело раненого лейтенанта Голощекова несли на плащ-палатке бойцы сменяясь по очереди. Позади всех шел мрачный, злой, как чорт, Лопухин <...>

Когда проходили по месту, где утром сиял зеленой листвою <...> сад, а теперь чернели одни обугленные пни, – Лопухин остановился <...> Даже будучи мертвым, сад все еще источал в свою последнюю ночь пленительное и сладостное дыхание жизни...»²⁰

Сад все тот же – вишневый. Что же случилось? Ничего особенного – развязка.

А потому и структура эпизода – рамочная: вступив в эпизод в противостоянии – по оба конца походной колонны, взаимосвязанные персонажи обязаны сойтись в самом конце:

«– Ты Лопухин? – окликнул <...> из темноты старшина Поприщенко.

– Я, – нехотя отозвался Лопухин.

Старшина отделился от стоявшей возле плота группы, пошел навстречу <...>. Он подошел к Лопухину в упор, сказал дрогнувшим голосом:

– Не донесли... умер лейтенант.

Лопахин положил на землю ружье, медленным движением снял каску. Они стояли молча»²¹.

Ситуация нестерпимо фальшивая: старшина, а уж тем более – старшина, ставший командиром полка, – ни при какой погоде не будет давать отчет рядовому бронбойщику.

Так заданный метасюжет корежит незамысловатое повествование.

...А «главы» продолжали появляться и после 1944 года. Вначале с пятилетним промежутком (1949, 1954), потом – с 15-летним (1969). Но подобных игр уже не было. Значит, поменяли исполнителя.

ПЕРЕЛИВАНИЕ КРОВИ

Кроме вариаций на темы «Тихого Дона», Зощенко, Горбатова или Симонова, можно расслышать в «главах из романа» и «гул эпохи». В частности, реплика Николая Стрельцова: «А вот когда <...> в бой будем идти так, чтобы от ярости пена на губах кипела, то тогда и повернется немец задом на восток, понятно?»¹, – несомненно навеяна песней В.И. Лебедева-Кумача «Священная война»:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна...

Отыскивается, однако, и кое-что более интересное. Например:

«<...> выполз из разбитого снарядом окопа капитан Сумсков...

Опираясь на левую руку, капитан полз вниз с высоты, следом за своими бойцами; правая рука его, оторванная осколками у самого предплечья, тяжело и страшно волочилась за ним, поддерживаемая мокрым от крови лоскутом гимнастерки; иногда капитан ложился на левое плечо, а потом опять полз. Ни кровинки не было в его известково-белом лице, но он все же двигался вперед и, запрокидывая голову, кричал ребячески тонким, срывающимся голоском:

– Орелики! Родные мои, вперед!.. Дайте им жизни!»²

А вот произведение совсем иного автора:

«<...> комиссар <...> увидел свою левую руку, отсеченную осколком мины почти по плечо. Эта свободная рука лежала теперь отдельно возле его тела. Из предплечья шла темная кровь, сочась сквозь обрывок рукава кителя. Из среза отсеченной руки тоже еще шла кровь помаленьку. Надо было спешить, потому что жизни осталось немного.

Комиссар Поликарпов взял свою левую руку за кисть и встал на ноги, в гул и свист огня. Он поднял над головой, как знамя, свою отбитую руку, сочащуюся последней кровью жизни, и воскликнул в яростном порыве своего сердца, погибающего за родивший его народ:

– Вперед! За Родину, за вас!

Но краснофлотцы уже были впереди него <...>³

Это – Андрей Платонов, «Одухотворенные люди (Рассказ о большом сражении под Севастополем)». Впервые рассказ был опубликован в журнале «Знамя» в ноябре 1942 года, за полгода до процитированной «главы из романа».

На фоне сильнейшего фабульного сходства особенно резко бросается в глаза стилистическая несообразность предсмертного призыва капитана Сумскова: «<...> вперед! Дайте им жизни!».

Если понимать фразу в привычном смысле (что-то вроде – «Дайте им прикурить!»), то этот залихватский призыв вступает в вопиющее противоречие с высокой патетичностью сцены страшной гибели капитана.

Даже у Платонова аналогичный крик звучит куда более конвенционально:

«— Вперед! За Родину, за вас!»...

И вот как толкует призыв комиссара персонаж платоновского рассказа Василий Цибулько:

«— Вперед, говорим, за родину, за вас!.. За нас с тобой! Родиной для него были все мы, и он умер»⁴.

Заставляя персонажа толковать текст, Платонов тем самым указывает на то, что за призывом комиссара стоит некая более общая и неординарная концепция. И действительно — такая неординарная концепция связи жизни и смерти в рассказе присутствует. Более того, она весь рассказ и организует.

«<...> краснофлотцы <...> мчались сквозь чашу смертного огня на первый рубеж врага, чувствуя себя теперь свободно и счастливо, словно комиссар Поликарпов одним движением открыл им тайну жизни, смерти и победы»⁵;

«Нужно отучить от жизни тех, кто научил детей играть в смерть! Я их сам отучу от жизни!»⁶;

«Одинцов дрожал от горя и ярости.

— Пошли на смерть! Лучше ее теперь нет жизни!»⁷;

«Перед ним была его жизненная простая судьба, и Николаю Фильченко было хорошо, что она столь легко ложится на его душу, согласную умереть и требующую смерти как жизни»⁸...

Может показаться, что все это парафраз пасхальной молитвы: «Смертию смерть поправ!», тем более что Платонов (в данном рассказе и в других своих произведениях военной поры) неоднократно акцентирует принципиальную разнокачественность жизни и смерти русской и немецкой. Немец — это и есть смерть, он даже живой мертв. А русский жив и в смерти своей.

Но что такое русская жизнь? Откуда она идет?

Прямой и исчерпывающий ответ на эти вопросы мы находим в рассказе «Размышления офицера»:

«"«...» солдат «...» согласен отдать обратно жизнь за эту землю, потому что солдат понимает: жизнь ему одолжается Родиной лишь временно. Вся честь солдата заключается в этом понимании; жизнь человека есть дар, полученный им от Родины, и при нужде следует уметь возвратить этот дар обратно»⁹.

С офицером полностью согласны «Одухотворенные люди»:

«<...> они поняли, что родились на свет не для того, чтобы истратить, уничтожить свою жизнь в пустом наслаждении ею, но для того, чтобы отдать ее обратно правде, земле и народу, — отдать больше, чем получили от рождения, чтобы увеличился смысл существования людей»¹⁰.

И тогда становится ясно, каким был последний вопль погибающей души капитана Сумскова:

«Дайте *Родине* жизни!»

То есть — отдайте Родине ваши жизни, верните долг!

Дальнейшее понятно — редактор заметил, что, ввиду синтаксической омонимии (формы винительного падежа слова «жизнь» в единст-

венном и множественном числе совпадают), данную фразу можно понять и так: «Дайте Родине прикурить!», «Покажите Родине кузькину мать!». Заметил – и заменил Родину на немцев: «**Родные** <...>!... Дайте им жизни!». И тем превратил трагедию в анекдот.

...А 17 ноября 1943 года сюрприз ждал Лопухина. Затеял он разговор с поваром Лисиченко:

«– Стукнул бы я тебя чем-нибудь тяжелым так, чтобы из тебя все пшено высыпалось, но не хочу на такую пакость силу расходовать. Ты мне раньше скажи – и без всяких твоих штук, – что мы нынче жрать будем?»

– Ши.

– Как?

– Ши со свежей бараниной и с молодой капустой. <...>

– Лисиченко, я сейчас перед боем очень нервный, и шутки твои мне надоели, говори толком: народ без горячего хочешь оставить? <...> Ведь ты понимаешь, кто ты есть? Ты – бог войны!

Не артиллерия – бог войны, это про нее зря так говорят, а ты самый настоящий бог, потому что главное и в наступлении и в обороне – это харч <...>

<...> Лисиченко медленно достал из кармана розовый, расшитый немислимыми цветами кисет <...> Только начинив цыгарку табаком и добыв из трофейной зажигалки огня, он неспеша сказал:

– <...> Видишь, какое дело: возле моста бомбой овец побил, ну, я, конечно, одного валушка прирезал, не дал ему плохой смертью от осколка издохнуть <...> Ну, и поручил двум легко раненым за щами присматривать <...> Вот повоюю немножко, поддержку вас, а придет время обедать <...>, и горячая пища по возможности будет доставлена»¹¹.

В рассказе «Одухотворенные люди» дела обстоят так:

«– Еда – великое дело для солдата! – сказал комиссар Лукьянов на прощанье и уехал. <...>

Краснофлотцы взялись за пшеничный хлеб, за колбасу и консервы.

– После такой еды землю пахать хорошо! – выразил свое мнение Цибулько. – Целину можно легко поднять, и не уморишься!

– Шей не хватает. – сказал Одинцов, – и горячей говядины»¹².

Честно сказать, ши из говядины для русского желудка куда более привычная вещь, чем ши из баранины. Отчего же герои «глав из романа» предпочитают овец коровам (именно шей из баранины – причем не простых, а домашних, – они возжелают и в 1949 году)?

Следы ведут в предыдущую «главу» (от 4 ноября 1943 года):

«По дороге к переправе шли последние части прикрытия, тянулись нагруженные домашним скарбом подводы беженцев, по обочинам проселка, лязгая гусеницами, подымая золистую пыль, грохотали танки, и отары колхозных овец, спешно перегоняемые к Дону, завидев танки, в ужасе устремлялись в степь, исчезали в ночи. И долго еще в темноте слышался дробный топот мелких овечьих копыт, и, затихая, долго еще звучали плачущие голоса женщин и подростков-гонимых, пытавшихся остановить и успокоить ошалевших от страха овец»¹³.